VII F. 9.

О

ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ.

Соч. Дж. Ст. Милля.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

подъ редакціею, и съ предисловіемъ

Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖЕНСКІЕ ТИПЫ.

Ст. Іоганна Шерра.

Переводъ съ нѣмецкаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моригеровскаго Троицкій пер. д. № 13.
1869.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
П. А. ДЕМЕНТЬЕВА.
№ 158-226.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КНИЖНЫЙ ФОНД.
3050

158—226.

VII F. 9.

О

ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ.

Соч. Дж. Ст. Милля.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

подъ редакціею, и съ предисловіемъ

Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖЕНСКІЕ ТИПЫ.

Ст. Іоганна Шерра.

Переводъ съ нѣмецкаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моритеровскаго Троицкій пер. д. № 13.
1869.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.
3175/29
560125

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая книгу Д. С. Милля на русскомъ языкѣ, мы неизбѣжно встрѣчались съ вопросомъ такого рода: для кого и съ какою цѣлію мы издаемъ ее? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соціальное положеніе женщины, даже въ сферѣ практической жизни, сдѣлалось предметомъ великой важности, одною изъ главныхъ задачъ современной европейской мысли; но если предлагаемый Миллемъ идеалъ свободной женщины еще далекъ отъ своего осуществленія въ средѣ такой высокой цивилизаціи, какова англійская, то какое же отношеніе онъ можетъ имѣть къ намъ, идущимъ, по крайней мѣрѣ, на два столѣтія позади англичанъ въ умственной культурѣ? Не значитъ ли это сулить журавля въ небѣ, останавливая вниманіе читателя на такомъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго при-

надлежитъ еще далекому будущему? Это то ходячее возраженіе, которымъ обыкновенно отдѣлывается умственная косность въ нашей критикѣ и въ большинствѣ нашей публики, когда ее обезпокоиваютъ какими нибудь серьозными идеями. Поэтому мы и отвѣтимъ на это возраженіе въ настоящемъ предисловіи.

Судьба идей, подобныхъ женскому вопросу, была вездѣ одинакова. Чѣмъ шире онѣ захватывали интересы того или другого общества, чѣмъ радикальнѣе требовали перемѣнъ въ установленномъ порядкѣ вещей, тѣмъ сильнѣе противодѣйствовалъ имъ личный эгоизмъ преобладающей партіи. Это обыкновенный путь всѣхъ великихъ идей, которымъ человѣчество обязано самыми лучшими результатами своего прогресса. Осуществленію этихъ идей предшествовали долгіе періоды борьбы, сомнѣній и жертвъ; за успѣхомъ ихъ вдругъ наступала реакція, за реакціей новое возбужденіе временно-упавшихъ силъ. Мы не можемъ указать ни на одно замѣчательное открытіе человѣческаго ума, которое бы не выдержало продолжительной и упорной борьбы съ предразсудками своего времени и нѣсколькихъ поколѣній. Борьба эта велась не столько съ людской тупостію, сколько съ мелкими

эгоистическими стремленіями защитниковъ statû quo. Нѣтъ той истины, въ которой бы нельзя было убѣдить человѣка, если только эта истина не касается его ближайшихъ, насущныхъ интересовъ. Поэтому въ чисто-теоретическихъ вопросахъ, ненарушавшихъ житейскаго конфорта людей, реформы удавались легче и проводились въ жизнь скорѣе. Въ наше время никто не станетъ горячиться и спорить изъ за того, населены ли, кромѣ земли, и другія планеты живыми существами или нѣтъ, — это рѣшительно все равно для каждаго изъ насъ,—но Боже мой! какая тьма антипатій, интригъ, затаенной или открытой ненависти поднимется въ душѣ всякаго самодовольнаго глупца, если ему скажутъ, что такая-то идея стремится убавить одно блюдо отъ его обѣда и лишнюю комнату отъ его жилья. Потому-то всѣ реформы, направленныя противъ злоупотребленій экономическаго характера и противъ власти человѣка,—самыя трудныя и на долго отлагаемыя реформы. Къ этому разряду идей Милль относитъ и женскій вопросъ. Тамъ, гдѣ его значеніе понято и гдѣ за него дѣйствуетъ коллективная сила протеста, ему противополагаютъ самыя дѣйствительныя и энергическія мѣры отпора. Въ этомъ-то противо-

дѣйствіи и заключается вся сущность такъ называемой преждевременности хорошихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи какого историческаго масштаба можно измѣрять своевременность той или другой идеи? Почему, напримѣръ, идея личной свободы, осуществленная уничтоженіемъ крѣпостного права, была бы преждевременной въ концѣ прошлаго столѣтія, когда надъ ней думалъ Радищевъ, и своевременной въ половинѣ настоящаго? Когда вовсе не было крѣпостного права, никто и не думалъ считать личную независимость преждевременнымъ фактомъ. Какъ будто можно оправдать какой нибудь исторической логикой ту печальную истину, что два съ половиною вѣка человѣческихъ страданій нужны были для того, чтобы впослѣдствіи убѣдиться въ такомъ гнусномъ явленіи, какъ рабство. И если бы былъ предоставленъ выборъ между нимъ и свободой одному голосу здраваго смысла и совѣсти, то, нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право никогда не затянуло бы своей мертвой петли такъ надолго на шеѣ нѣсколькихъ милліоновъ людей. Но не здравый смыслъ рѣшалъ его установленіе, а личная выгода тѣхъ, кому оно было нужно—и на чьей сторонѣ

была матеріяльная сила. Поэтому мы убѣждены, какъ въ математической аксіомѣ, въ томъ неопровержимомъ фактѣ, что всякое дурное учрежденіе поддерживается не въ силу того, что еще не наступила пора для его уничтоженія или его дурныя послѣдствія недоступны пониманію общества, а потому, что съ нимъ связываются личные разсчеты его сильнѣйшихъ сторонниковъ. Пусть намъ въ исторіи человѣческихъ страданій укажутъ хоть на одинъ такой фактъ, когда общественное зло не вызывало со стороны людей протеста—явнаго или тайнаго, и тогда мы согласимся, что есть бѣдствія, логически необходимыя въ развитіи человѣчества, что каждый шагъ его къ счастію долженъ покупаться цѣлымъ рядомъ величайшихъ несчастій. Но это было бы такимъ вопіющимъ противорѣчіемъ всѣмъ законамъ природы, такой страшной насмѣшкой надъ человѣческой жизнію, что намъ, со всѣми нашими преимуществами разумнаго существа, слѣдовало бы тысячу разъ позавидовать положенію лягушки или червяка. Къ счастію, теорію этого грубаго фатализма и нелѣпой исторической постепенности придумала не природа, а своекорыстная фантазія людей, которые искуственныя, ложно-построенныя форм

жизни стараются выдать за натуральныя и строго-логическія. Все доброе и разумное всегда своевременно людямъ и всегда можетъ быть осуществлено ими, еслибъ только они умѣли и могли отстранять тѣ противодѣйствующія силы, которымъ выгодно удерживать иной порядокъ вещей. Слѣдовательно вопросъ не въ томъ: своевременно ли говорить у насъ о женской эманципаціи, какъ понимаютъ ее народы высшей умственной культуры—а въ томъ, насколько русское общество способно сгладить и удалить тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути осуществленія этой великой практической цѣли современнаго поколѣнія.

Такимъ образомъ задача, въ послѣднемъ ея результатѣ, сводится къ тому, выгодно ли намъ поставить женщину въ независимое положеніе, т. е. изъ простой кормилицы сдѣлать настоящую мать, изъ домашней служанки — свободнаго члена семьи, изъ гаремной одалиски — дѣйствительно любящую жену, изъ мертваго матеріала общества — живую и дѣятельную силу? Вотъ вопросъ, которому мы намѣрены удѣлить здѣсь нѣсколько строкъ. Такимъ образомъ мы ограничиваемся чисто-практической его стороной, потому что дальше тѣхъ теоретическихъ соображеній, которыя высказалъ Милль въ своей книгѣ, вѣроятно еще долго никто не скажетъ ничего новаго.

Россіи поворотъ назадъ, къ ея старой азіятской неподвижности, больше невозможенъ. Идеалъ ея будущаго благосостоянія—въ европейской цивилизаціи, а не въ восточной дряхлости, которую наши псевдо-патріоты готовы выдавать за самобытность и величавое спокойствіе. Это мнѣніе враговъ, а не патріотовъ Россіи. До сихъ поръ мы дорого расплачивались за свою отсталость, и еще дороже будемъ оплачивать ее въ будущемъ, если не употребимъ всѣхъ усилій и средствъ встать на одинаковый уровень съ образованными націями. Къ этому стремились всѣ лучшіе выразители русскаго интеллекта, всѣ честные и умные люди въ литературѣ и административной дѣятельности. Но если это именно тотъ путь, который неизбѣжно лежитъ передъ нами, то чѣмъ скорѣе и легче мы пройдемъ его, тѣмъ лучше для насъ. А чтобы пройдти его скоро и легко, для этого общество должно выработать въ себѣ какъ можно болѣе дѣятельныхъ силъ, полезныхъ дѣлу прогресса, живыхъ, энергическихъ и свободныхъ. Мы думаемъ, что незави-

симая русская женщина, допущенная, на одинаковыхъ правахъ съ мужчиною, ко всѣмъ отраслямъ общественнаго труда, оказала бы намъ въ этомъ отношеніи великую услугу. Она удвоила бы сумму нашей дѣятельности, такъ какъ цѣлая половина населенія была бы выведена изъ своего пассивнаго бездѣйствія. А удвоить наши настоящія силы — значитъ на половину сократить тотъ путь предстоящаго намъ развитія, которымъ мы еле тащимся теперь. На основаніи математической вѣроятности, при удвоенныхъ силахъ и энергіи, двѣсти лѣтъ народной дѣятельности, при тѣхъ же соціальныхъ условіяхъ, сократились бы во сто лѣтъ, а это громадная экономія времени и труда для отсталаго общества. Кромѣ того, мы убѣждены, что не только количество дѣятельныхъ силъ увеличилось бы, но улучшилось бы и самое качество дѣятельности. Каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, какое сильное вліяніе можетъ оказывать мать на своихъ дѣтей. При настоящемъвоспитаніи русской женщины, приготовляемой исключительно для удовольствія ея будущаго обладателя, это вліяніе если не ничтожно, то положительно вредно. Чего можно ожидать въ дѣлѣ воспитанія отъ безхарактернаго и подневольнаго существа, неимѣющаго ни своей воли, ни общественнаго положенія, ни цѣли въ жизни, — существа вполнѣ поглощеннаго во всемъ преобладающею личностію мужа? Такая мать можетъ воспитать такого же безхарактернаго и пустого человѣка. Кругомъ насъ раздаются постоянныя жалобы на недостатокъ людей активнаго характера, энергическихъ и твердыхъ въ житейской борьбѣ; но откуда же они возьмутся, если первые уроки домашняго воспитанія представляютъ юношѣ постоянные примѣры жалкаго безсилія съ одной стороны и грубаго, ничѣмъ необузданнаго самодурства — съ другой? Надо удивляться не тому, что наше юношество плохо, а тому, что оно еще не такъ плохо, какъ слѣдовало бы ожидать отъ его домашней и школьной дрессировки. Въ семействѣ съ молокомъ матери ребенокъ всасываетъ рабскія чувства страха и безгласной покорности, въ школѣ набиваютъ его голову протухлой латынью, — и послѣ этого хотятъ видѣть въ немъ умнаго и энергическаго члена общества. Гдѣ же тутъ хоть капля логики? Поэтому роль матери въ воспитаніи своихъ дѣтей до сихъ поръ чисто-отрицательная; силою своей материнской любви она можетъ, при

лучшихъ условіяхъ семейнаго быта, парализовать вредныя вліянія окружающей обстановки, но возбуждающаго стимула и положительныхъ правилъ для развитія она не можетъ дать никакихъ. Да и гдѣ взять ихъ безличному и безправному существу, у котораго отнятъ всякій доступъ къ общественной дѣятельности и къ самостоятельному труду, который только одинъ можетъ дать и характеръ и увѣренность въ своихъ силахъ. Такимъ образомъ мы убѣждены, что всѣ попытки педагогики организовать лучшую систему воспитанія останутся совершенно напрасными до тѣхъ поръ, пока соціальное положеніе женщины не освободится отъ тѣхъ искуственныхъ оковъ, въ которыхъ замираютъ всѣ лучшіе инстинкты женской природы.

Точно такое же вліяніе оказываетъ женщина на всю общественную жизнь. Мы не думаемъ, чтобы она была по самой природѣ консервативна—это значило бы клеветать вообще на человѣческую натуру, но настоящее ея положеніе невольно дѣлаетъ ее сторонницею застоя и неподвижности. Заключенная въ сферу узкой семейной жизни, съ ея мелкими, анти-соціальными заботами, съ ея дрязгами, неизбѣжными при всякомъ стѣсненномъ

положеніи, она не видитъ передъ собою другихъ интересовъ, кромѣ домашнихъ, другихъ стремленій, кромѣ личнаго благосостоянія. Вся жизнь ея, всѣ ея надежды и вѣрованія вращаются около одного домашняго очага. Внѣ его существованіе ея не имѣетъ смысла; обществу она не нужна, общественная дѣятельность для нея закрыта. Какія же соціальныя чувства и стремленія могутъ быть свойственны этой невольницѣ обширнаго, житейскаго гарема? Что за дѣло ей до того, что происходитъ внѣ отведенныхъ ей границъ болѣе или менѣе удобной тюрьмы? Какимъ образомъ она можетъ понимать и сочувствовать высшимъ общественнымъ интересамъ, когда никто не говоритъ ей о нихъ, и если она сама рѣшается познакомиться съ ними, ее осаживаютъ извѣстнымъ нравоученіемъ: „не суйся не въ свою тарелку—твое дѣло бабье!“ Понятно, что при такомъ отчужденіи отъ общественныхъ интересовъ и стремленій женщина не можетъ быть сторонницей прогрессивныхъ идей, и обвинять ее въ этомъ—это значило бы обвинять мертвое тѣло въ томъ, почему оно тянетъ внизъ, а не летитъ вверхъ. Прогрессъ требуетъ безпрерывной смѣны идей и формъ общественнаго быта; отъ одного улучшенія онъ

переходитъ къ другому, постоянно реформируетъ и обновляетъ, отсѣкая засохшія вѣтви соціальнаго дерева и прививая свѣжія. Это въ высшей степени творческая сила, ежеминутно разрушающая и созидающая. Но все, чѣмъ дышетъ и живетъ современная женщина, прямо противоположно этому порядку вещей. Она боится перемѣнъ, она только и думаетъ о сохраненіи своего семейнаго statû quo; ея роль строго-консервативная и влекущая назадъ, а не впередъ. Поэтому и вліяніе ея отражается на близкихъ къ ней людяхъ въ этомъ направленіи. Она сдерживаетъ слишкомъ смѣлые порывы мужа, какъ общественнаго дѣятеля, она боится потерять въ немъ свою единственную опору; она передаетъ дѣтямъ это безпокойное чувство страха за личное благополучіе и съ раннихъ лѣтъ убиваетъ въ нихъ благородныя стремленія къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ. Для насъ, и безъ того неспособныхъ выдерживать послѣдовательно прогрессивное движеніе, страдающихъ постоянною боязнію всякой реформы, всякаго покушенія на измѣненіе отжившихъ учрежденій,—для насъ задерживающая сила женщины вдвойнѣ вредна. Она увеличиваетъ нашу косность, и трудно представить, на какое громадное разстоя-

ніе отодвигаетъ общество назадъ въ нашемъ умственномъ и соціальномъ развитіи.

Вотъ почему знакомство съ послѣдними выводами европейской мысли по женскому вопросу для насъ, можетъ быть, гораздо необходимѣе, чѣмъ для другого народа. Для насъ этотъ вопросъ имѣетъ высокое практическое значеніе, и еслибъ мы смѣли надѣяться, что Россія первая разрѣшитъ его удовлетворительно, то это было бы величайшей побѣдой ея прогресса. Она сократила бы себѣ, по крайней мѣрѣ, на двѣсти лѣтъ тотъ тяжелый и медленный путь общественнаго развитія, которымъ она шла доселѣ; она доказала бы, что и для нея наступила пора принять участіе въ историческомъ движеніи къ лучшему будущему человѣчества. А это призваніе только и даетъ право называться дѣйствительно-образованнымъ и не безполезнымъ народомъ.

Г. Благосвѣтловъ.

О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ.

Соч. Джона Стюарта Милля.

ГЛАВА I.

Въ предлагаемомъ нынѣ изслѣдованіи авторъ хотѣлъ съ возможною ясностію, на сколько для него доступно, изложить основанія того мнѣнія, котораго онъ сталъ держаться съ очень ранняго времени, — когда въ немъ вообще начали вырабатываться какія бы то ни было мнѣнія о соціальныхъ и политическихъ вопросахъ, — и которое, путемъ размышленія и жизненнаго опыта, постепенно укрѣплялось въ немъ; мнѣніе это заключается въ томъ, что принципъ, господствующій надъ нынѣшними соціальными отношеніями между обоими полами — легальнымъ подчиненіемъ

одного пола другому — есть зло въ самой сущности и одна изъ главнѣйшихъ преградъ къ человѣческому прогрессу, и далѣе, что онъ долженъ быть замѣненъ принципомъ полнаго равенства, недопускающимъ никакого преобладанія или привилегій съ одной стороны, никакой неспособности—съ другой.

Самый выборъ словъ, нужныхъ для обозначенія предположенной нами задачи, показываетъ, какъ она нелегка. Было бы, однако, совершенно ошибочно думать, будто въ этомъ случаѣ трудность проистекаетъ изъ недостаточности или неясности доводовъ, на которые опирается мое убѣжденіе. И здѣсь трудность совершенно таже, какая бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда приходится бороться съ пассивною силою чувствъ. До тѣхъ поръ, пока то или другое мнѣніе крѣпко засѣло въ нашихъ чувствахъ и страстяхъ, преобладающая сила аргументацій, вмѣсто того, чтобы подкапывать его прочность, скорѣе дѣлаетъ мнѣніе это еще болѣе упорнымъ. Если бы оно явилось какъ результатъ аргументаціи, то опроверженіе доводовъ, разумѣется, пошатнуло бы убѣжденіе въ самыхъ его основахъ. Но когда мнѣніе гнѣздится только въ одномъ чувствѣ, то чѣмъ несостоятельнѣе является

оно передъ судомъ разума, тѣмъ болѣе его адепты пріобрѣтаютъ увѣренность въ томъ, что должно быть ихъ чувство непогрѣшимо, если никакіе на него аргументы не дѣйствуютъ. И до тѣхъ поръ, пока оно не изгнано, подобное чувство постоянно прячется за новыми траншеями, прикрывающими уже продѣланныя въ немъ бреши. Притомъ же между всѣми теоріями, поддерживающими ветхія учрежденія и обычаи, чувства, имѣющія отношенія къ нашему предмету, по очень многимъ причинамъ, имѣютъ наибольшую интенсивную силу и засѣли въ людяхъ такъ глубоко, что нечего удивляться, если въ наше время великій умственный и соціальный поворотъ къ лучшему успѣлъ подкопать и ослабить ихъ гораздо меньше сравнительно со всѣми прочими давно ниспровергнутыми учрежденіями. Но изъ того, что люди до самаго поздняго времени придерживаются извѣстныхъ варварскихъ обычаевъ, также нельзя заключать, чтобы обычаи эти были чѣмъ нибудь лучше тѣхъ дикихъ воззрѣній, которыя раньше отжили свое время.

Однимъ словомъ, задача того, кто захотѣлъ бы бороться съ почти всеобщимъ мнѣніемъ людей, очень

нелегка во всѣхъ отношеніяхъ. Даже при его идущей изъ ряда вонъ способности къ дѣлу, для него становится уже великимъ счастьемъ, если онъ удостоится выслушанія. Быть допущеннымъ къ суду для него гораздо труднѣе, чѣмъ для другихъ выхлопотать приговоръ.

За тѣмъ, удостоившись вниманія къ своимъ словамъ, онъ долженъ подвергнуться цѣлому ряду логическихъ требованій, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, которыя существуютъ для всякаго другого отвѣтчика. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вся сила доказательствъ заключается въ утвержденіи. Если кого нибудь обвиняютъ въ убійствѣ, то обвинители должны доказать его преступность, а не онъ обязанъ убѣждать въ своей невинности. Если относительно несомнѣнности какого либо историческаго событія— назовемъ для примѣра хоть осаду Трои—существуетъ разногласіе мнѣній, то защитники дѣйствительности факта должны представить свои доказательства прежде, чѣмъ отъ ихъ оппонентовъ потребуется хотя одно слово. Да притомъ отъ нихъ никогда не потребуется ничего другого, какъ только объяснить, что доказательства ихъ противниковъ не имѣютъ ни-

какого значенія. Далѣе, въ области практическихъ вопросовъ, вся сила доказательствъ направляется противъ того, кто нападаетъ на свободу, отстаиваетъ ограниченіе и запретъ—будь то стѣсненіе общей свободы человѣческихъ дѣйствій, или предоставленіе привилегій извѣстному лицу или классу въ ущербъ другимъ. Обыкновенное убѣжденіе *a priori* высказывается въ пользу свободы и безпристрастія. Мы всѣ соглашаемся, что не слѣдуетъ прибѣгать ни къ какому стѣсненію, неоправдываемому общимъ благомъ, и что законъ долженъ быть нелицепріятенъ, долженъ со всѣми поступать одинаково, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отступленія вызываются положительными нуждами правосудія или благоустройства. Но эти общія положенія нисколько не примѣняются въ пользу защитниковъ женской эмансипаціи. Едва ли нужно говорить, что если кто нибудь станетъ защищать ту доктрину, что мужчины имѣютъ право господствовать, а женщины обязаны повиноваться, или что мужчины способны къ управленію, а женщины неспособны, то все это, повидимому такія извѣстныя аксіомы ,основанныя на общемъ вѣрованіи тупой массы, противъ которыхъ нечего и спорить.

Тутъ достаточно одного довода, что это всѣми принято и всѣми практикуется. Но не такъ легко доказывать противную сторону вопроса. Прежде чѣмъ произвести какое либо впечатлѣніе, я долженъ не только отвѣчать на все, что когда бы то ни было заявлялось съ противной стороны, но еще угадывать, что могло бы быть сказано противъ меня—самъ находить всевозможныя возраженія и отвѣчать на нихъ. Но кромѣ опроверженія доводовъ утверждающей стороны, съ меня потребуютъ еще неотразимыхъ положительныхъ доказательствъ отрицательнаго характера.

Если бы даже мнѣ удалось все это, если бы я выставилъ противъ моихъ оппонентовъ цѣлую массу аргументовъ, оставшихся безъ отвѣта, и не опровергъ хотя бы только одного изъ выставленныхъ противъ меня доводовъ, — то и тогда мною сдѣлано еще немного: дѣло, поддерживаемое повсемѣстнымъ людскимъ обычаемъ и такою значительною массою общественнаго чувства, весьма естественно должно перевѣшивать то убѣжденіе, какое можетъ быть вызвано апелляціей къ разумной истинѣ въ головахъ обыкновеннаго умственнаго уровня.

Мы выставляемъ трудности эти вовсе не съ тѣмъ,

чтобы на нихъ жаловаться, — во-первыхъ потому, что это совершенно безполезно; онѣ неизбѣжны при каждой борьбѣ съ предразсудками и практическими побужденіями людей путемъ ихъ собственнаго умственнаго прозрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, мозгъ человѣческаго большинства еще не достигъ надлежащей обработки, при которой бы мы могли требовать отъ людей достаточной и самостоятельной оцѣнки аргументовъ для того, чтобы отказываться отъ практическихъ принциповъ, всосанныхъ съ молокомъ матери и во многомъ служащихъ основами существующаго общественнаго порядка,—отказываться при первомъ же нападеніи, разоблачающемъ ихъ логическую нелѣпость. Поэтому я и спорю съ людьми вовсе не изъ за ихъ малой вѣры въ аргументацію, но по причинѣ ихъ излишней вѣры въ обычай и общее чувство.

Одинъ изъ характеристическихъ предразсудковъ, оставленныхъ реакціей девятнадцатаго вѣка противъ восмнадцатаго, заключается въ томъ, что теперь немыслящимъ элементамъ человѣческой природы придается та непогрѣшимость, какая въ прошломъ столѣтіи приписывалась мыслящимъ. Апофеозъ разума мы замѣ-

или обожаніемъ инстинкта, а инстинктомъ называемъ все, что находимъ въ себѣ самихъ и чему не можемъ открыть никакого раціональнаго основанія. Это идолопоклонство, сравнительно съ прежнимъ гораздо болѣе унизительное, пагубнѣе всѣхъ прочихъ лживыхъ вѣроученій настоящаго времени, потому что сообщаетъ всѣмъ имъ главнѣйшую поддержку; оно продержится, по всей вѣроятности, до тѣхъ поръ, пока здравая психологія не откроетъ дѣйствительныхъ корней многаго, что мы считаемъ намѣреніемъ природы или предопредѣленіемъ свыше. Что касается нашего настоящаго вопроса, то я охотно соглашаюсь принять неблагопріятныя условія, въ которыя ставитъ меня сила предразсудка. Я допускаю, что утвержденный обычай и общее чувство людей имѣютъ полную доказательную противъ меня силу, если только не будетъ дознано, что обычай и чувство, изъ рода въ родъ, удерживались другими причинами, а не своимъ внутреннимъ достоинствомъ, что вся ихъ сила проистекла скорѣе изъ худыхъ, чѣмъ изъ хорошихъ побужденій нашей природы. Я готовъ подчиниться всей суровости приговора, если только мнѣ не удастся доказать подкупность судьи. Уступка эта съ моей стороны далеко не

такъ маловажна, какъ можетъ показаться, потому что справиться съ моими условіями—дѣло вовсе не шуточное.

Общее примѣненіе практическаго закона, въ извѣстныхъ случаяхъ, служитъ довольно сильною порукою того, что онъ имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, прежде имѣлъ въ виду хорошія цѣли. Такъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда извѣстный практическій принципъ былъ только-что принятъ или поддерживаемъ впослѣдствіи, какъ средство къ подобной цѣли, возможно успѣшное достиженіе которой было подвергнуто разнообразному опыту. Всеобщее господство мужчинъ надъ женщинами имѣло бы нѣкоторое основаніе только въ томъ случаѣ, если бы оно, при самомъ своемъ началѣ, явилось результатомъ добросовѣстнаго сравненія различныхъ способовъ къ управленію обществомъ, если бы, напр., по испробованіи всякихъ другихъ способовъ къ общественной организаціи—какъ господство женщинъ надъ мужчинами, равенство между двумя полами, всякія смѣшанныя и отдѣльныя формы управленія, какія только можно представить—было дознано положительнымъ опытомъ, что къ обоюдному счастію и благосостоянію половъ ведетъ всего лучше именно тотъ

порядокъ, при которомъ женщины всецѣло становятся подъ ярмо мужчинъ, утрачивая всякое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и легально повинуясь—каждая въ отдѣльности—тому мужчинѣ, съ которымъ она соединяла свою участь. Но даже и въ этомъ случаѣ соображенія, внушившія такой порядокъ, подобно многимъ первоначальнымъ фактамъ общественнаго быта, могли перестать существовать вовсе. Но въ томъ-то и штука, что въ нашемъ частномъ случаѣ все происходило на оборотъ. Начнемъ съ того, что мнѣніе, высказываемое въ пользу настоящей системы, совершенно подчиняющей слабый полъ сильному, — мнѣніе это опирается только на одну теорію, потому что люди никогда не пробовали никакого другого порядка и слѣдовательно тутъ ужь нельзя никакъ сказать, чтобы окончательное рѣшеніе было указано опытомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ противополагается теоріи. Во-вторыхъ, принятіе этой системы неравноправности никогда не было результатомъ обсужденія, предусмотрительности, или какихъ бы то ни было соціальныхъ идей, какого бы ни было изученія того, что ведетъ къ пользѣ человѣчества и къ доброму общественному порядку. Вся система про-

сто-на-просто вышла изъ того факта, что при самомъ раннемъ, сумеречномъ началѣ человѣческаго общества всякая женщина (смотря по цѣнѣ, придаваемой ей мужчинами, и вслѣдствіе своей сравнительной мышечной слабосильности) находилась въ рабскомъ подчиненіи какому нибудь мужчинѣ. Законы и всякія порядки благоустройства начинаютъ съ того, что признаютъ уже существовавшія до нихъ между отдѣльными лицами отношенія. Что было сырымъ физическимъ фактомъ—они обращаютъ въ легальное право, придаютъ ему санкцію общества и главнѣйшимъ образомъ стараются, для пріобрѣтенія и поддержанія этихъ правъ, ввести общественныя и организованныя средства, вмѣсто неправильнаго и незаконнаго проявленія физическаго насилія. Такимъ образомъ, тѣ лица, которыя силою были вынуждены повиноваться, укрѣпляются легально въ этомъ повиновеніи. Рабство, первоначально простой результатъ физической схватки между господиномъ и рабомъ, было возведено въ правило, сдѣлалось предметомъ общаго договора между господами, которые, соединившись вмѣстѣ, ради общихъ интересовъ, своею коллективною силою гарантировали частное имущество каждаго, включая и

рабовъ его. Въ древнія времена огромное большинство мужескаго пола находилось въ рабскомъ состояніи, точно также какъ и весь поголовный комплектъ женщинъ. Но прошли многіе вѣка—и между ними вѣка высокой культуры—прежде чѣмъ тотъ или другой мыслитель осмѣлился заподозрить правильность или безусловную соціальную необходимость извѣстнаго вида рабства.

Мало-по-малу, однако, такіе мыслители являлись среди человѣчества, и при помощи всего прочаго общественнаго прогресса мужское рабство было наконецъ уничтожено во всѣхъ странахъ христіанской Европы (хотя въ одной изъ нихъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ), тогда какъ рабство женскаго пола приняло постепенно форму болѣе мягкой зависимости. Однако зависимость эта, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, вовсе не есть самостоятельное учрежденіе, прямо и непосредственно вызванное интересами правосудія и общественной необходимости,—нѣтъ, это тоже первоначальное рабство, только постепенно смягченное и измѣненное тѣми же причинами, которыя нѣсколько облагородили всѣ прочія общественныя права и болѣе поставили человѣческія отношенія подъ контроль права и человѣчности. Зависимость эта все-таки не утратила значенія своего грубаго происхожденія. Слѣдовательно фактъ ея существованія еще нисколько не говоритъ въ ея пользу. Единственная поддержка, какая только можетъ быть допущена для этого порядка, заключается, повидимому, въ томъ обстоятельствѣ, что онъ удержался до сихъ поръ, тогда какъ многія другія явленія, родившіяся изъ того-же нечистаго источника, уже давно изчезли съ лица земли Именно поэтому для многихъ такъ странно слышать, что неравноправность между мужчинами и женщинами не имѣетъ никакого другого источника, кромѣ права сильнаго.

Если подобное заявленіе и можетъ показаться парадоксомъ, то въ извѣстной степени это объясняется успѣхами цивилизаціи и лучшимъ тономъ нравственныхъ побужденій человѣчества. Мы живемъ — т. е. далеко не всѣ мы, а одна или двѣ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ въ свѣтѣ націй—въ такое время, когда право сильнаго, повидимому, уже совершенно перестало быть регулирующимъ началомъ въ дѣлахъ міра сего; никто уже не опирается на это

право и никому не позволено пускать его въ ходъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части отношеній между человѣческими существами. Если кому нибудь это еще и удается, то не иначе, какъ подъ личиною какого либо общаго соціальнаго интереса. При подобной лицевой сторонѣ современнаго порядка вещей, всякій утѣшаетъ себя мыслью, что господство грубой силы окончилось, что правомъ силы уже нельзя объяснять существованія чего бы то ни было, удержавшагося въ полномъ дѣйствіи до настоящаго времени. Каково бы ни было происхожденіе того или другого изъ нашихъ современныхъ институтовъ, разсуждаютъ эти господа, но если онъ удержался до настоящей поры умственнаго прогресса, то только потому, что такой институтъ вытекаетъ изъ человѣческой природы и долженъ вести къ общему благополучію. Разсуждающіе такимъ образомъ не понимаютъ всей упорной живучести и прочности учрежденій, имѣющихъ право на сторонѣ силы,—не понимаютъ, какъ глубоко такія учрежденія вкореняются въ почву и какъ отождествляются хорошія или дурныя качества имѣющихъ власть въ своихъ рукахъ съ самою властію. Эти люди не знаютъ, какъ медленно

такія учрежденія подаются назадъ—одно за однимъ, порознь, слабѣйшія сначала и прежде всѣ тѣ, которыя всего менѣе связаны съ привычками обыденной жизни. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, какъ рѣдко лица, получившія легальную силу потому, что прежде обладали физическою—какъ рѣдко такія лица утрачивали свое превосходство, пока физическая сила не переходила на другую сторону. Относительно женщинъ подобный переходъ физической силы не имѣлъ мѣста, и фактъ этотъ, въ связи со всѣми характеристическими особенностями этого частнаго вопроса, уже въ самомъ началѣ заставлялъ несомнѣнно ожидать, что эта отрасль права, основаннаго на силѣ, продержится долѣе всѣхъ остальныхъ, хотя здѣсь самыя грубыя черты были сглажены и ранѣе, чѣмъ при многихъ другихъ видахъ насилія. Да, этотъ одинъ образчикъ соціальныхъ отношеній, основанныхъ на силѣ, неизбѣжно долженъ былъ пережить цѣлыя генераціи учрежденій, построенныхъ на однородномъ принципѣ,—какъ почти одинокое исключеніе среди общаго характера человѣческихъ законовъ и обычаевъ. Но до тѣхъ поръ, пока происхожденіе этого порядка сознаваемо не было, и его настоящій

характеръ не подвергали обсужденіямъ—мы во бще и не замѣчали его разногласія съ современной цивилизаціей, такъ точно, какъ домашнее рабство не бросалось въ глаза древнимъ грекамъ, считавшимъ себя свободною націей.

Дѣло въ томъ, что наши современники, а также два или три послѣднія поколѣнія утратили практическое пониманіе первоначальной жизни человѣчества. Мало-мальски наглядное понятіе о томъ, какимъ нѣкогда было общество, могутъ составить себѣ очень немногіе люди, основательно изучавшіе исторію или хорошо ознакомившіеся лично съ тѣми странами, гдѣ живутъ представители временъ, давнымъ давно канувшихъ въ вѣчность. Большинство же современниковъ не умѣютъ себѣ представить, какимъ важнымъ двигателемъ въ жизни была когда-то грубая сила, какъ открыто и торжественно она проявлялась—я не говорю съ безстыдной наглостью или цинизмомъ, потому что слова эти вызываютъ мысль о чемъ-то, чего надо было стыдиться, тогда какъ подобныя понятія были рѣшительно чужды людямъ тѣхъ вѣковъ, исключая развѣ какого нибудь философа или святого.

Исторія представляетъ намъ человѣческую натуру

въ очень некрасивомъ свѣтѣ, показывая, какъ все уваженіе къ жизни, имуществу и земному благосостоянію извѣстнаго класса лицъ соразмѣрялось съ грубою силою меча, и какимъ образомъ люди, сопротивлявшіеся властямъ, имѣвшимъ оружіе въ своихъ рукахъ, возстановляли противъ себя не только право силы, но и всѣ другіе законы, всѣ понятія о соціальныхъ обязанностяхъ. Въ глазахъ тѣхъ, кому они сопротивлялись, такіе люди были не только тяжко виновны, но и запятнаны самымъ ужаснымъ преступленіемъ, достойнымъ жесточайшей кары, какую только могла измыслить плотоядная человѣческая фантазія. Первый робкій слѣдъ признанія сильнымъ нѣкоторыхъ правъ за слабыми начался съ того, что сильный, ради собственныхъ удобствъ, сталъ давать нѣкоторыя обѣщанія своимъ подручникамъ. Хотя обѣщанія эти, даже подтверждаемыя самыми торжественными клятвами, нерѣдко нарушались и уничтожались съ теченіемъ времени по самымъ ничтожнымъ поводамъ, однако это, по всей вѣроятности, не обходилось безъ нѣкоторыхъ угрызеній совѣсти, развѣ ужь нарушители обладали слишкомъ извращеннымъ моральнымъ чувствомъ. Такъ какъ

древнія республики съ самаго начала основывались, по большей части, на нѣкотораго рода взаимномъ соглашеніи или, во всякомъ случаѣ, составлялись изъ лицъ, не слишкомъ различныхъ по силѣ, то здѣсь мы видимъ первый примѣръ человѣческихъ отношеній, точно разграниченныхъ и поставленныхъ подъ контроль другого закона, чѣмъ грубая сила. Правда, первоначальный законъ силы оставался въ полномъ дѣйствіи между ними и ихъ рабами, а также (при извѣстныхъ, выговоренныхъ въ условіи ограниченіяхъ) между республикой и ея гражданами или между отдѣльными независимыми республиками. Какъ бы то ни было, но изгнаніемъ первобытнаго закона, даже изъ такой узкой области, началось возрожденіе человѣческой природы, причемъ возникли несравненно лучшія чувства—какъ показалъ опытъ, лучшія даже для матеріальныхъ интересовъ, и на будущее время приходилось только расширять ихъ, а не создавать вновь. Хотя рабы и не были частью республики, однако догадка о правахъ рабовъ, какъ человѣческихъ существъ, родилась впервые именно въ свободныхъ государствахъ. Если не ошибаюсь, стоики первые (исключая еврейскій законъ, насколько онъ можетъ быть здѣсь

исключеніемъ) внесли въ свою мораль то понятіе, что люди имѣютъ нравственныя обязанности относительно своихъ рабовъ. Послѣ побѣды христіанства не было никого, кто бы оставался чуждъ этому ученію по теоріи; вслѣдъ за преобладаніемъ католической церкви также не было недостатка въ людяхъ, поддерживавшихъ это ученіе. И однако практическое проведеніе этого ученія составляло одну изъ наиболѣе трудныхъ задачъ христіанства. Болѣе тысячи лѣтъ церковь выдерживала по этому поводу упорную борьбу, но съ едва замѣтнымъ успѣхомъ. Тутъ ужь никакъ нельзя было обвинять ея слабое господство надъ умами. Власть церкви была громадная. Она могла заставить королей и сильныхъ міра отказываться отъ самыхъ завѣтныхъ своихъ сокровищъ для ея обогащенія. Она заставляла цѣлыя тысячи людей, въ цвѣтѣ жизни и на высотѣ мірскихъ благъ, запираться въ монастыри, чтобы тамъ спасаться бѣдностью, постомъ и молитвою. Она высылала сотни тысячъ полчищъ чрезъ моря и сушу, Европу и Азію, для освобожденія святого гроба. Она принуждала королей расходиться съ страстно-любимыми женами, потому что, по мнѣнію церкви, они были родственники въ седьмомъ колѣнѣ (по нашему счету

въ четырнадцатомъ). Все это она могла сдѣлать, но не могла заставить людей поменьше драться между собою, съ меньшей жестокостью мучить рабовъ и, когда представлялась возможность,—даже свободныхъ гражданъ. Она не могла отучить ихъ отъ употребленія силы—силы воинствующей или торжествующей. Отъ этого геров кулачнаго права ни зачто на свѣтѣ не хотѣли отказаться, пока въ свою очередь не попали подъ плеть преобладающей силы. Только благодаря возрастанію королевской власти былъ положенъ конецъ вооруженной борьбѣ, которая велась потомъ только между самими королями или между претендентами на королевскій вѣнецъ. Затѣмъ вслѣдствіе организованія въ укрѣпленныхъ городахъ богатой и воинственной буржуазіи, а также плебейской пѣхоты, оказавшейся въ полѣ сильнѣе недисциплинированнаго рыцарства,—дерзкая тиранія благородныхъ надъ буржуазіей и сельскою чернью была нѣсколько ограничена. Тиранія эта продолжалась даже долго послѣ того, какъ угнетенные получили возможность къ грозному за себя мщенію; на европейскомъ континентѣ такой порядокъ продолжался вплоть до французской революціи, тогда какъ въ Англіи болѣе ранняя и лучшая

организація демократическихъ классовъ справилась съ нимъ скорѣе введеніемъ равныхъ для всѣхъ законовъ и свободныхъ національныхъ учрежденій.

Вообще люди какъ-то мало догадываются, что втеченіи значительнаго періода въ исторіи нашей расы законъ силы былъ положительно признаннымъ, верховодящимъ принципомъ жизни, тогда какъ все другое являлось только въ видѣ оторваннаго, исключительнаго послѣдствія нѣкоторыхъ особенныхъ отношеній. Не слѣдуетъ забывать также, какъ недавно всѣ интересы общества, даже по виду, стали управляться какимъ бы то ни было моральнымъ закономъ. Точно также современники наши не хотятъ обратить должнаго вниманія на то, какъ упорно учрежденія и обычаи, неимѣющіе никакого другого основанія кромѣ права силы, переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ и уживаются съ такимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое ни зачто не допустило бы ихъ первоначальнаго водворенія. Еще не прошло и сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ англичане по закону могли владѣть человѣческими существами, наравнѣ съ имуществомъ, которое могло быть предметомъ купли и продажи; даже въ настоящемъ столѣтіи можно было красть людей, уво-

зить ихъ, замучивать работою до смерти, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Это крайнее проявленіе кулачнаго права, порицаемое тѣми, которые мирятся со всякими другими формами произвола, представляетъ самыя возмутительныя черты въ глазахъ всякаго, кто глядитъ на дѣло съ безпристрастной точки зрѣнія. И однако именно точь въ точь такъ творилось,—творилось по закону въ цивилизованной и христіанской Англіи, на памяти нынѣ живущихъ. Три или четыре года тому назадъ въ цѣлой половинѣ англо-саксонской Америки не только рабство существовало, но торговля невольниками и ихъ спеціальная дрессировка для этой цѣли были самымъ обыденнымъ занятіемъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ. При всемъ томъ это рабство не только не возбуждало противъ себя большее негодованіе, чѣмъ какое либо другое обычное злоупотребленіе силою, но и пользовалось даже нѣкоторыми симпатіями, по крайней мѣрѣ, въ Англіи. Единственнымъ рычагомъ была здѣсь чистѣйшая, нисколько незамаскированная любовь къ наживѣ, и люди, участвовавшіе въ выгодахъ такой системы, составляли весьма незначительную дробную часть населенія, тогда какъ всѣ, лично незаинтересованные въ этомъ

дѣлѣ, относились къ нему съ природнымъ чувствомъ глубокаго омерзенія. Этотъ характеристическій примѣръ устраняетъ необходимость дальнѣйшихъ ссылокъ. Но обратимъ еще вниманіе на живучесть политическаго гнета. Въ настоящее время въ Англіи привилось уже почти всеобщее убѣжденіе, что военный деспотизмъ есть проявленіе кулачнаго права и не имѣетъ никакого другого происхожденія или фундамента. Однако онъ существуетъ и понынѣ у всѣхъ великихъ націй Европы, за исключеніемъ Англіи, гдѣ онъ только-что пересталъ существовать, и даже теперь считаетъ сильную партію защитниковъ во всѣхъ классахъ народа, преимущественно между высокопоставленными и знатными лицами. Вотъ какова сила разъ водворившейся системы, даже когда она далека отъ того, чтобы быть всеобщей, даже когда почти каждый періодъ исторіи представляетъ краснорѣчивыя и всѣмъ извѣстныя преимущества противоположной системы, тѣмъ болѣе, что при этомъ почти всегда примѣромъ служатъ самыя счастливыя и просвѣщенныя человѣческія общества. Въ указанномъ нами случаѣ, представитель деспотической власти составляетъ единственное лицо, непосредственно въ ней заинтересо-

ванное, тогда какъ всѣ прочіе—т. е. всѣ поголовно—образуютъ подручниковъ и угнетенныхъ. Само собою разумѣется, что это унизительно для всѣхъ лицъ за исключеніемъ самаго представителя. Но какъ различны эти отношенія сравнительно съ господствомъ мужчинъ надъ женщинами! Я теперь вовсе не отношусь къ вопросу со стороны его законной силы. Я хочу показать только, что преобладаніе мужского пола, при всей его неосновательности, неизбѣжно должно было продержаться несравненно долѣе, чѣмъ всѣ другія формы господства, которыя однако просуществовали до нашего времени. Все обольщеніе, проистекающее изъ власти ея для обладателя, и весь личный интересъ, заключающійся въ пользованіи ею, ограничиваются въ этомъ случаѣ не однимъ какимъ нибудь классомъ, но распространяются на весь мужской полъ. Это не что либо отвлеченное, пріятное для нѣкоторой фракціи людей, это не маловажныя частныя преимущества для всякаго, кромѣ вождей, какъ это бываетъ при достиженіи политическихъ цѣлей различными партіями,—нѣтъ, власть эта сосредоточивается въ лицѣ и у очага всякаго мужчины—главы семейства или всякаго, кто разсчитываетъ имъ сдѣлаться. Деревенскій про-

столюдинъ вкушаетъ сладость этой власти наравнѣ съ самымъ родовитымъ нобльменомъ. И притомъ, въ этомъ случаѣ желаніе власти проявляется съ наибольшею силою, потому что всякій, добивающійся власти, желаетъ господствовать прежде всего надъ самыми близкими къ нему лицами, съ которыми онъ прожилъ свою жизнь, дѣлилъ все сообща, и которыхъ независимость отъ его авторитета чаще всего обусловливается его личнымъ желаніемъ. Если при другихъ указанныхъ случаяхъ, власть, основанная на силѣ, защищаемая прежде слабѣе, подавалась назадъ такъ медленно, съ такимъ трудомъ, то въ господствѣ мужчинъ должна была заключаться еще большая стойкость, хотя бы оно вовсе не опиралось на какое либо болѣе твердое основаніе. Мы не должны также упускать изъ виду, что въ этомъ случаѣ для распорядителей власти несравненно легче, чѣмъ при другихъ условіяхъ, предупреждать возмущеніе противъ нея. Всякая изъ подданныхъ живетъ на глазахъ, такъ сказать, въ рукахъ своего властителя—въ несравненно болѣе тѣсной связи съ нимъ, чѣмъ съ другими подчиненными одного съ ней пола. Она не имѣетъ никакихъ средствъ къ составленію противъ него партіи, и съ другой сто-

роны имѣетъ самыя уважительныя причины къ пріобрѣтенію его благосклонности и къ избѣжанію всего, что можетъ ему не понравиться. Всякому извѣстно, какъ часто въ борьбѣ за политическую свободу ея защитники подкупаются разнаго рода подачками или страхомъ. Относительно женщинъ можно сказать, что каждая изъ нихъ живетъ въ хроническомъ состояніи подкуповъ и устрашенія. Поднявъ знамя бунта, очень многія изъ предводительницъ и еще болѣе изъ послѣдовавшихъ за ними должны были бы совершенно отказаться отъ удовольствій или отъ облегченій ихъ собственнаго личнаго жребія. Если какая нибудь система привилегій и насильнаго подчиненія и заколачивала крѣпко-на-крѣпко ярмо неволи на шеѣ угнетенныхъ, то это именно было въ данномъ случаѣ. Я еще не доказалъ, что это—совершенно несправедливая система; но всякій, способный мыслить объ этомъ предметѣ, уже легко увидитъ, что даже при всей ея несправедливости система эта неизбѣжно должна была пережить всѣ другія формы незаконной власти. И если нѣкоторыя наиболѣе грубыя формы насилія еще существуютъ во многихъ цивилизованныхъ странахъ, тогда какъ въ другихъ были отмѣ-

нены только въ недавнее время, то было бы странно, если бы наиболѣе вкоренившійся въ человѣкѣ произволъ былъ потрясенъ сколько нибудь замѣтнымъ образомъ. Скорѣе надобно удивляться тому, что протесты и доводы противъ него были такъ многочисленны и такъ полновѣсны, какъ это мы видимъ въ дѣйствительности.

Мнѣ могутъ возразить, что сдвали основательно проводить параллель между господствомъ мужчинъ и тѣми формами деспотизма, которыя были приведены для объясненія нашего предмета, такъ какъ онѣ были произвольны и явились, какъ простое слѣдствіе узурпаціи, между тѣмъ какъ преобладаніе мужчинъ надъ женщинами есть явленіе естественное, вытекающее изъ природы. Но можно ли указать на какое бы то ни было господство, которое не казалось бы совершенно естественнымъ для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ оно находилось? Было время, когда раздѣленіе человѣчества на двѣ категоріи—на незначительный по числу классъ господъ и на многочисленный классъ рабовъ—представлялось даже наиболѣе развитымъ умамъ естественнымъ и единственно-справедливымъ порядкомъ для человѣческой расы.

Такой могучій интеллектъ, какъ Аристотель, такъ много способствовавшій прогрессу человѣческой мысли, принималъ мнѣніе это безъ всякой тѣни сомнѣнія и въ полнѣйшемъ смыслѣ, и при этомъ опирался на тѣ же посылки, которыя выставляются въ этомъ случаѣ въ защиту господства мужчинъ надъ женщинами,—именно, что въ человѣчествѣ бываютъ различныя натуры—свободныя натуры и рабскія натуры, что греки были люди свободной натуры, тогда какъ варварскія племена фракійцевъ-азіятовъ, по самой природѣ своей, были рабы. Но зачѣмъ намъ заходить во времена Аристотеля? Развѣ рабовладѣльцы южныхъ штатовъ въ Америкѣ не поддерживали ту же доктрину со всѣмъ фанатизмомъ людей, сочувствующихъ теоріямъ, которыя ласкаютъ ихъ страсти и оправдываютъ ихъ личныя корыстныя побужденія? Развѣ они не призывали небо и землю въ свидѣтели того, что господство бѣлаго человѣка надъ чернокожимъ составляетъ естественное явленіе, что чернокожая раса, по самой природѣ, неспособна къ свободѣ и предназначена для удовольствія рабовладѣльцевъ? И при этомъ многіе заходили такъ далеко, что видѣли противоестественный порядокъ вещей въ свободѣ лицъ, живущихъ ручнымъ трудомъ. Далѣе теоретики, ратовавшіе за политическій абсолютизмъ постоянно выставляли его, какъ единственную естественную форму правленія, такъ какъ онъ вышелъ изъ патріархальнаго быта,—первобытной, самоначальной формы общества, и сформировался по образцу отеческой власти, которая предшествовала самому обществу и въ которой названные теоретики усматривали самый естественный авторитетъ на землѣ. Мало того, въ этомъ отношеніи самое кулачное право, въ глазахъ незнавшихъ другого закона, казалось самымъ естественнымъ источникомъ господства. По мнѣнію завоевательныхъ расъ, сама природа велѣла побѣжденнымъ повиноваться своимъ побѣдителямъ или—какъ говорилось ради нѣкотораго благозвучія—слабѣйшія и менѣе воинственныя расы должны подчиняться болѣе мужественнымъ и рѣшительнымъ. Самое поверхностное знакомство съ средневѣковою жизнію человѣчества показываетъ, какъ естественнымъ представлялось господство феодальной знати надъ людьми низшихъ классовъ въ глазахъ ея самой и какую неестественную уродливость знатные видѣли во всякомъ притязаніи незнатныхъ на равенство съ ними или даже на

господство того или другого бѣдняка. Да и самый порабощенный классъ едва ли имѣлъ на этотъ счетъ какія либо другія представленія. Освобожденные сельскіе рабы и горожане въ пылу самой простой борьбы никогда не предъявляли какихъ бы то ни было притязаній на участіе въ господствѣ. Они хлопотали только объ извѣстномъ ограниченіи угнетавшей ихъ тиранніи. Итакъ, мы видимъ отсюда, что слово естественный значитъ только необычный и что все, находящееся въ обыкновеніи, представляется естественнымъ. Такъ какъ подчиненіе женщинъ мужчинамъ сдѣлалось повсемѣстнымъ обычаемъ, то всякое отъ него уклоненіе, само собою разумѣется, должно казаться противоестественнымъ. Но даже и въ этомъ случаѣ опытъ жизни достаточно показываетъ, какъ тонъ извѣстнаго понятія совершенно зависитъ отъ принятаго обычая. Когда жителямъ отдаленныхъ странъ впервые сообщаются разныя диковинки объ Англіи, то для нихъ всего удивительнѣе кажется то, что тамъ народомъ правитъ женщина; это представляется имъ такимъ неестественнымъ курьезомъ, что они почти отказываются ему вѣрить. Для англичанъ въ этомъ фактѣ нѣтъ рѣшительно ничего неестественнаго, потому что они къ нему привыкли, но за то они никакъ себѣ не могутъ вообразить, какъ это, безъ насилованія природы, женщины могутъ быть солдатами или членами парламента. Напротивъ, въ феодальную эпоху война и политика вовсе не считались неженскимъ дѣломъ, по самой природѣ, потому что обычай не исключалъ женщинъ отъ того и другого; тогда казалось совершенно естественнымъ, что женщины привилегированныхъ классовъ могутъ обладать мужественнымъ характеромъ, уступая своимъ отцамъ и мужьямъ развѣ только въ мускульной силѣ. Независимость женщинъ вовсе не казалась грекамъ такою неестественною небывальщиною, какъ другимъ древнимъ народамъ, чему доказательствомъ служатъ баснословныя амазонки (въ существованіе которыхъ они вѣрили положительно) и еще болѣе примѣръ спартанскихъ женщинъ; хотя подчиненныя закономъ также, какъ это было въ другихъ греческихъ государствахъ, онѣ были въ дѣйствительности свободнѣе, участвовали въ тѣлесныхъ упражненіяхъ наравнѣ съ мужчинами и торжественно доказали, что въ этомъ отношеніи природа нисколько не сдѣлала ихъ неспособными. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ при-

мѣръ Спарты внушилъ Платону, между многими другими его доктринами, также ученіе о соціальномъ и политическомъ равенствѣ двухъ половъ.

Но могутъ замѣтить, что господство мужчинъ подъ женщинами представляетъ, сравнительно со всѣми другими видами господства, ту разницу, что оно не есть право силы, что оно принимается добровольно, что женщины не жалуются и отчасти соглашаются съ такимъ порядкомъ вещей. Но, во-первыхъ, господство это одобряется далеко не всѣми женщинами. Всегда были женщины, способныя заявлять свои настоящія мысли въ сочиненіяхъ (это единственный родъ общественой дѣятельности, еще не отнятый у нихъ обществомъ); очень многія энергично протестовали противъ современнаго соціальнаго порядка, и еще недавно цѣлыя тысячи ихъ, предводимыя самыми извѣстными въ публикѣ женщинами, подали парламенту прошеніе о допущеніи ихъ къ подачѣ избирательныхъ голосовъ.

Требованіе женщинами такого же солиднаго образованія, какое получаютъ мужчины, и въ тѣхъ же отрасляхъ знанія—высказывается съ возрастающей энергіей и съ довольно вѣроятною перспективою

успѣха; такъ точно и хлопоты ихъ о допущеніи къ занятіямъ и профессіямъ, которыя до сихъ поръ были для нихъ закрыты, дѣлаются настойчивѣе съ каждымъ годомъ. Хоть у насъ (въ Англіи) нѣтъ періодическихъ конвенцій и организованной партіи въ защиту женскихъ правъ, какъ это существуемъ въ Соединенныхъ штатахъ, однако уже завелось управляемое женщинами общество для болѣе скромной цѣли политической эмансипаціи. Но не только въ Англіи и Америкѣ женщины начинаютъ протестовать болѣе или менѣе коллективно противъ тормозящихъ ихъ стѣсненій,—Франція и Италія, Швейцарія и Россія представляютъ въ настоящее время образчики того же явленія. Мы не знаемъ какъ много есть на свѣтѣ женщинъ, втайнѣ лелеющихъ подобныя стремленія, но уже по имѣющимся у насъ подъ руками фактамъ можно судить, какъ значительно число тѣхъ, которыя *стали бы* лелеять подобныя надежды, если бы въ самомъ началѣ не глушили въ нихъ насильственно всякое чувство независимости, какъ неприличное ихъ полу. Не слѣдуетъ также забывать, что никогда еще не случалось, чтобы какой нибудь порабощенный

классъ требовалъ свободы во всей ея полнотѣ. Когда Симонъ Монфортъ въ первый разъ созвалъ депутатовъ общинъ для засѣданія въ парламентѣ—смѣлъ ли кто нибудь изъ нихъ и подумать, чтобы собраніе, изъ нихъ составленное, могло назначать и низвергать министровъ или указывать королю, какъ править государствомъ? Самому честолюбивому изъ этихъ депутатовъ подобная мысль не могла зайдти въ голову. Знатное сословіе уже заявляло этого рода претензіи, тогда какъ общины домогались только освобожденія отъ произвольныхъ налоговъ и отъ невыносимыхъ личныхъ притѣсненій, производимыхъ слугами короля. Въ политической сферѣ всегда присутствуетъ тотъ какъ бы естественный законъ, что повинующіеся какой либо власти древняго происхожденія никогда не начинаютъ своей эмансипаціи жалобами на самую власть, но ропщутъ только на ея притѣснительное отправленіе. Въ женщинахъ, жалующихся на дурное обращеніе съ ними мужей, никогда не было недостатка. Но ихъ было бы еще больше, если бы всякая жалоба, какъ самая тяжкая обида, не повела къ повторенію и еще большему ухудшенію дурного обращенія. Вотъ это-то и дѣлаетъ напрасными всѣ попытки къ ограждению женщины отъ злоупотребленій власти мужа Ни въ какомъ другомъ случаѣ (за исключеніемъ дѣтей), лицо, претерпѣвшее обиду, по положительному дознанію суда, не выдается головой обидчику подъ его кулаки. Поэтому-то, даже при самыхъ тяжкихъ и хроническихъ проявленіяхъ кулачной расправы, жены рѣдко прибѣгаютъ для своей защиты къ покровительству закона, и если въ минуту неудержимаго негодованія или, по совѣту сосѣдей, онѣ поступаютъ такимъ образомъ, то всѣ ихъ дальнѣйшія усилія направляются къ тому, чтобы замять дѣло и отвратить отъ себя неумолимый гнѣвъ своего мучителя. Итакъ, всѣ соціальныя и политическія причины, въ ихъ совокупности, ведутъ къ тому, что для женщинъ дѣлается невозможнымъ коллективное возстаніе противъ мужского господства. Притомъ же положеніе женщинъ несходно съ участью всѣхъ другихъ порабощенныхъ классовъ еще и въ томъ отношеніи, что господа требуютъ отъ нихъ кой-чего другого, кромѣ дѣйствительнаго подданства. Мужчинамъ нужна не одна покорность женщинъ, нужны еще и чувства ихъ. Всѣ мужчины, за исключеніемъ самыхъ скотскихъ натуръ, желаютъ имѣть въ непосредственно-связанной съ

нимя женщинѣ не полневольную рабыню, но добровольную, и не только рабыню, но и фаворитку. Поэтому мужчины пустили въ ходъ все, что могли, для порабощенія женскихъ умовъ. Владѣльцы всѣхъ другихъ рабовъ, для поддержанія въ нихъ покорности, опираются на страхъ — политическій или религіозный. Владѣльцамъ женщинъ было мало простой подчиненности, и потому они направили къ своей цѣли всю силу воспитанія. Всѣ женщины съ самыхъ раннихъ лѣтъ воспитываются въ духѣ того правила, что для нихъ идеальный характеръ совершенно не тотъ, что для мужчинъ—не собственная воля, не самоуправленіе своимъ независимымъ контролемъ, но покорность и уступчивость контролю другихъ. Жить для другихъ, всецѣло отречься отъ своей личности и сосредоточить всю свою жизнь въ чувствѣ любви—вотъ въ чемъ всевозможныя нравоученія видятъ долгъ женщинъ, вотъ что по мнѣнію всякой ходячей морали прилично женской природѣ. Подъ любовью здѣсь подразумѣвается единственный дозволенный ей родъ этого чувства — любовь къ мужьямъ, съ которыми они связаны, или къ дѣтямъ, которыя составляютъ добавочное и неразрывное звѣно въ цѣпи, приковывающей жену къ ея мужу. Если мы обратимъ вниманіе на три условія — во-первыхъ, на естественное влеченіе одного пола къ другому, во-вторыхъ, на совершенную зависимость жены отъ мужа, при чемъ всякое ея право или удовольствіе является или какъ даръ отъ него, или вполнѣ зависитъ отъ его воли, — наконецъ на то, что уваженіе—главный предметъ человѣческихъ домогательствъ—а также всѣ цѣли общественнаго честолюбія могутъ быть преслѣдуемы и достигаемы женою чрезъ посредство мужа;—если примемъ все это во вниманіе, то намъ бы, право, показалось чудомъ, если бы все, что можетъ быть привлекательнымъ въ глазахъ мужчинъ, не было путеводною звѣздою въ воспитаніи женщины и въ образованіи ея характера. Разъ заручившись такимъ вліяніемъ на развитіе женщины, инстинктъ личнаго эгоизма подсказалъ мужчинѣ, что самая существенная часть половой привлекательности заключается для женщины въ ея безусловномъ повиновеніи, нѣжности, безгласности и въ передачѣ всѣхъ индивидуальныхъ ея желаній въ руки сильнѣйшаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни одно изъ постепенно нис-

провергнутыхъ угнетеній человѣчества не было бы ниспровергнуто и до сихъ поръ, если бы его поддерживали такими же средствами и съ такимъ упорнымъ постоянствомъ. Допустимъ, что жизненная задача всякаго молодого плебея заключается въ снисканіи благосклонности какого нибудь патриція, что каждый молодой рабъ только и долженъ заботиться, что о милости къ нему сеньора; допустимъ, что эта милость, мѣстечко въ его сердцѣ составляютъ для подручника цѣль и награду, при чемъ наиболѣе даровитые и смѣлые изъ рабовъ могутъ разсчитывать на лучшіе призы, — наконецъ положимъ, что когда награда уже получена, каждый рабъ отгороженъ каменной стѣною отъ всякихъ интересовъ, не истекающихъ отъ его господина, отъ всякихъ чувствъ и желаній, не раздѣляемыхъ имъ: въ этомъ случаѣ рабы и сеньоры, плебеи и патриціи развѣ не были бы также рѣзко разграничены между собою до сего дня, какъ мужчины и женщины? И за исключеніемъ какого нибудь мыслителя, являющагося тамъ и самъ, не были ли бы всѣ убѣждены, что это разграниченіе составляетъ фундаментальный и непоколебимый фактъ человѣческой природы?

Изъ предшествующихъ соображеній оказывается достаточно яснымъ, что обычай, при всемъ его всеобщемъ характерѣ, въ этомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ доказательной силы и ровно ничего не говоритъ въ пользу того рутиннаго порядка, который ставитъ женщинъ въ соціальную и политическую подчиненность мужчинамъ. Мало того, мы можемъ еще утверждать, что весь ходъ исторіи и прогрессивныя стремленія человѣческаго общества не только не представляютъ никакого доказательства въ защиту этой системы неравноправности, но даже сильно говорятъ противъ этой системы. Да, мы положительно настаиваемъ на томъ, что насколько можно судить по ходу человѣческаго прогресса до настоящаго времени и по характеру современныхъ тенденцій — этотъ остатокъ прошлаго рѣшительно не клеится съ будущимъ и долженъ неизбѣжно изчезнуть.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается настоящій характеръ современнаго быта—то направленіе, которое главнѣйшимъ образомъ отличаетъ новѣйшія учрежденія, новѣйшія соціальныя идеи, самую жизнь послѣдней эпохи отъ строя временъ, давнымъ давно канувшихъ въ вѣчность? Разница та, что человѣческія суще-

ства уже не рождаются для какого либо постояннаго, безъисходнаго положенія въ жизни, не приковываются неумолимою силою къ тому мѣсту, гдѣ родились, но могутъ свободно употреблять свои природныя способности и пользоваться всякими благопріятными шансами для занятія той роли, которая наиболѣе согласуется съ ихъ желаніями. Человѣческое общество старыхъ временъ было построено на совершенно иномъ принципѣ. Всѣ рождались для какого либо постояннаго общественнаго положенія и удерживались въ немъ закономъ или не смѣли и прикоснуться къ тѣмъ средствамъ, которыя могли сдвинуть ихъ съ этого мѣста. Подобно тому, какъ одинъ родится бѣлымъ, другой чернокожимъ, точно также одни рождались въ то время рабами, другіе свободными людьми или гражданами, одни рождались патриціями, другіе плебеями, одни являлись на свѣтъ феодальными барами, другіе—общинниками и чернью, *roturiers*. Рабъ или крѣпостной холопъ никогда не могли освободиться сами и дѣлались свободными людьми не иначе, какъ по волѣ ихъ господина. Почти во всѣхъ европейскихъ странахъ общинникамъ стали жаловать дворянство не ранѣе, какъ къ концу среднихъ вѣковъ, вслѣд-

ствіе возрастанія королевской власти. Даже между благородными старшій сынъ всегда рождался единственнымъ наслѣдникомъ родительскихъ имѣній, и прошло много времени, прежде чѣмъ было положительно постановлено, что отецъ могъ лишить его наслѣдства. Между промышленными классами только тѣ лица, которыя рождались членами цеха или были приняты въ него прирожденными членами, могли легально заниматься своимъ дѣломъ въ предѣлахъ извѣстной мѣстности. И никто не смѣлъ производить какого бы то ни было дѣла, внѣ цеховой касты, иначе, какъ легальнымъ путемъ—согласно съ предписаніями власти. Ремесленники выставлялись къ позорному столбу за то, что производили свою работу новыми, улучшенными способами. Теперь же въ новѣйшей Европѣ,—особенно въ тѣхъ ея странахъ, которыя наиболѣе участвовали во всѣхъ прочихъ современныхъ улучшеніяхъ, — одержало верхъ діаметрально противоположное правило. Законъ и правительство уже не указываютъ, кто можетъ и кто не можетъ производить извѣстную соціальную или промышленную работу и какіе способы производства можно употреблять, какихъ употреблять нельзя. Всѣ

такія соображенія предоставлены личному свободному выбору людей. Въ Англіи даже отмѣнены законы, требовавшіе для ремесленниковъ срочнаго обученія (apprenticeship) на томъ основаніи, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно окажется необходимымъ, достаточно одной этой необходимости для поддержанія старой системы. По старой теоріи было принято, что личному выбору надо предоставлять какъ можно менѣе свободы и что все, что индивидуумъ долженъ былъ дѣлать—насколько то или другое дѣло возможно—ему продиктуетъ высшая мудрость. Онъ былъ увѣренъ, что если его предоставить самому себѣ, то дѣло выйдетъ дрянь.

Но современное намъ убѣжденіе—плодъ тысячелѣтняго опыта—говоритъ, что всякое дѣло, въ которомъ лично и непосредственно заинтересованъ производитель, тогда только и можетъ идти хорошо, когда будетъ вполнѣ предоставлено на его усмотрѣніе, и что всякое вмѣшательство власти только испортитъ дѣло, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нужно оградить право другихъ. Къ такому заключенію люди пришли не скоро, шагъ за шагомъ, и оно было принято уже послѣ того, какъ опытъ всякаго другого порядка сопровождался плачевными результатами. Но въ настоящее время указываемый принципъ (для промышленной сферы) введенъ повсемѣстно въ самыхъ образованныхъ странахъ и почти вездѣ въ тѣхъ странахъ, которыя мало-мальски имѣютъ претензію на просвѣщеніе. Дѣло не въ томъ, что всѣ способы предполагаются одинаково хорошими и всѣ люди одинаково годными для всякой работы, но именно въ томъ, что свобода личнаго выбора признана въ настоящее время единственнымъ условіемъ, которое ведетъ къ принятію наилучшихъ способовъ и назначаетъ всякую работу для наиболѣе годныхъ къ ней рукъ. Никто не видитъ необходимости въ изданіи того закона, что только человѣкъ съ сильными руками можетъ быть кузнецомъ. Полная свобода и конкурренція достаточны для того, чтобы кузнецами дѣлались только люди съ мускулистыми руками, потому что человѣкъ, необладающій нужною для того силою рукъ, съ большею для себя выгодою можетъ заняться такимъ дѣломъ, къ которому онъ болѣе годенъ.

Согласно съ такимъ мнѣніемъ нельзя не убѣдиться, что власть переступила бы за свои настоящіе пре-

дѣлы, если бы, на основаніи какого нибудь общаго воззрѣнія, вздумала заранѣе опредѣлять, что извѣстныя лица не способны къ тому или другому дѣлу. Теперь уже достаточно извѣстно и признано, что если подобное правило и существуетъ, то оно далеко не всегда оказывается непогрѣшимымъ. Если бы даже оно основывалось на большинствѣ случаевъ—что едва ли бываетъ въ дѣйствительности—все-таки есть меньшее число исключительныхъ случаевъ, съ которыми оно не ладится,—и въ этихъ-то случаяхъ было бы несправедливостью относительно частныхъ лицъ и ущербомъ для общества—ставить преграды примѣненію ихъ способностей для своей пользы и для блага другихъ. Съ другой стороны, когда дѣйствительной неспособности къ тому или другому дѣлу отвергать нельзя, всегда бываетъ достаточно обыкновенныхъ мотивовъ человѣческаго поведенія, чтобы отбить у некомпетентнаго лица всякую охоту къ безплоднымъ попыткамъ.

Если этотъ общій законъ соціальной и экономической науки невѣренъ, если частныя лица, руководясь мнѣніемъ тѣхъ, кто ихъ знаетъ, не могутъ такъ хорошо судить о своихъ способностяхъ и призваніи,

какъ законъ и правительство, то общество все-таки не можетъ такъ скоро оставить принципъ этотъ и вернуться къ старой системѣ предписаній и запретовъ. Но если принципъ вѣренъ, то мы должны придерживаться его на практикѣ и не должны приговаривать всякаго, кто родится дѣвочкой, а не мальчикомъ, также какъ кто родится чернокожимъ, а не бѣлымъ, простолюдиномъ, а не бариномъ—къ неподвижному положенію въ своей жизни, къ устраненію отъ всякихъ болѣе высокихъ общественныхъ цѣлей и отъ всѣхъ серьозныхъ занятій. Если бы мы даже до крайняго предѣла допустили вѣчно выставляемое превосходство мужчинъ для занятія всѣхъ профессій, предоставленныхъ имъ теперь, то и тогда все-таки слѣдовало бы руководствоваться тѣмъ аргументомъ, какой принятъ при легальномъ избраніи членовъ парламента.

Если условія избираемости исключаютъ одно способное лицо только разъ втеченіи двѣнадцати лѣтъ, то это дѣйствительная утрата, тогда какъ исключеніе цѣлыхъ тысячей неспособныхъ людей не дѣлаетъ никакого вреда, потому что если бы избирательныя собранія принуждены были вербовать неспособныхъ, то въ такихъ

лицахъ никогда нѣтъ недостатка. Во всѣхъ сколько нибудь трудныхъ и важныхъ дѣлахъ, лица, умѣющія съ ними справиться, всегда малочисленнѣе сравнительно съ запросомъ, даже при самомъ широкомъ полѣ выбора. Но всякое стѣсненіе выбора въ болѣе узкихъ рамкахъ отнимаетъ у общества шансы имѣть способныхъ дѣятелей, не освобождая его отъ неспособныхъ.

Въ настоящее время женское безправіе составляетъ въ наиболѣе образованныхъ странахъ единственный примѣръ того, какъ законы и учрежденія стѣсняютъ дѣятельность лица при самомъ его рожденіи, и опредѣляютъ, что такія лица никогда втеченіе всей жизни не должны думать о достиженіи извѣстныхъ положеній. Единственное исключеніе дѣлается для монархическаго принципа. Но люди для трона все еще родятся; внѣ царствующаго дома никто не можетъ возвыситься до этого положенія, да и въ самой царствующей фамиліи оно достается только путемъ наслѣдства. Всѣ прочія званія и соціальныя преимущества открыты для всего мужского пола; правда, многіе изъ нихъ достигаются только при помощи богатства, но наживать богатство не запрещается никому,

и дѣйствительно, мы видимъ, что оно пріобрѣтается людьми самаго низкаго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія также, что трудности бываютъ непреодолимы для большинства безъ содѣйствія особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, но ни одинъ мужчина не поставленъ за какою либо легальной преградой; ни законъ, ни общественное мнѣніе не присоединяютъ искуственныхъ препятствій къ естественнымъ. Итакъ, общественное отстраненіе женщинъ, на которое онѣ осуждатся самымъ фактомъ рожденія, составляетъ одинокій примѣръ этого рода въ новѣйшемъ законодательствѣ. За исключеніемъ этого случая, гдѣ дѣло идетъ о половинѣ человѣческой расы, ни для кого болѣе уже не замыкаются высокія общественныя отправленія одной фатальной случайностью рожденія, которой не можетъ преодолѣть ни эмиграція, ни какая бы то ни была перемѣна обстоятельствъ; даже церковное отлученіе (къ тому же почти вышедшее изъ употребленія въ Англіи и въ Европѣ) не загрождаетъ пути кающемуся грѣшнику.

Такимъ образомъ, среди современныхъ соціальныхъ учрежденій общественное подчиненіе женщинъ является одинокимъ фактомъ, единственнымъ противорѣчі-

емъ тому, что сдѣлалось ихъ фундаментальнымъ закономъ; это исключительный, оторванный образчикъ старой мысли и старой жизни, изгнанный изъ всѣхъ прочихъ отправленій нашего быта, но удержанный въ дѣлѣ наиболѣе всеобщаго интереса. Это нѣсколько похоже на то, какъ если бы исполинскій дольменъ или громадный храмъ Юпитера олимпійскаго возвышался на площади св. Павла и былъ предметомъ вседневныхъ поклоненій, тогда какъ христіанскія церкви существовали бы только ради празднествъ и торжественныхъ случаевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что добросовѣстный наблюдатель человѣческихъ стремленій невольно долженъ серьозно призадуматься надъ этой полнѣйшей нескладицей этого соціальнаго факта съ тѣми, которые его окружаютъ, надъ этимъ кореннымъ противорѣчіемъ между его характеромъ и прогрессивнымъ движеніемъ, составляющимъ гордость современнаго человѣчества и уже давшимъ чистую отставку всему, что гармонировало съ духомъ указываемаго факта. При этомъ невольно рождается враждебное факту убѣжденіе, далеко перевѣшивающее всякое доказательство, какое можетъ только проистекать въ пользу этого факта изъ обычая и стародавняго порядка;

нельзя не видѣть, что въ этомъ случаѣ вопросъ дѣлается, по крайней мѣрѣ, спорнымъ, подобно выбору между роялизмомъ и республиканизмомъ.

Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ полное право требовать, чтобы вопросъ этотъ не былъ разсматриваемъ съ предвзятой точки зрѣнія существующаго факта и существующаго мнѣнія, но долженъ подвергнуться обсужденію во всѣхъ своихъ внутреннихъ качествахъ. Какъ при оцѣнкѣ всякаго другого соціальнаго порядка, такъ точно и здѣсь, рѣшеніе должно зависѣть отъ того, чтобы строго-обстоятельное взвѣшиванье сущности факта и его послѣдствій было признано наиболѣе выгоднымъ для человѣчества вообще, безъ всякаго различія половъ: это— вопросъ справедливости и общественной нужды. И притомъ обсужденіе должно носить характеръ серьознаго дѣла, должно проникать до самыхъ основаній системы, а не ограничиваться только поверхностными и общими пріемами. Напримѣръ, было бы совершенно недостаточно заявить въ видѣ общаго положенія, что опытъ человѣчества высказался въ пользу существующаго порядка. Опытъ не могъ высказаться

по отношенію къ обѣимъ сторонамъ, потому что до сихъ поръ практическому испытанію подвергалась только одна изъ нихъ. Если намъ скажутъ, что доктрина о равенствѣ половъ опирается только на теорію, то мы напомнимъ, что и противоположное ученіе, кромѣ теоретическаго, не имѣетъ никакого другого основанія. Все, что только непосредственный опытъ можетъ сказать въ его пользу, заключается въ томъ, что человѣчество могло существовать при настоящей системѣ и достигнуть той степени прогресса и благосостоянія, какую мы видимъ теперь. Но могло ли это благосостояніе быть достигнуто ранѣе при другой системѣ, дальше ли мы шагнули теперь, чѣмъ было бы тогда — объ этомъ намъ опытъ не говоритъ ровно ничего. Съ другой стороны, опытъ положительно заявляетъ, что каждый шагъ на пути прогресса сопровождался соотвѣтствующимъ поднятіемъ общественнаго уровня женщинъ, что поднятіе или пониженіе этого уровня принималось историками и философами за самое вѣрное свидѣтельство, за наиболѣе точное мѣрило цивилизаціи извѣстнаго народа или вѣка. Чрезъ весь прогрессивный ходъ человѣческой исторіи положеніе женщинъ болѣе и

болѣе приближалось къ равенству съ мужчинами. Это само по себѣ еще не доказываетъ, чтобы такое уравненіе должно было непремѣнно дойти до полнаго равенства, но безспорно то, что такое предположеніе уже теперь получаетъ нѣкоторую силу.

Не слѣдуетъ также отдѣлываться тою фразою, что *природа* обоихъ половъ предназначила ихъ для настоящихъ отправленій и занимаемаго ими положенія, сама отвела имъ наиболѣе сподручныя для нихъ роли. Становясь на почву здраваго смысла и развитія человѣческаго ума, я отвергаю, чтобы кто нибудь зналъ или могъ знать природу обоихъ половъ, пока они находились въ ихъ ненормальномъ отношеніи между собою. Если бы въ какомъ нибудь обществѣ мы видѣли мужчинъ безъ женщинъ, или женщинъ безъ мужчинъ, или если бы гдѣ нибудь существовало такое общество мужчинъ и женщинъ, въ которомъ женщины не жили бы подъ контролемъ мужчинъ, то еще, пожалуй, можно было бы знать что нибудь положительное относительно умственныхъ и нравственныхъ различій, присущихъ природѣ того и другого пола. То, что мы называемъ женской натурой, есть явленіе въ высшей степени искуственное — результатъ насильственнаго

стѣсненія нѣкоторыхъ сторонъ и неестественнаго возбужденія другихъ. Можно смѣло утверждать, что ни въ какомъ другомъ порабощенномъ классѣ характеръ не подвергся такому сильному противоестественному извращенію вслѣдствіе отношеній къ поработителямъ. Если побѣжденныя и подпавшія рабству племена и были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стѣснены сильнѣе, тѣмъ не менѣе не все въ нихъ было сдавлено подъ желѣзной пятою, и то, что было предоставлено свободному развитію, развилось сообразно съ своими собственными законами. Но по отношенію къ женщинамъ извѣстныя стороны ихъ природы, ради удовольствія господъ, систематически подверглись тепличному и парниковому воспитанію и выхоливанью. Неудивительно поэтому, если нѣкоторые продукты общей жизненной силы разрослись привольно и достигли значительной степени развитія въ этой горячей атмосферѣ, при постоянномъ уходѣ за ними, тогда какъ другіе отпрыски того же корня, оставленные внѣ на холодномъ воздухѣ и умственно обложенные льдомъ, захирѣли, а нѣкоторыя изчезли потому, что были сожжены слишкомъ дѣятельнымъ жаромъ. Но мужчины съ тою неумѣлостью видѣть

дѣло своихъ рукъ, которая характеризуетъ недалекіе умы, безпечно вѣрятъ, что дерево само собою ростетъ такъ, какъ они заставили его расти, и что оно зачахло бы, еслибъ одна его половина не была погружена въ паровую баню, а другая—въ снѣгъ.

Изъ всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ теперь прогрессомъ мысли и выработываніемъ здоровыхъ мнѣній о жизни и соціальныхъ порядкахъ, наибольшая заключается въ глубокомъ невѣжествѣ и невниманіи человѣчества относительно того, что вліяетъ на образованіе человѣческаго характера. Въ какомъ бы свѣтѣ ни представляли извѣстныя качества того или другого народа, при этомъ обыкновенно предполагается, что эти качества вытекаютъ изъ его естественныхъ наклонностей. Потерялъ ли ирландскій поселянинъ охоту къ промышленному труду, сильно задолжалъ ли своему помѣщику, — сейчасъ же находятся люди, утверждающіе, что ирландцы лѣнтяи отъ природы. Обращаютъ ли власти оружіе противъ тѣхъ учрежденій, которыя они должны были охранять,— люди начинаютъ думать, что французы не способны къ свободѣ. Если греки морачатъ и надуваютъ турокъ, тогда какъ турки только грабятъ грековъ—откуда ни

возьмись является мнѣніе, что турки отъ природы прямодушнѣе грековъ. Наконецъ изъ того, что женщины, какъ это часто говорится,—и въ усъ не дуютъ о политикѣ, если она не касается ихъ личности—многіе заключаютъ, что общее благо, по самой природѣ женщинъ, менѣе для нихъ интересно, чѣмъ для мужчинъ. Далеко не тотъ урокъ даетъ намъ исторія, понимаемая теперь несравненно лучше, чѣмъ прежде: для насъ важны уже тѣ ея указанія, что человѣческая натура чрезвычайно податлива внѣшнимъ вліяніямъ и что тѣ ея внѣшнія проявленія, которыя признаются наиболѣе всеобщими и однообразными, въ высшей степени разнохарактерны. Но въ исторіи, какъ и въ путешествіи, люди видятъ только то, что уже засѣло въ ихъ головахъ; изъ исторіи поучаются многому только тѣ немногіе лица, которыя, приступая къ ея изученію, не тащатъ за собою стараго скарба.

Итакъ вопросъ объ естественныхъ различіяхъ между двумя полами—вопросъ въ высшей степени трудный, и при настоящемъ положеніи общества мы лишены возможности составить объ этомъ предметѣ достаточно полныя и точныя свѣденія. Но въ то время, какъ почти всякій высказывается о немъ въ догматиче-

скомъ тонѣ, чуть ли не всѣ пренебрегаютъ единственнымъ средствомъ, которое отчасти можетъ вести къ освѣщенію вопроса. Мы говоримъ объ аналитическомъ изученіи важнѣйшаго отдѣла психологіи—объ изслѣдованіи тѣхъ законовъ, по которымъ обстоятельства вліяютъ на характеръ. Какъ бы рѣзки и по виду неизгладимы ни были нравственныя и умственныя различія между мужчинами и женщинами—тѣмъ не менѣе вопросъ объ ихъ естественномъ происхожденіи можетъ быть рѣшенъ только въ отрицательномъ смыслѣ. Тѣ только различія могутъ быть признаны природными, которыя никакъ не попадаютъ въ разрядъ искуственныхъ—т. е. тотъ чистый остатокъ, который получится за вычетомъ всякой характеристической черты того или другого пола, мало-мальски объяснимый воспитаніемъ или внѣшними обстоятельствами. Самое глубокое знаніе законовъ образованія характера нужно уже для того, чтобы утверждать, что такое-то различіе дѣйствительно существуетъ, а тѣмъ болѣе это знаніе нужно для опредѣленія сущности различій между двумя полами, разсматриваемыми въ смыслѣ разумно-нравственныхъ существъ. А такъ какъ до сихъ поръ еще никто не обладаетъ такимъ

знаніемъ (потому что едва ли можно указать на другой предметъ, изучаемый такъ небрежно, несмотря на всю его важность), то и никто не вправѣ высказывать объ этомъ предметѣ такія рѣшительныя мнѣнія. Догадки — вотъ все, что можетъ быть позволено въ настоящее время, догадки, болѣе или менѣе допускаемыя нашимъ наличнымъ знаніемъ психологическихъ законовъ по вопросу объ образованіи характеровъ.

Даже предварительныя свѣденія относительно того, какія различія характеризуютъ теперь оба пола, находятся въ самомъ необработанномъ и неполномъ видѣ, уже независимо отъ всякаго вопроса о томъ, въ силу чего произошли эти различія. Медики и физіологи изслѣдовали до нѣкоторой степени различія въ тѣлесной организаціи. Для психолога это составляетъ очень важный элементъ, но медики вообще плохіе психологи. Относительно умственной характеристики женщины ихъ наблюденія нисколько не серьезнѣе сравнительно съ замѣчаніями большинства людей. Однимъ словомъ, мы не знаемъ объ этомъ предметѣ еще ничего строго-законченнаго и именно потому, что тѣ лица, которымъ было лучше, можетъ быть, знакомо это дѣло—

сами женщины представили до сихъ поръ весьма недостаточныя указанія, да и это немногое—въ сильно подмалеванномъ видѣ. Глупыхъ женщинъ знать нетрудно. Глупость—одна и таже на всемъ бѣломъ свѣтѣ. О мнѣніяхъ и чувствахъ глупой женщины можно вывести заключенія по тѣмъ взглядамъ, которые преобладаютъ въ окружающемъ ея обществѣ Совсѣмъ иное дѣло тѣ лица, которыхъ мнѣніе и чувства непосредственно вытекаютъ изъ ихъ собственной природы и умственныхъ особенностей. Много ли мы можемъ насчитать такихъ мужчинъ, которые бы мало-мальски порядочно были знакомы съ характеромъ женщинъ даже въ собственномъ семействѣ?—я уже не говорю объ ихъ умственныхъ способностяхъ; ихъ не знаетъ никто, не знаютъ сами женщины, потому что самая дѣятельность способностей, по большей части, у нихъ никогда не вызывалась. Здѣсь же рѣчь идетъ объ ихъ настоящихъ чувствахъ и мысляхъ. Многіе мужчины претендуютъ на полнѣйшее знаніе женщинъ только потому, что съ нѣкоторыми, пожалуй съ очень многими изъ нихъ, находились въ любовныхъ связяхъ. Если такой мужчина хорошій наблюдатель, если опытъ его простирается и на качество, какъ на количество, то онъ, дѣйстви-

тельно, могъ узнать нѣчто изъ узкой — хотя безъ сомнѣнія важной—области женской натуры. Все же остальное въ этой природѣ также хорошо извѣстно и другимъ, потому что только отъ немногихъ оно заботливо скрывается. Самый удобный случай къ изученію женскаго характера обыкновенно представляется мужчинѣ въ его собственной женѣ, такъ какъ здѣсь болѣе къ тому поводовъ и притомъ полное любовное сожительство вовсе же не обратилось въ такую баснословную небывальщину. И дѣйствительно, я полагаю, что мало-мальски пригодныя свѣденія объ указываемомъ предметѣ были доставлены именно этимъ путемъ. Но для подобнаго изученія мужчинамъ предоставляется вообще всего одинъ случай, и слѣдовательно иной захотѣлъ бы, даже рискуя быть смѣшнымъ, составлять по своей женѣ мнѣнія о женщинахъ вообще. Для полученія и въ этомъ случаѣ какого либо результата, нужно, чтобы женщина стоила изученія и чтобы мужчина былъ компетентнымъ судьею. Но и этого условія для него еще мало: нужно, чтобы его характеръ, симпатическій самъ по себѣ, такъ умѣлъ приноровиться къ ея нраву, чтобы онъ могъ читать въ ея душѣ путемъ симпатическаго прозрѣнія и не имѣлъ въ себѣ ничего такого, что можетъ запугать ея искренность. Но подобныя отношенія, по моему мнѣнію, составляютъ чуть ли не безпримѣрную рѣдкость. Часто случается, что при всемъ согласіи чувствъ и при всей общности внѣшнихъ интересовъ одинъ изъ супруговъ такъ же мало имѣетъ доступа во внутреннюю жизнь другого, какъ еслибы ихъ связывало одно обыкновенное знакомство. Даже при дѣйствительномъ сердечномъ расположеніи господство съ одной стороны и подчиненность съ другой мѣшаютъ полной искренности. Очень многое не разоблачается, хотя бы ничто и не скрывалось умышленно. Всякій могъ замѣтить соотвѣтствующее явленіе въ близкихъ по аналогіи отношеніяхъ родителей и дѣтей. Какъ часто, напримѣръ, случается, что отецъ, несмотря на самую теплую любовь къ сыну и его взаимное чувство, видимо для всѣхъ не знаетъ и нисколько не подозрѣваетъ тѣхъ сторонъ въ характерѣ сына, которыя хорошо извѣстны его товарищамъ и сверстникамъ. Все дѣло въ томъ, что относительное положеніе младшаго и старшаго въ высшей степени стѣсняетъ откровенность и задушевную теплоту перваго. Страхъ лишить-

ся добраго мнѣнія или пріязни старшаго такъ силенъ, что даже въ самомъ открытомъ характерѣ всегда является безсознательное желаніе показывать только лучшія свои стороны или такія, которыя наиболѣе нравятся другому, и мы можемъ съ полной увѣренностью сказать, что совершенное обоюдное пониманіе можетъ имѣть мѣсто только между такими двумя лицами, которыя, кромѣ связывающей ихъ интимности, совершенно равны между собою. Все сказанное тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ тѣмъ лицамъ, изъ которыхъ одно находится не только подъ властью другого, но, благодаря его внушеніямъ, считаетъ своимъ долгомъ все согласовать съ его комфортомъ и удовольствіемъ, позволяя ему видѣть или чувствовать относительно себя только то, что ему пріятно. Вотъ съ какими препятствіями сталкивается мужчина, желающій основательно узнать единственную женщину, которую вообще ему изучить всего удобнѣе. Повторимъ еще разъ, что понимать одну женщину еще не значитъ понимать другую, что если бы даже онъ изучилъ многихъ женщинъ одного какого нибудь класса, одной страны, то это не познакомило бы его съ женщинами другихъ классовъ или странъ, да еслибы было и

такъ, вѣдь это все-таки только женщины одного историческаго періода. Поэтому мы можемъ положительно утверждать, что тѣ свѣденія, какія могутъ получить мужчины о женщинахъ—каковы онѣ были, каковы онѣ теперь даже безъ всякаго отношенія къ вопросу, какими могутъ быть—въ высшей степени неудовлетворительны и поверхностны, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока сами женщины не заявятъ о себѣ всего того, что имѣютъ заявить. Но пора эта еще не настала, да и придетъ не иначе, какъ постепенно. Вѣдь чуть не со вчерашняго дня только женщины стали считаться способными къ литературной дѣятельности или получили отъ общества позволеніе доводить что либо до свѣденія читающей публики. Да и до сихъ поръ не многія изъ нихъ осмѣливаются сказать что нибудь непріятное для мужчинъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ литературный успѣхъ. Вспомнимъ, какой пріемъ до послѣдняго времени находили и до нѣкоторой степени еще и теперь находятъ необщепринятыя мнѣнія или такъ называемые эксцентричные взгляды, высказанные даже писателемъ — мужчиною, — и мы будемъ имѣть только слабое понятіе о томъ, какъ трудно высказывать въ книгѣ что

либо, излившееся прямо изъ глубины души, - для женщины, съ измала пріученной считать обычай и общепринятое мнѣніе своими верховными законами. Наиболѣе даровитая женщина, по своимъ сочиненіямъ занимающая почетное мѣсто въ литературѣ своего отечества, сочла нужнымъ выставить къ самому смѣлому изъ своихъ произведеній слѣдующій девизъ: «Un homme peut braver l'opinion; une femme doit s'y soumettre» (*). Все, что женщины ни пишутъ о женщинахъ — лишь одно угодничество мужчинамъ. Незамужнія женщины въ этомъ случаѣ, повидимому, хлопочатъ только о шансахъ найти жениха Многія— какъ замужнія, такъ и незамужнія—черезъ чуръ ужь пересаливаютъ и воспѣваютъ такое раболѣпіе, какого не пожелаетъ ни одинъ мужчина, за исключеніемъ развѣ самаго опошлѣвшаго субъекта. Но теперь это случается уже не такъ часто, какъ это было даже въ очень недавнее время. Литературныя женщины заговариваютъ свободнѣе и болѣе желаютъ выражать свои настоящія чувства. Къ несчастью, сами женщины обратились, особенно въ Англіи, въ такіе

(*) Эпиграфъ на заглавномъ листѣ «Delphine»—сочиненія г-жи Сталь.

искуственные продукты, что чувства ихъ представляютъ сплавъ незначительной части ихъ личнаго наблюденія и сознанія вмѣстѣ съ огромною массою рутинныхъ понятій. Разумѣется, это будетъ имѣть мѣсто рѣже и рѣже, но все таки будетъ существовать въ значительной степени до тѣхъ поръ, пока соціальныя учрежденія не допустятъ и для женщинъ такого же свободнаго, самобытнаго развитія, какъ для мужчинъ. Когда настанетъ эта пора — и притомъ только тогда, но не ранѣе— мы не только услышимъ, но и увидимъ въ очію все, что намъ нужно знать о женской натурѣ и о степени примѣнимости къ ней того или другого дѣла. Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на трудностяхъ, встрѣчаемыхъ въ настоящее время всякимъ положительнымъ знаніемъ дѣйствительной природы женщинъ, потому что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ «opinio copiae inter maximas causas inopiae est», и едва ли могутъ быть какіе нибудь шансы къ правильному сужденію объ этомъ предметѣ въ то время, когда люди вообще претендуютъ на пониманіе такого вопроса, въ которомъ они не смыслятъ ровно ничего и о которомъ даже всѣ мужчины, вмѣ-

стѣ взятые, не могутъ знать настолько, чтобы имѣть право предрѣшать путемъ закона, въ чемъ заключается или въ чемъ не заключается призваніе женщинъ. Къ счастію однако, до сихъ поръ это знаніе вовсе ненужно для какой либо практической цѣли, находящейся въ связи съ положеніемъ женщинъ въ обществѣ и жизни. Согласно со всѣми принципами, принятыми новѣйшимъ обществомъ, вопросъ находится въ полной зависимости отъ самихъ женщинъ, можетъ быть рѣшенъ ихъ собственнымъ опытомъ и примѣненіемъ на дѣлѣ ихъ способностей. Чтобы узнать, что можетъ быть сдѣлано однимъ лицомъ или многими лицами, единственное средство—испробовать на дѣлѣ; такъ точно, какъ никто, кромѣ самихъ же женщинъ, не можетъ указать, что нужно дѣлать и чего не дѣлать для ихъ собственнаго счастья.

Въ одномъ только мы можетъ быть положительно убѣждены, именно въ томъ, что если предоставить женской натурѣ полную волю, то онѣ уже вслѣдствіе этого не станутъ сами дѣлать того, что не согласно съ ихъ природою. Тутъ рѣшительно безполезно всякое желаніе мужчинъ заступаться за природу изъ опасенія того, что она не съумѣетъ отстоять

своихъ правъ. Запрещать женщинамъ дѣлать то, чего онѣ не могутъ дѣлать по самой природѣ — вѣдь это совершенно безсмысленно. То, что онѣ могутъ дѣлать, но не такъ хорошо, какъ мужчины, ихъ конкуренты, будетъ какъ нельзя лучше закрыто для нихъ самой конкурренціей. Вѣдь никто же не требуетъ огражденія женщинъ разнаго рода покровительственными предписаніями и привилегіями; мы требуемъ только того, чтобы были отмѣнены нынѣ существующія исключительныя права и привилегіи мужчинъ. Если женщины выкажутъ бо́льшую природную склонность къ однимъ занятіямъ, чѣмъ къ другимъ, то нѣтъ надобности прибѣгать къ законамъ или къ соціальному внушенію, чтобы заставить большинство предпочтительно обращаться къ перваго рода занятіямъ Свободное поле конкурренціи всегда будетъ служить имъ самымъ сильнымъ стимуломъ для той дѣятельности, гдѣ женщины наиболѣе нужны. А такъ какъ онѣ нужны къ такому дѣлу, къ которому наиболѣе способны, то, вслѣдствіе правильнаго распредѣленія труда, коллективныя способности того и другого пола могутъ быть, въ общемъ итогѣ, примѣнены съ наибольшею пользою.

Общее мнѣніе людей, какъ полагаютъ, усматриваетъ естественное призваніе женщинъ въ томъ, чтобы быть женою и матерью. Я дѣлаю оговорку «какъ полагаютъ,» потому что, судя по живымъ фактамъ, по всему складу современнаго общества — иной можетъ заключить, что мнѣніе людей на этотъ счетъ высказывается совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Можно было бы подумать, что они считаютъ такъ называемое естественное призваніе женщинъ самымъ антипатичнымъ бременемъ для ихъ натуры, такъ что чуть только женщинамъ позволить дѣлать что либо другое — предоставить другія средства къ существованію, другое употребленіе ихъ времени и способностей, сколько нибудь согласное съ ихъ вкусомъ—то найдется уже немного женщинъ, которыя бы охотно стали отдаваться ихъ естественному призванію. Если дѣйствительно таково мнѣніе мужчинъ вообще, то желательно, чтобы оно было высказано безъ обиняковъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы кто нибудь громко и явственно высказалъ такого рода теорію (между прочимъ примѣняемую сплошь и рядомъ во многомъ, что̀ писалось объ этомъ предметѣ): «Для общества необходимо, чтобы женщины выходили замужъ и рожали

дѣтей. Сами онѣ этого не захотятъ сдѣлать, если ихъ не заставить. Поэтому необходимо ихъ къ тому принудить силою.» Тогда, по крайней мѣрѣ, условія задачи были бы означены съ достаточной ясностью. Это была бы таже логика, какую употребляли рабовладѣльцы южной Каролины и Луизіаны: «воздѣлывать хлопокъ и сахарный тростникъ необходимо. Бѣлые люди не могутъ этимъ заниматься. Негры не хотятъ этого дѣлать за то вознагражденіе, какое намъ заблагоразсудится имъ дать. Ergo ихъ нужно заставить.» Еще лучше къ нашему объясненію идетъ рекрутчина матросовъ. Моряки положительно необходимы для защиты отечества. Часто случается, что они добровольно не желаютъ поступать на службу. Слѣдовательно противъ нихъ надо употребить силу принужденія. Какъ часто пускалась въ ходъ подобная логика! И не случись въ ней маленькая ошибка, она безъ всякаго сомнѣнія процвѣтала бы и въ настоящее время. Но въ томъ то и дѣло, что здѣсь есть одно больное мѣсто. Да заплатите же вы сначала матросамъ, какъ слѣдуетъ, честную плату за ихъ честный трудъ! Если вы позаботились о томъ, чтобы служить вамъ было также выгодно, какъ служить кому

нибудь другому, то и для васъ въ полученіи желаемыхъ услугъ не встрѣтится большихъ затрудненій, чѣмъ для другихъ. На это невозможно дать никакого логическаго отвѣта, кромѣ упрямаго «не хочу.» Но такъ какъ люди теперь не только стыдятся, но и не желаютъ зажиливать у земледѣльца его наемную плату, то и насильственная рекрутчина матросовъ не находитъ болѣе охотниковъ. Подобное же возраженіе можно сдѣлать и всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ принудить женщинъ ко вступленію въ бракъ, закрывая для нихъ всѣ другіе исходы. Если они хорошо понимаютъ, что хотятъ сказать, то мнѣніе ихъ очевидно заключается въ томъ, что мужчины не дѣлаютъ брачнаго сожительства настолько привлекательнымъ для женщинъ, чтобы онѣ соглашались на него ради его собственныхъ хорошихъ качествъ. Тотъ невысоко, должно быть, ставитъ свое благодѣяніе, кто предлагаетъ его на условіи гобсоновскаго выбора: «это или ничего!» И вотъ, какъ я полагаю, ключъ къ объясненію чувствъ тѣхъ мужчинъ, которые относятся къ равноправности женщинъ съ рѣшительною антипатіей. Мнѣ кажется, что они боятся — не того, чтобы женщины просто-на-просто отказывались

выходить замужъ, потому что едва ли кто нибудь можетъ серьозно имѣть подобныя опасенія, — нѣтъ, они боятся того, что женщины будутъ требовать брака на условіяхъ равноправности, что всѣ умныя и способныя женщины станутъ скорѣе дѣлать все другое, неунизительное въ ихъ глазахъ, чѣмъ вступать въ бракъ, который отдастъ ихъ во власть другого, который дѣлаетъ изъ мужа не только хозяина всего ихъ мірского достоянія, но и нравственнаго существа. И дѣйствительно, если бракъ необходимо сопровождается такимъ послѣдствіемъ, то я полагаю, что опасенія мужчинъ совершенно основательны. Я считаю вѣроятнымъ, что немногія женщины, способныя къ чему либо другому, будутъ избирать подобный жребій — развѣ ужь на нихъ нашло какое нибудь *entrainement*, дѣлающее ихъ на время нечувствительными ко всему, кромѣ брачнаго вѣнца—если только для нихъ будутъ открыты всякія другія средства къ занятію, по понятіямъ толпы, почетнаго мѣста въ жизни. И если мужчины рѣшили, что брачный законъ долженъ быть закономъ деспотизма, то они совершенно правы, съ чисто-полицейской точки зрѣнія, предоставляя женщинамъ только выборъ Гобсона. Но въ такомъ случаѣ,

все, что ни дѣлалось въ современномъ мірѣ для снятія гнета съ женскихъ умовъ, была грустная ошибка. Имъ никогда не слѣдовало позволять никакого литературнаго воспитанія. Женщины, умѣющія читать, а тѣмъ болѣе писать—вѣдь это при существующемъ порядкѣ вещей страшное противорѣчіе, довольно непріятная заноза. Не слѣдовало, совершенно не слѣдовало сообщать женщинѣ какого бы то ни было развитія, кромѣ того, которое могло сдѣлать изъ нея одалиску или ловкую домашнюю служанку.

ГЛАВА II.

Теперь мы начнемъ болѣе частное обсужденіе предмета съ той его стороны, къ которой насъ привели предшествующія замѣчанія: мы будемъ говорить объ условіяхъ, указываемыхъ закономъ брачному сожительству какъ здѣсь (въ Англіи), такъ и въ другихъ странахъ. Такъ какъ бракъ составляетъ положеніе, предназначенное для женщинъ самимъ обществомъ, то всѣ онѣ должны къ нему стремиться вслѣдствіе своей общественной подготовки и самой цѣли брака, за исключеніемъ развѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя, по своимъ мало-привлекательнымъ внѣшнимъ достоинствамъ, не могутъ разсчитывать найти для себя сожителя; тутъ ужь, кажется, слѣдовало бы ожидать, что все будетъ сдѣлано для того, чтобы какъ можно болѣе облегчить женщинамъ семейное ихъ положеніе и

этимъ вознаградить ихъ за недопущеніе ко всѣмъ другимъ положеніямъ. Но общество какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ предпочитаетъ достигать своей цѣли не гуманными, а очень нехорошими средствами. Это однако единственный случай, въ которомъ оно упорно удерживаетъ средства эти до настоящаго времени. Сначала женщины пріобрѣтались силою (умыкались), или отецъ, по заведенному обычаю, продавалъ свою дочь ея будущему мужу. До послѣдняго времени отецъ былъ воленъ распоряжаться дочерью по своему личному произволу и вкусу, безъ всякаго участія ея воли. Правда, церковь, въ своемъ уваженіи къ нравственному принципу, зашла такъ далеко, что требовала формальнаго «да» при совершеніи брачнаго обряда, но и это согласіе, разумѣется, носило совершенно принудительный, подневольный характеръ; для дѣвушки не было никакой физической возможности противиться настоятельнымъ требованіямъ отца, кромѣ, быть можетъ, того исхода, когда она, произнося обѣтъ монашества, становилась подъ непосредственное покровительство религіи. Послѣ совершенія брачнаго обряда мужъ въ древнія времена (въ до-христіанскую

эпоху) пріобрѣталъ право жизни и смерти надъ своею женою. На него она не могла аппелировать ни къ какому закону: мужъ былъ для нея единственный судъ и законъ. Долгое время онъ пользовался правомъ давать ей разводъ, но она не пользовалась тѣмъ же правомъ по отношенію къ нему. Старинные законы Англіи называютъ мужа *лордомъ*, т. е. верховнымъ господиномъ его жены. И дѣйствительно, мужъ былъ въ буквальномъ смыслѣ ея верховнымъ повелителемъ, и сообразно съ этимъ, если жена убивала своего мужа, то это называлось измѣной (petty въ отличіе отъ high treason, государственной измѣны); въ этомъ случаѣ убійцу наказывали съ большей жестокостью, чѣмъ даже за государственную измѣну— именно сожженіемъ. Такъ какъ эти различныя изувѣрства вышли изъ употребленія (по большей части они никогда и не были отмѣнены формально, или же отмѣна состоялась, когда они и безъ того давнымъ давно были изгнаны изъ практики), то многимъ вообразилось, что по отношенію къ брачному союзу все обстоитъ такъ, какъ ему обстоять надлежитъ, и намъ постоянно твердятъ, что цивилизація и христіанство возстановили священныя права женщины.

Между тѣмъ, женщина и въ настоящее время остается рабою своего мужа; въ смыслѣ легальной подчиненности она также порабощена, какъ и существа, обыкновенно называемыя невольниками. Жена не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ прямого — хотя бы и нѣмого — на то позволенія мужа. Она можетъ пріобрѣтать собственность только для него; чуть только имущество переходитъ въ ея руки, хотя бы по наслѣдству, мужъ фактически становится хозяиномъ ея добра. Въ этомъ отношеніи положеніе жены подъ ферулою общаго закона въ Англіи еще хуже участи невольниковъ во многихъ странахъ; у римлянъ, напр., невольнику позволялось имѣть свою личную собственность (peculium), и законъ до нѣкоторой степени гарантировалъ исключительное пользованіе ею. Подобное же преимущество высшіе классы предоставили своимъ женщинамъ и въ Англіи, посредствомъ частныхъ контрактовъ, заключаемыхъ помимо закона, посредствомъ заведенія женниныхъ кассъ (pin-money) и т. д., такъ какъ родственное чувство отца оказалось сильнѣе чувства солидарности между членами одного пола, и потому отецъ вообще предпочитаетъ свою дочь совершенно

постороннему для него зятю. Посредствомъ различныхъ соглашеній богатые стараются оградить все приданое жены, или его часть отъ полноправнаго контроля мужа, но они не могутъ ввѣрить это имущество ея собственному контролю. Все что они могутъ сдѣлать — это не допустить мужа до растраты приданаго, но при этомъ и настоящая собственница не располагаетъ правомъ пользованія. Самое имущество ограждено отъ обоихъ, а что до получаемыхъ съ него доходовъ, то при самой лучшей для жены формѣ соглашенія (когда выговаривается «ея отдѣльное пользованіе») мужъ не можетъ только собирать ихъ вмѣсто нея; доходы должны пройти чрезъ ея руки, но если онъ отниметъ ихъ у жены, когда она ихъ получила, то его нельзя ни наказать, ни принудить къ возвращенію похищеннаго. Вотъ и все покровительство, какое самый могущественный нобльмэнъ Англіи можетъ оказать своей дочери, по отношенію къ мужу, при существующемъ порядкѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло обходится безъ всякихъ соглашеній, и тогда-то происходитъ полнѣйшее поглощеніе всѣхъ правъ, всякой собственности, также какъ и всякой свободы дѣйствій. Мужъ

и жена называются «однимъ лицомъ предъ закономъ,» для того, чтобы показать, что все, что принадлежитъ ей, принадлежитъ также и ему, однако параллель эта никогда не проводится въ томъ смыслѣ, чтобы все, принадлежащее ему, составляло также и ея собственность; правило это примѣняется къ нему только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда онъ долженъ отвѣчать за свою челядь или скотину. Я вовсе не хочу утверждать, что жены вообще пользуются не лучшимъ обращеніемъ сравнительно съ невольниками, но ни одинъ рабъ не порабощенъ такъ всецѣло, въ такомъ полномъ значеніи слова, какъ жена. Едва ли какой нибудь рабъ—если только онъ не приставленъ къ личнымъ услугамъ своему господину—порабощенъ во всѣ часы и минуты своей жизни; вообще же́, подобно солдату, онъ имѣетъ какую нибудь опредѣленную службу, и когда она исполнена, или когда его отъ нея уволили, — онъ въ извѣстныхъ предѣлахъ располагаетъ своимъ собственнымъ временемъ, наслаждается семейной жизнію, въ которую господинъ его вторгается рѣдко. «Дядя Томъ», при своемъ первомъ господинѣ, жилъ своею самостоятельною жизнію въ «хижинѣ» почти совершенно также, какъ это воз-

можно для человѣка, отвлекаемаго изъ-подъ семейнаго крова условіями его труда. Не то бываетъ съ женою. За обыкновенной рабою (въ христіанскихъ странахъ) признается право, на нее возлагается даже нравственный долгъ отказывать своему господину въ послѣдней фамильярности. Жена дѣло иное: къ какому бы звѣрскому тирану ни приковало ее несчастіе—хотя бы она знала, что онъ ее ненавидитъ, хотя бы онъ съ наслажденіемъ мучилъ ее ежедневно, хотя бы она не могла превозмочь омерзенія къ нему—несмотря на это онъ можетъ настойчиво требовать отъ нея послѣдняго униженія, какому можетъ подвергнуться человѣческое существо — онъ имѣетъ право заставить ее всегда служить орудіемъ въ животномъ отправленіи, омерзительномъ для ея нравственнаго чувства. Тогда какъ ея личность подавлена этимъ наихудшимъ видомъ рабства, каково же положеніе ея относительно дѣтей, въ которыхъ сосредоточенъ обоюдный интересъ ея и мужа-повелителя? По закону они—его дѣти. Онъ одинъ имѣетъ на нихъ какія бы то ни было легальныя права. Ни съ ними, ни относительно ихъ она ничего не можетъ сдѣлать, не имѣя на то полномочія отъ

мужа. Даже послѣ его смерти она не становится ихъ законною опекуншею, если только не была формально назначена въ его духовномъ завѣщаніи. Прежде онъ могъ даже удалить ихъ отъ нея и лишить ее всякихъ средствъ видѣться съ ними или имѣть отъ нихъ извѣстіе, но теперь право это въ нѣкоторой степени ограничено актомъ Тальфорда. Таково легальное положеніе жены. И она не имѣетъ никакихъ способовъ выйти изъ этого положенія. Если ей придетъ желаніе бросить своего мужа, она ни чего не можетъ взять съ собою—ни дѣтей, ни чего бы то ни было, принадлежащаго ей по праву. Если ему заблагоразсудится—онъ можетъ заставить ее возвратиться — закономъ или просто физической силой, можетъ также, если ему угодно, отнять у нея въ свою пользу то, что она заработаетъ или что дадутъ ей родственники. Только легальный разводъ, состоявшійся по приговору суда, позволяетъ ей жить отдѣльно, не подвергаясь опасности опять попасть подъ надзоръ разъяреннаго тюремщика,—или уполномочиваетъ ее употреблять на собственную пользу плоды своихъ трудовъ безъ всякихъ опасеній, что не сегодня-завтра на нее можетъ напасть человѣкъ, котораго она, можетъ быть, не видала лѣтъ двадцать и который отниметъ все нажитое ею добро. Но до послѣдняго времени суды предоставляли такую легальную сепарацію только цѣною издержекъ, дѣлавшихъ ее недоступною для людей, непридадлежащихъ къ высшимъ классамъ. Даже въ настоящее время разводъ дается только въ случаяхъ отсутствія или крайней жестокости супруга. А между тѣмъ каждый день слышатся жалобы на чрезмѣрную легкость разводовъ. Если женщинѣ отказывается въ какомъ бы то ни было иномъ жизненномъ жребіѣ, кромѣ личной рабской подчиненности деспоту, если все для нея зависитъ отъ счастливаго выбора человѣка, который захочетъ сдѣлать изъ нея фаворитку, а не ломовую скотину, то было бы очень жестоко отягощать ея судьбу еще тѣмъ условіемъ, что она должна испытывать свое счастіе не болѣе одного раза. Такъ какъ всѣ условія ея жизни зависятъ отъ прінсканія добраго господина, то естественнымъ слѣдствіемъ и результатомъ такого порядка вещей было бы то, что она должна имѣть право выбирать еще и еще, пока не нападетъ на удачный выборъ. Я вовсе не говорю, что ей слѣдуетъ предоставить это преимущество. Это совершенно другой вопросъ, и я

нисколько не касаюсь развода по отношенію къ праву дальнѣйшаго вступленія въ бракъ. Но я говорю только, что для тѣхъ, кому дозволено одно рабство, свободный выборъ рабства долженъ служить единственнымъ, хотя и совершенно недостаточнымъ облегченіемъ. Устраненіе такого выбора окончательно уподобляетъ жену невольнику — и притомъ далеко не въ самой кроткой формѣ рабства, такъ какъ въ нѣкоторыхъ кодексахъ рабъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ дурного обращенія, можетъ легально заставить господина продать его. Но въ Англіи никакая мѣра дурного обращенія, безъ уважительнаго резона прелюбодѣянія, не освобождаетъ жену отъ ея мучителя.

Я вовсе не желаю преувеличивать, да и самый фактъ нисколько не нуждается въ преувеличеньяхъ. Я представилъ легальное положеніе жены, но не обращеніе съ нею въ дѣйствительности. Почти во всѣхъ странахъ законы несравненно хуже своихъ исполнителей, и многіе изъ нихъ остаются законами именно только потому, что рѣдко или никогда не примѣняются на практикѣ. Если бы брачная жизнь была строго построена въ духѣ законовъ, то человѣческое общество изображало бы изъ себя сущій земной адъ. Къ счастію однако, жизнь дала намъ какъ чувства, такъ и интересы, которые во многихъ мужчинахъ исключаютъ и почти во всѣхъ значительно смягчаютъ импульсы и наклонности, ведущія къ тираніи. Между этими чувствами особенною силою проникнуто то, которое характеризуетъ связь между мужемъ и его женою. Единственная связь, близко подходящая къ ней по характеру, — узы родства между отцомъ и его дѣтьми,—не только не сталкивается враждебно съ первымъ чувствомъ, но даже является къ нему на подкрѣпленіе. Но изъ того, что это дѣйствительно бываетъ такъ на дѣлѣ, что мужчины вообще не подвергаютъ женщинъ тѣмъ мученіямъ, какимъ могли бы подвергать, если бы дать свободу всей той деспотической власти, которою мужъ вооруженъ легально,—изъ этого утѣшительнаго факта защитники существующей формы брачнаго института приходятъ къ заключенію, что вся его несправедливость совершенно оправдывается и что въ этомъ случаѣ все зло есть неизбѣжная дань, платимая великому добру. Но если поддержаніе этого или другого вида тираніи въ полной легальной силѣ до-

пускаетъ смягченія на практикѣ, то это нисколько не говоритъ въ пользу деспотизма, а только доказываетъ, съ какою энергическою реакціей человѣческая натура можетъ противодѣйствовать самымъ позорнымъ учрежденіямъ и какъ живучи, какъ привольно разрастаются добрыя, также какъ и худыя сѣмена въ человѣческомъ характерѣ. Все что можетъ быть сказано о политическомъ деспотизмѣ, — съ совершенной вѣрностью прилагается также и къ тираніи въ семействѣ. Вѣдь не всякій деспотическій король садится къ окну, чтобы наслаждаться стонами своихъ терзаемыхъ подданныхъ или сдираетъ съ нихъ послѣднія рубища и выгоняетъ нагишомъ на морозъ. Деспотизмъ Людовика XVI былъ не похожъ на деспотизмъ Филиппа-Краснваго, Надиръ-Шаха или Калигулы. Но онъ былъ настолько дуренъ, чтобы дать оправданіе французской революціи и заставить насъ закрыть глаза даже на всѣ ея ужасы. Если станутъ ссылаться на искренную сердечную привязанность женъ къ своимъ мужьямъ, то не тоже ли самое имѣло мѣсто и въ соціальномъ рабствѣ у древнихъ народовъ? Въ Греціи и Римѣ случалось сплошь и рядомъ, что жены и рабы соглашались скорѣе умереть

въ страшныхъ мукахъ, чѣмъ измѣнить своимъ господамъ. Въ проскрипціяхъ, сопровождавшихъ римскія гражданскія войны, было замѣчено, что жены и рабы сохраняли геройскую вѣрность, тогда какъ сыновья обыкновенно оказывались измѣнниками. А между тѣмъ мы знаемъ, какъ жестоко многіе римляне обращались съ своими невольниками. Скажемъ болѣе: эти горячія чувства личной привязанности нигдѣ не развиваются съ такою силою, какъ подъ гнетомъ самыхъ жестокихъ учрежденій. Жизнь допускаетъ ту горькую иронію, что чувство самой восторженной признательности вызывается въ человѣческихъ существахъ относительно того, кто, имѣя настолько силы, чтобы совершенно стереть ихъ съ лица земли, добровольно воздерживается отъ проявленій этой силы. Было бы прискорбно излагать обстоятельно, какую важную роль подобное чувство играетъ въ большинствѣ людей. Мы видимъ чуть не каждый день, что благодарность небу съ особенной силою возбуждается видомъ тѣхъ ближнихъ, которыхъ небо, сравнительно съ ними, сподобило своего меньшаго милосердія.

Всякій разъ, когда кому нибудь приходитъ фан-

тазія защищать рабство, политическій абсолютизмъ или тираннію главы семейства, намъ постоянно представляютъ извѣстный институтъ съ его наилучшихъ сторонъ; насъ стараются обольстить картинами благожелательной власти съ одной стороны, счастливой покорности съ другой, изображеніемъ верховной мудрости, предопредѣляющей все для величайшаго блага угнетенныхъ и окруженной ихъ улыбками и благословеніями. Все это довольно хорошо могло бы служить къ цѣли, если бы кто нибудь сталъ утверждать, что на свѣтѣ совсѣмъ нѣтъ добрыхъ людей. Но кто же сомнѣвается, что и величайшая доброта, и самое завидное счастіе, и чувство глубокой признательности—что все это возможно подъ абсолютною ферулой только добраго человѣка?

Но вѣдь законы и учрежденія должны приноравливаться не къ хорошимъ людямъ, а къ дурнымъ. Бракъ не есть институтъ, предназначенный для немногихъ избранныхъ. Передъ совершеніемъ брачнаго обряда отъ мужчинъ не требуется, чтобы они посредствомъ свидѣтелей доказали свою годность къ отправленію абсолютной власти. Чувство любви и долгъ относительно жены и дѣтей сильно сознаются тѣми,

въ комъ вообще сильны общественныя чувства, а также многими лицами, не совсѣмъ равнодушными ко всякимъ другимъ общественнымъ обязательствамъ. Но вѣдь существуютъ всѣ степени сознанія и несознанія долга, также какъ есть всѣ степени доброты и порочности людей до тѣхъ изъ нихъ, которыхъ не могутъ связывать никакія обязательства и на которыхъ общество можетъ дѣйствовать только своимъ ultima ratio—логикою карательнаго закона. И на всякой ступени этой нисходящей лѣстницы находятся мужчины, которымъ ввѣряется легальная власть во всемъ ея объемѣ. Опаснѣйшій злоумышленникъ тащитъ за собою какую нибудь несчастную, прикованную къ нему женщину, можетъ подвергать ее всякимъ жестокостямъ, кромѣ убійства, да при нѣкоторой осторожной сноровкѣ можетъ и убить ее, не слишкомъ рискуя подвергнуться за это уголовному наказанію.

А какое множество найдется между низшими классами каждой страны такихъ субъектовъ, которые, не будучи злодѣями въ легальномъ смыслѣ, позволяютъ себѣ самые звѣрскіе подвиги кулачнаго насилія съ несчастной женою, которая одна, по крайней мѣрѣ, изъ взрослыхъ лицъ, не можетъ ни отразить

ихъ свирѣпости, ни избѣжать ея! Самая покорность жены еще болѣе возбуждаетъ низкіе и лютые инстинкты такихъ людей, и вмѣсто того, чтобы обращаться съ нею кротко и великодушно, какъ съ существомъ, всецѣло ввѣреннымъ ихъ добротѣ, они, напротивъ, еще руководятся тѣмъ понятіемъ, что законъ отдалъ имъ жену въ полную ихъ собственность, какъ вещь, что они имѣютъ право обращаться съ нею по своему произволу и что они вовсе не обязаны оказывать ей то уваженіе, какое требуется отъ нихъ всякимъ другимъ лицомъ. Законъ, оставлявшій до послѣдняго времени въ совершенной безнаказанности всѣ эти жестокія крайности домашняго насилія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ нѣкоторыя слабыя попытки къ ихъ обузданію. Но попытки эти немного поправили дѣло, да и не могутъ достаточно его поправить, потому что вѣдь совершенно противно здравому смыслу и опыту предполагать, чтобы свирѣпость была сколько нибудь обуздана въ то время, какъ жертва все-таки остается во власти палача. Пока улика въ явномъ тѣлесномъ насиліи или повтореніе его послѣ перваго обвиненія не дадутъ женщинѣ ipso facto права на разводъ или, по

крайней мѣрѣ, на судебную сепарацію, до тѣхъ поръ всѣ попытки къ укрощенію этихъ супружескихъ ласкъ легальными мѣрами останутся напрасными за неимѣніемъ жалующагося или по недостатку свидѣтелей.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какъ велико въ любой цивилизованной странѣ число мужчинъ, немногимъ отличающихся отъ скотовъ, что, однако, нисколько не мѣшаетъ каждому изъ нихъ захватить жертву, путемъ законнаго брака, то глубина человѣческихъ несчастій, причиняемыхъ злоупотребленіемъ брака только въ одной этой формѣ, представитъ нашимъ глазамъ нѣчто по истинѣ ужасающее. Впрочемъ — это уже только крайніе случаи, самые послѣдніе поддонки бездны, но къ нимъ ведетъ грустная лѣстница послѣдовательности, переходя отъ глубины къ глубинѣ. Въ домашней, какъ и въ политической тираніи положительныя чудовища главнѣйшимъ образомъ служатъ для охарактеризованія извѣстнаго института, показывая, что нѣтъ такого ужаса, который не могъ бы случиться въ дѣйствительности, если такъ нравится тирану: поэтому можно себѣ представить, какъ часто должны повторяться

вещи, отмѣченныя развѣ чуть-чуть менѣе звѣрскимъ характеромъ. Но положительныя чудовища также рѣдки, какъ и ангелы, быть можетъ, еще рѣже; а свирѣпые дикари съ случайными признаками человѣчности, напротивъ, довольно обыкновенны. И въ широкомъ промежуткѣ, отдѣляющемъ ихъ отъ мало-мальски достойныхъ представителей человѣческой расы— какъ много мы видимъ формъ и степеней скотоподобія и эгоизма, облеченныхъ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи и даже образованности, какъ много людей, которые живутъ въ мирѣ съ закономъ, показываютъ приличную внѣшность всѣмъ, находящимся внѣ ихъ власти, тогда какъ существамъ, поставленнымъ отъ нихъ въ зависимость, зачастую приходится, по милости ихъ, жить такъ солоно, такъ тяжко! Скучно было бы повторять общія мѣста о неспособности къ власти людей вообще, такъ какъ послѣ вѣковыхъ политическихъ треволненій это всякій знаетъ уже наизустъ; но дѣло-то въ томъ, что едва ли кому нибудь приходитъ на умъ приложить эти правила къ тому случаю, къ которому они наиболѣе примѣнимы— къ власти, ввѣряемой не одному какому нибудь лицу тамъ и сямъ, но предлагаемой каждому взрослому

мужчинѣ до самаго пошлаго и хищнаго негодяя. Если кто нибудь, сколько о немъ извѣстно, не нарушилъ ни одной изъ десяти заповѣдей, если онъ ведетъ себя съ достоинствомъ относительно тѣхъ, кого не можетъ заставить насильно имѣть съ нимъ дѣло, если онъ удерживается отъ вспышекъ досады въ обращеніи съ тѣми, кто не обязанъ ихъ отъ него сносить, то это еще нисколько не объясняетъ, какъ онъ держитъ себя дома, когда у него душа на распашку. Даже самые обыкновенные смертные прибѣгаютъ раздражительную, брюзгливую, безцеремонно-эгоистическую сторону своего характера для тѣхъ, кто не имѣетъ силы ей противиться. Отношенія начальствующихъ къ подчиненнымъ способствуютъ къ развитію этихъ недостатковъ характера, которые, гдѣ бы они ни находились, происходятъ именно изъ этого источника. Кто раздражителенъ и непривѣтливъ въ обращеніи съ равными, тотъ навѣрное жилъ въ кругу подчиненныхъ, которыхъ могъ запугивать или принуждать къ безотвѣтному повиновенію Если, какъ это часто говорится, семья, въ ея лучшей формѣ, служитъ школою сердечной пріязни, нѣжности и любящаго самоотрѣченія, то по отношенію къ ея

главѣ, она еще чаще бываетъ школою упрямства, надменности, безграничнаго кокетничанья съ самимъ собою, замаскированнаго и идеализированнаго себялюбія, въ которомъ даже такъ называемое самопожертвованіе составляетъ только особенную форму: заботиться о женѣ и дѣтяхъ — это значитъ охранять ихъ, какъ отрасль своихъ собственныхъ интересовъ, какъ часть своего имущества, причемъ все ихъ индивидуальное счастіе всецѣло и во всѣхъ возможныхъ формахъ приносится въ жертву его малѣйшему капризу. Да и можно ли ожидать чего нибудь лучшаго при существующей формѣ учрежденія? Мы знаемъ, что дурныя наклонности человѣка тогда только становятся въ границы, когда имъ не позволяютъ развиться во всей силѣ. Мы знаемъ, что вслѣдствіе импульса и привычки, если и не въ силу обдуманнаго намѣренія, почти всякій, кому уступаютъ другіе, продолжаетъ постоянно посягать на ихъ права и доходитъ наконецъ до такого предѣла, за которымъ уже прекращается всякая уступчивость. Если такова общая черта человѣческой природы, то какой же характеръ могла принять почти неограниченная власть, ввѣряемая мужчинѣ соціальными учреж-

деніями, по крайней мѣрѣ, надъ однимъ человѣческимъ существомъ—надъ тѣмъ, кто съ нимъ живетъ подъ одной крышей, кого онъ имѣетъ постоянно предъ своими глазами? Власть эта раскапываетъ и выводитъ наружу сокровенныя сѣмена себялюбія въ самыхъ потайныхъ уголкахъ человѣческаго сердца—раздуваетъ малѣйшія искры эгоизма, даже его тлѣющій пепелъ, даетъ мужчинѣ полную волю потворствовать той сторонѣ характера, которую во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ считаетъ необходимымъ скрывать и подавлять — и въ концѣ концовъ такое самообузданіе является уже впослѣдствіи дѣломъ второй природы. Знаю, что здѣсь есть и другая сторона вопроса. Я согласенъ, что если жена и не можетъ дѣйствительно сопротивляться, то можетъ, по крайней мѣрѣ, воздать коемуждо по дѣламъ его, можетъ въ свою очередь порядкомъ насолить мужу и, вслѣдствіе этой возможности, дѣлаетъ многое, на что имѣетъ право, и многое другое, чего не должна была бы дѣлать. Но это орудіе самозащиты, — которое можетъ быть названо силою зубатыхъ, нравомъ женской злости—заключаетъ въ себѣ тотъ роковой недостатокъ, что обыкновенно направляется противъ наименѣе

склонныхъ къ тиранніи мужчинъ и въ защиту лицъ наиболѣе сомнительной невинности. Это — оружіе раздражительныхъ и капризныхъ женщинъ; оно пускается въ ходъ тѣми изъ женскаго пола, которыя сдѣлали бы изъ власти наихудшее употребленіе, еслибы сими были вооружены ею, и которыя обыкновенно даютъ этой власти самое дурное направленіе. Добрыя женщины не можетъ пользоваться этимъ орудіемъ, благородныя натуры презираютъ его. И съ другой стороны тѣ мужья, противъ которыхъ оно направляется съ наибольшей энергіей, принадлежатъ къ самымъ незлобивымъ, уступчивымъ смертнымъ и даже послѣ наносимыхъ имъ обидъ неспособны къ очень суровому отправленію ихъ власти. Эта способность жены ощетиниваться создаетъ только анти-тираніи и въ свою очередь дѣлаетъ ея жертвами тѣхъ мужей, которые заключаютъ въ себѣ наименѣе деспотическаго закала.

Но въ такомъ случаѣ, что же на самомъ дѣлѣ умѣряетъ вредныя вліянія власти и дѣлаетъ ее согласимою съ тѣмъ количествомъ добра, какое мы видимъ въ дѣйствительности? Однѣ женскія ласки, хотя, безъ сомнѣнія, имѣющія большое значеніе въ извѣстныхъ

частныхъ случаяхъ, немного могутъ измѣнить общія характеристическія черты системы. Ихъ власть продолжается только до тѣхъ поръ, пока женщина молода и привлекательна, часто только до тѣхъ поръ, пока прелести ея имѣютъ заманчивость новизны и еще не утратили своего обаянія вслѣдствіе фамильярности. На многихъ же мужчинъ женская любезность вообще никогда не можетъ оказывать особенно сильнаго дѣйствія. Дѣйствительными умиротворяющими причинами являются: личная привязанность — насколько къ ней способенъ мужчина по своей природѣ, и насколько характеръ женщины можетъ возбудить это чувство — далѣе, общіе интересы относительно дѣтей и обоюдное согласіе въ интересахъ къ постороннимъ лицамъ (хотя это допускаетъ многія исключенія),— дѣйствительно важная роль жены въ ежедневныхъ радостяхъ и развлеченіяхъ и значеніе, приписываемое ей вслѣдствіе этого ея личнымъ качествамъ, что въ человѣкѣ способномъ чувствовать что либо къ другимъ, закладываетъ основаніе заботливости о женѣ ради ея самой. Наконецъ мы не должны забывать здѣсь и о естественномъ вліяніи, оказываемомъ почти на всѣ человѣческія существа тѣми изъ близко-

поставленныхъ къ нимъ лицъ, которыя (не будучи положительно для нихъ антипатичными) своими увѣщаніями и нечувствительнымъ привитіемъ своихъ чувствъ и взглядовъ часто очень могутъ до нѣкоторой степени господствовать надъ старшими себя, умѣряя крайности и несправедливости въ ихъ поведеніи, если только имъ не противодѣйствуетъ какое нибудь другое и такое же сильное личное вліяніе. Благодаря всѣмъ этимъ различнымъ средствамъ, жена пріобрѣтаетъ зачастую даже очень значительную власть надъ мужемъ. Она можетъ руководить его поведеніемъ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ отъ ея вліянія нельзя ожидать большого добра—гдѣ вліяніе ея не только не является благотворнымъ, но даже прилагается въ кривую сторону, и гдѣ онъ самъ дѣйствовалъ бы лучше, если бы былъ предоставленъ своему собственному контролю.

Но ни въ семейныхъ, ни въ государственныхъ дѣлахъ подобная власть никогда не является, какъ вознагражденіе за утрату свободы. Власть жены часто даетъ ей то, чего она не имѣетъ права требовать, но не гарантируетъ ея дѣйствительныхъ правъ. Любимая невольница султана имѣетъ подъ своей

командою другихъ невольницъ, надъ которыми изощряетъ свою тиранію, но лучше было бы, если бы она не имѣла невольницъ, да и сама не была бы невольницею. Всецѣло отдавая свое существованіе въ руки мужа, не имѣя никакой другой воли, кромѣ его воли (или увѣряя его въ этомъ) во всемъ, что касается ихъ совокупныхъ отношеній, наконецъ, дѣлая задачею своей жизни управлять его чувствами, жена можетъ имѣть вліяніе—и по всей вѣроятности въ худую сторону—на его поведеніе въ тѣхъ чисто-внѣшнихъ его отношеніяхъ, въ которыхъ она никогда не могла быть компетентнымъ судьею и въ которыхъ она сама совершенно пассивно управляется личнымъ или чьимъ либо постороннимъ пристрастіемъ или предразсудкомъ. При настоящемъ порядкѣ вещей вліяніе жены можетъ также легко исправить какъ и испортить особенно кроткихъ мужей во всѣхъ интересахъ, выходящихъ за предѣлы семьи. Ее учили, что внѣ этой сферы ей рѣшительно не о чемъ хлопотать, и потому-то она рѣдко имѣетъ какія-либо честныя и добросовѣстныя представленія о всѣхъ интересахъ, лежащихъ за чертою домашняго очага, слѣдовательно вмѣшательство ея подстрекается не

законными, но по большей части корыстными побужденіями. Она не знаетъ, гдѣ въ области политики правая сторона, гдѣ лѣвая, да и мало хлопочетъ о такомъ знаніи, но она хорошо понимаетъ, что можетъ доставить деньги или лестныя знакомства, дать ея мужу жирный чинъ, сыну—теплое мѣсто, дочери—выгодную партію.

Но, спросятъ, можетъ быть, меня, какими же судьбами обществу существовать безъ правительства? Въ семействѣ, какъ и въ государствѣ, кто нибудь да долженъ же управлять всею обузою. Кто же станетъ рѣшать, когда супруги не сходятся во мнѣніи? Нельзя же имъ идти разно, кто въ лѣсъ, кто по дрова, а нужно положительно выбрать какой нибудь одинъ путь—тотъ или этотъ. Несправедливо, что въ каждой добровольной ассоціаціи двухъ лицъ одинъ долженъ непремѣнно быть неограниченнымъ хозяиномъ. Наиболѣе обыкновенный случай добровольной ассоціаціи, послѣ брака, представляетъ дѣловое товарищество. И вѣдь въ этомъ случаѣ не считается необходимымъ постановить, что въ каждомъ товариществѣ одинъ компаньонъ имѣетъ полный контроль надъ предпріятіемъ, тогда какъ другіе обязаны повиноваться его приказаніямъ. Едва ли кто нибудь захотѣлъ бы вступить въ товарищество на томъ условіи, что онъ, неся на себѣ всю отвѣтственность хозяина, можетъ пользоваться только правами прикащика или агента. Если бы законъ захотѣлъ распорядиться такъ и съ другими уставами, какъ онъ распорядился съ брачнымъ, то долженъ былъ бы постановить, что одинъ компаньонъ имѣетъ право завѣдывать общимъ предпріятіемъ, какъ если бы оно было дѣломъ его частнаго кармана, тогда какъ другимъ должны быть предоставлены права повѣренныхъ, причемъ этотъ главный воротило долженъ быть назначаемъ какимъ нибудь общимъ опредѣленіемъ закона — напр. самый старшій лѣтами. Но законъ никогда не распоряжается такимъ образомъ, да и изъ опыта не видно, чтобы была какая нибудь необходимость въ теоритической неравноправности между компаньонами или чтобы товарищество нуждалось въ какихъ либо другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, которые обозначены статьями ихъ соглашенія. А между тѣмъ исключительная власть одного воротилы, очевидно, менѣе опасна для правъ и интересовъ подчиненнаго въ дѣловомъ то-

вариществѣ, чѣмъ въ бракѣ, потому что всякій компаньонъ воленъ стряхнуть съ себя эту власть, выйдя изъ товарищества. Жена этого права не имѣетъ, да если бы и имѣла его—все-таки почти всегда желательно, чтобы она испытала всевозможныя мѣры, прежде чѣмъ прибѣгать къ такому исходу.

Совершенно вѣрно, разумѣется, что въ тѣхъ дѣлахъ, которыя требуютъ ежедневнаго рѣшенія и потому не могутъ быть улаживаемы постепенно, и которыхъ вслѣдствіе этого нельзя откладывать въ долгій ящикъ,—результатъ зависитъ отъ воли кого нибудь одного: одно какое нибудь лицо должно имѣть надъ ними исключительный контроль. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы это всегда было одно и тоже лицо. Самымъ естественнымъ порядкомъ было бы распредѣленіе власти между обоими, причемъ каждое лицо имѣетъ неограниченную исполнительную власть въ предѣлахъ своего вѣдомства, тогда какъ всякое измѣненіе системы и принципа требуетъ согласія обѣихъ сторонъ. Но такое распредѣленіе власти не можетъ и не должно быть заранѣе предписываемо закономъ, но должно зависить отъ личнаго умѣнья и наклонностей. Оба лица, по взаимному согласію, могутъ предва-

рительно опредѣлить обстоятельства эти въ своемъ брачномъ контрактѣ, подобно тому, какъ теперь часто опредѣляются денежныя соглашенія. Рѣшеніе такихъ дѣлъ взаимнымъ согласіемъ рѣдко встрѣтитъ какія либо затрудненія—развѣ ужь супруги связаны однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ брачныхъ союзовъ, въ которыхъ никакое дѣло не обходится безъ раздоровъ и разноголосицы. Разграниченіе правъ естественнымъ образомъ сопровождалось бы распредѣленіемъ обязанностей и занятій. Это ужь и само собою дѣлается по согласію или, во всякомъ случаѣ, не по предписанію закона, но заведеннымъ обычаемъ, причемъ то или другое можетъ измѣняться по произволу супруговъ.

Каковы бы ни были предписанія легальной власти, практическое рѣшеніе вопросовъ въ дѣйствительности всегда будетъ въ значительной степени зависѣть отъ сравнительнаго умѣнья той и другой стороны. Въ большинствѣ случаевъ перевѣсъ будетъ на сторонѣ мужчины уже въ силу того одного факта, что онъ обыкновенно старше лѣтами. Естественно также, что та сторона, которая доставляетъ средства къ существованію—будь то мужъ или жена—будетъ имѣть болѣе рѣшительный голосъ. Неравенство,

порождаемое этимъ источникомъ, зависитъ вовсе не отъ брачнаго закона, но отъ общихъ условій человѣческаго общества въ его современной организаціи. Умственное превосходство—частное или общее—также какъ и большая рѣшительность характера необходимо должны оказывать болѣе значительное вліяніе. Такъ постоянно бываетъ и теперь. И фактъ этотъ довольно убѣдительно показываетъ, какъ неосновательно опасаться того, чтобы права и отвѣтственность между спутниками жизни (какъ и между дѣловыми компаньонами) не могли удовлетворительно подѣлиться полюбовнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ. Да вѣдь они сами собою всегда такъ дѣлятся, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда брачный институтъ обращается въ кабалу Вѣдь ничто не рѣшается всеподавляющей силой съ одной стороны и нѣмою покорностью съ другой, если самый союзъ не былъ грустной ошибкой, отъ которой избавиться было бы настоящимъ благодѣяніемъ для обѣихъ сторонъ. Мнѣ могутъ замѣтить, что полюбовное рѣшеніе несогласій потому именно и дѣлается возможнымъ, что за спиною людей существуетъ сила легальнаго принужденія; именно потому они и подчиняются извѣстному

рѣшенію, что на заднемъ планѣ стоитъ судъ, который, какъ имъ извѣстно, можетъ заставить ихъ повиноваться. Но чтобы это было справедливо, надо предположить, что дѣло суда заключается не въ томъ, чтобы разбирать спорные вопросы, но чтобы произносить приговоръ всегда въ пользу одной и той же стороны, напр. въ пользу отвѣтчика. Въ этомъ случаѣ подчиненіе суду заставляло бы истца соглашаться на всякое условіе, но отвѣтчикъ былъ бы поставленъ въ совершенно иное положеніе. Деспотическая власть, которою законъ вооружаетъ мужа, можетъ побудить жену соглашаться на всякое полюбовное распредѣленіе правъ между двумя сторонами, но мужъ ничѣмъ не вынуждается къ такой сговорчивости. Если же между прилично-жувущими людьми все-таки существуютъ на дѣлѣ такого рода условія, хотя одно изъ лицъ нисколько не приневоливается къ нимъ физической или моральной необходимостью—то это показываетъ, что за исключеніемъ неблагопріятныхъ случаевъ всегда одерживаютъ верхъ тѣ естественные мотивы, которые ведутъ къ добровольному построенію сожительства сноснымъ для обоихъ лицъ образомъ. Дѣло, безъ всякаго сомнѣнія, нисколько не

выигрываетъ отъ того, что въ силу опредѣленія закона, свободное управленіе возводится на легальномъ подножіи деспотизма съ одной стороны и-подчиненія съ другой, причемъ тиранъ можетъ отмѣнить всякую данную имъ уступку по своему капризу и безъ малѣйшаго предостереженія. Не говоря уже о томъ, что никакая свобода, построенная на такомъ зыбкомъ основаніи, не можетъ быть особенно драгоцѣнною, самыя условія ея будутъ едва ли строго справедливы, когда законъ бросаетъ на одну чашку вѣсовъ такую чудовищную тяжесть, когда соглашеніе дѣлается между двумя такими лицами, изъ которыхъ одно надѣляется всякими правами, тогда какъ другое мало того, что не пользуется никакимъ правомъ, кромѣ каприза перваго, но еще и обязывается строжайшимъ моральнымъ и религіознымъ долгомъ не возмущаться ни при какомъ бремени угнетенія.

Какой нибудь ярый оппонентъ нашихъ мнѣній, горя негодованіемъ, можетъ сказать, что добродѣтельные мужья готовы быть справедливыми, готовы безъ всякаго принужденія дѣлать всякія уступки своимъ сожительницамъ, да вѣдь съ бабами-то никакъ не поладишь: попробуй дать имъ ихъ права, онѣ не

станутъ признавать никакихъ правъ въ комъ бы то ни было другомъ, ни въ чемъ не уступятъ ни на волосъ, если только власть мужа не принудитъ ихъ уступать во всемъ. Это могло быть сказано многими нѣсколько поколѣній тому назадъ, когда сатиры на женщинъ были въ такомъ ходу и когда мужчины считали особеннымъ молодечествомъ оскорблять женщинъ за то, чѣмъ сдѣлали ихъ они же сами. Но теперь никто, заслуживающій отвѣта, не станетъ дѣлать подобнаго рода заявленій. Въ наше время уже вышла изъ моды та доктрина, что женщины, по сравненію съ мужчинами, менѣе способны къ добропорядочнымъ чувствамъ и къ уваженію тѣхъ, съ кѣмъ онѣ связаны тѣснѣйшими узами. Напротивъ, намъ постоянно твердятъ, что женщины лучше мужчинъ,— и твердятъ именно тѣ господа, которые нисколько не расположены обращаться съ ними, какъ съ добрыми существами, такъ что это обратилось уже въ назойливое причитаніе, старающееся прикрасить пощечину видомъ комплимента и сильно напоминающее тѣ величанія королевскаго милосердія, которыми владыка лилипутовъ, по Гулливеру, сопровождалъ самые кровожадные свои декреты. Если женщины въ чемъ

нибудь и лучше мужчинъ, то это, безъ сомнѣнія, въ своемъ самопожертвованіи для блага семьи. Но я не придаю большой важности этому обстоятельству, потому что вѣдь ихъ вообще съ-измала учатъ, что онѣ родятся и живутъ для самопожертвованій. Я полагаю, что равенство правъ нѣсколько поубавитъ это пересоленное самоотреченіе, сдѣлавшееся въ наше время идеаломъ женскаго характера; я полагаю, что добрая женщина по части самопожертвованія не пойдетъ далѣе наилучшаго мужчины; но съ другой стороны и мужчины будутъ менѣе себялюбивы, болѣе способны къ самопожертвованію, потому что имъ перестанутъ внушать обожаніе собственной воли, какъ такой великой вещи, которая въ настоящее время служитъ закономъ для другого разумнаго существа. Ни къ чему люди такъ легко не привыкаютъ, какъ къ самообожанію: всѣ привилегированныя лица и всѣ привилегированные классы были заражены имъ. Чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по лѣстницѣ человѣческой іерархіи, тѣмъ оно сильнѣе и съ особенною силою сосредоточивается въ тѣхъ субъектахъ, которые никогда не могутъ разсчитывать подняться надъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ несчастной жены и дѣтей. Честныя

исключенія въ этомъ случаѣ бываютъ относительно рѣже, чѣмъ при какомъ либо другомъ недугѣ человѣческаго характера. Философія и религія, вмѣсто того, чтобы обуздывать эту наклонность, еще прислужливо потворствуютъ ей; онѣ находятъ контроль только во врожденномъ чувствѣ равенства между человѣческими существами, — томъ чувствѣ, которое хотя и составляетъ теорію христіанства, но никогда не преподается на практикѣ, тогда какъ учрежденія, основанныя на произвольномъ предпочтеніи одного человѣческаго существа надъ другимъ, освящаются авторитетомъ религіи любви....

Безъ всякаго сомнѣнія, на бѣломъ свѣтѣ водятся какъ мужчины, такъ и женщины, которыхъ не удовлетворитъ одинаковая степень уваженія и съ которыми миръ положительно невозможенъ до тѣхъ поръ, пока будетъ уважаться чья либо другая воля или желаніе, а не ихъ исключительный правъ Вотъ къ такимъ-то личностямъ и долженъ прилагаться бракоразводный законъ. Они могутъ жить только въ одиночку, и никакое человѣческое существо не должно быть принуждаемо связывать съ ними свою жизнь. Но легальное подчиненіе скорѣе размножаетъ такіе

характеры между женщинами, чѣмъ ставитъ имъ преграды. Когда мужчина пускаетъ въ ходъ свою полную власть, вся личность женщины, разумѣется, подавляется; но когда съ нею обращаются кротко и удѣляютъ ей долю власти, то ужь нельзя назначить никакого предѣла ея дальнѣйшимъ посягательствамъ. Законъ, не опредѣляя ея правъ и теоретически не уполномочивая ее никакими правами, практически объявляетъ, что мѣра ея притязаній опредѣляется тѣмъ, что она успѣетъ захватить.

Равенство супруговъ передъ закономъ есть не только единственная мѣра, которая можетъ согласить подобный союзъ съ справедливостью по отношенію къ обѣимъ сторонамъ, и вести ихъ къ обоюдному счастью, но это также единственный способъ сдѣлать обыденную жизнь человѣчества школою нравственнаго воспитанія въ высшемъ значеніи этого слова. Только общество между равными можетъ быть питомникомъ дѣйствительнаго нравственнаго чувства, хотя бы истина эта и не была вообще прочувствована и сознана въ интересѣ грядущихъ поколѣній. До сихъ поръ нравственное воспитаніе человѣчества главнѣйшимъ образомъ направлялось закономъ силы и приноравлива-

лось къ отношеніямъ, создаваемымъ насиліемъ. Въ мало развитомъ обществѣ люди съ трудомъ допускаютъ какія бы то ни было связи съ равными. Быть равнымъ—значитъ быть врагомъ. Все общество, отъ самаго высокаго до самаго низкаго положенія, представляетъ цѣпь или скорѣе лѣстницу, на которой каждое отдѣльное лицо стоитъ выше или ниже своего ближайшаго сосѣда, и кто не приказываетъ, тотъ долженъ повиноваться... Сообразно съ этимъ, существующая мораль, въ большинствѣ случаевъ, примѣняется къ отношеніямъ повелѣвающихъ и подчиненныхъ. Но приказаніе и повиновеніе — вѣдь это только несчастныя необходимости человѣческой жизни; общество равныхъ — вотъ ея идеалъ. Уже теперь, по мѣрѣ облагороженія жизни, господство и повиновеніе болѣе и болѣе дѣлаются исключительными явленіями, тогда какъ ассоціація равныхъ обращается въ общее правило. Мораль первыхъ вѣковъ исторіи основывалась на обязанности подчиняться силѣ; въ послѣдующую затѣмъ эпоху возникло право слабаго на пощаду и защиту сильнаго. Долго ли еще наша общественная жизнь будетъ довольствоваться моралью, построенною для другого времени? У насъ

была мораль подчиненія, далѣе мораль рыцарства и великодушія,—теперь настала пора и для нравственнаго уваженія справедливости.»

Всякій разъ, когда въ прежнія времена общество сколько нибудь приближалось къ равенству, справедливость предъявляла свои требованія, какъ основаніе добродѣтели. Такъ было въ свободныхъ республикахъ классической древности. Но даже въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ равные ограничивались только классомъ свободныхъ гражданъ мужескаго пола; рабы, женщины, и поселенцы, недопущенные къ натурализаціи, повиновались закону силы. Совокупное вліяніе первобытной цивилизаціи и христіанства стерло эти различія, и по теоріи (если далеко не вездѣ на практикѣ) поставило права человѣческаго существа выше размежеванія между полами, классами или соціальными положеніями. Преграды эти, которыя начали было уже выравниваться, были опять подняты сѣверными завоеваніями, и съ тѣхъ поръ весь ходъ новѣйшей исторіи обратился въ медленный процессъ ихъ обветшанія. Мы вступаемъ въ тотъ порядокъ вещей, при которомъ справедливость опять сдѣлается верховной добродѣтелью, имѣя своимъ основаніемъ не только равенство, какъ было прежде, но также и полюбовную ассоціацію; корень этой добродѣтели не будетъ уже заключаться въ инстинктѣ самозащиты между равными, но въ сознательной взаимной симпатіи, и никто не будетъ исключенъ за черту справедливости, но равная мѣра будетъ простираться на всѣхъ. Если человѣчество не умѣетъ предвидѣть своихъ собственныхъ измѣненій, если чувства его направляются къ прошлому, а не къ грядущимъ вѣкамъ, то вѣдь это нисколько не ново. Видѣть будущее расы — всегда составляло преимущество избранныхъ свѣтлыхъ умовъ или тѣхъ, которые отъ нихъ поучались; проникнуться чувствами этого будущаго—это признакъ еще болѣе свѣтлаго умственнаго величія, обыкновенно приготовлявшій мученическій вѣнецъ такимъ избранникамъ. Учрежденія, книги, воспитаніе, общество — все это повторяетъ ветхіе зады долго послѣ того, какъ новое уже наступило, и тѣмъ болѣе, когда оно только приближается. Но истинная добродѣтель человѣческихъ существъ заключается въ способности жить вмѣстѣ при полномъ равенствѣ, когда они сами для себя не требуютъ ничего иного, кромѣ того, что также легко предостав-

ляютъ всякому другому, усматривая въ какой либо командѣ только исключительную и во всѣхъ случаяхъ временную необходимость и по возможности предпочитая такой порядокъ общества, въ которомъ предводительство и подчиненіе могутъ смѣняться взаимно и поочередно.

Но жизнь, въ ея современномъ строѣ, не даетъ этому соціальному чувству никакой практической обработки. Семейство образуетъ изъ себя школу деспотизма, въ которой привольно воспитываются какъ добродѣтели гнетущей силы, такъ и ея пороки. Право гражданства, въ свободныхъ странахъ, отчасти служитъ школою общества, основаннаго на равенствѣ, но отправленіе это наполняетъ только узкое мѣсто въ новѣйшей жизни и не проникаетъ въ самую суть обыденныхъ привычекъ и сокровенныхъ ощущеній. Семья, построенная на справедливыхъ основахъ, была бы дѣйствительною школою добродѣтелей свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что она въ достаточной мѣрѣ содѣйствовала бы всему другому, что только для людей нужно. Семья всегда остается школою повиновенія для дѣтей и приказанія — для родителей. Нужно только, чтобы она была школою симпатическихъ отношеній

при равенствѣ, жизни въ любви, безъ всякой насильственной власти съ одной стороны или покорности съ другой. Такъ должно быть между родителями и дѣтьми. Это послужило бы къ развитію тѣхъ хорошихъ качествъ, которыя нужны для приспособленія ко всякой другой ассоціаціи, и дѣти видѣли бы въ такомъ порядкѣ образецъ поведенія и чувствъ, прививаемыхъ имъ временнымъ повиновеніемъ, чтобы сдѣлать такія чувства привычными и слѣдовательно естественными. Люди никогда не съумѣютъ примѣниться къ условіямъ жизни, подготовляемой общимъ ея прогрессомъ, до тѣхъ поръ, пока и въ семьѣ не будетъ принято тоже моральное руководство, какое примѣняется къ моральной организаціи человѣческаго общества. Всякое чувство свободы въ человѣкѣ, считающемся неограниченнымъ владыкою самыхъ близкихъ и дорогихъ ему людей, — не есть настоящая или христіанская любовь къ свободѣ; нѣтъ это тоже, чѣмъ была любовь къ свободѣ въ древніе и средніе вѣка — спѣсивое уваженіе и величаніе своей собственной личности, заставлявшее человѣка презирать его для самаго себя, хотя въ абстрактномъ смыслѣ онъ не только имъ не гнушался, но всегда

готовъ былъ навалить его на выю другихъ ради собственныхъ интересовъ или самообожанія.

Я совершенно допускаю (и именно на этомъ зиждутся главнѣйшимъ образомъ мои надежды), что очень многіе супруги (вѣроятно даже большинство ихъ между высшими классами въ Англіи) и при существующемъ законѣ живутъ въ духѣ справедливой равноправности. Да вѣдь законы никогда бы и не улучшались, если бы не было очень многихъ людей, которыхъ моральныя чувства лучше существующихъ кодексовъ.

Эти-то люди должны поддерживать защищаемые здѣсь принципы, имѣющіе цѣлью только то, чтобы сдѣлать и всѣ другіе брачные союзы сходными съ имѣющимися уже образцами. Но люди даже съ большими нравственными достоинствами—если только они въ тоже время не мыслители — вообще очень склонны думать, что законы и обычаи, худыя послѣдствія которыхъ не были испытаны ими лично, имѣютъ за собою неоспоримый авторитетъ и что слѣдовательно вооружаться противъ нихъ вовсе не слѣдуетъ. Однако со стороны такихъ супруговъ было бы большою ошибкою предполагать, что если

они ни разу втеченіи года и не подумаютъ о связывающихъ ихъ легальныхъ условіяхъ, если они сами во всемъ живутъ и чувствуютъ, какъ легально-равные, — то и между другими сожителями, коль скоро мужъ неославленный негодяй, жизнь тоже течетъ, какъ по маслу. Такое предположеніе показало бы совершенное незнаніе человѣческой природы и самаго факта. Чѣмъ менѣе какой либо мужчина достоинъ власти, чѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на то, что кто нибудь позволитъ ему добровольно командовать надъ собой, тѣмъ самодовольнѣе онъ тѣшится властью, предоставляемою ему закономъ, тѣмъ строже и ревнивѣе проводитъ свои легальныя права, прикрываясь обычаемъ (обычаемъ ему подобныхъ), и забавляется отправленіемъ власти собственно для того, чтобы пощекотать въ себѣ пріятное чувство обладанія ею. Скажемъ болѣе: между грубыми отъ природы и морально-заплѣснѣвѣлыми поддонками низшихъ классовъ легальное рабство женщины, чисто-физическое подчиненіе ея, какъ слѣпого орудія, волѣ мужа, вызываютъ въ немъ чувство какого-то отвращенія и презрѣнія къ своей собственной женѣ, то чувство, котораго

онъ нисколько не испытываетъ относительно какой либо другой женщины или кого бы то ни было, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Вотъ это-то чувство и ставитъ жену въ его глазахъ нарочно-созданнымъ матеріаломъ для всякаго рода мерзостей. Пусть опытный наблюдатель признаковъ чувства, имѣя къ тому подобные случаи, самъ судитъ, бываетъ ли это въ дѣйствительности. Если бываетъ, такъ пусть же онъ не удивляется никакой мѣрѣ омерзѣнія и негодованія противъ тѣхъ учрежденій, которыя естественнымъ путемъ ведутъ къ такому ужасному опошлѣнію человѣческой природы.

Намъ, быть можетъ, скажутъ, что долгъ повиновенія предписывается религіей, подобно тому, какъ и всякій фактъ, слишкомъ скверный для того, чтобы найти какое либо другое оправданіе, выставляется предписаніемъ религіи. Правда, церковь поучаетъ въ этомъ духѣ своими уставами, но трудно было бы вывести такое положеніе прямо отъ христіанства.

Намъ толкуютъ, будто апостолъ Павелъ сказалъ: «жены да повинуются мужьямъ», но онъ же сказалъ также: «рабы да повинуются господамъ своимъ». Возбуждать кого бы то ни было противъ существую-

щихъ законовъ нисколько не входило въ планъ св. Павла и не согласовалось съ его цѣлію—распространеніемъ христіанства. Принимая всѣ соціальныя учрежденія въ томъ видѣ, какими онъ засталъ ихъ, апостолъ нисколько не хотѣлъ порицать этимъ всѣ попытки къ ихъ улучшенію въ свое время, точно также, какъ его мнѣніе о томъ, что «всякая власть отъ Бога» вовсе не освящаетъ военнаго деспотизма, не дѣлаетъ его исключительно-христіанской формою политическаго правленія и не налагаетъ пассивнаго повиновенія ему. Думать, что христіанство хотѣло на вѣковѣчныя времена отчеканить данныя формы правленія и общества—значило бы низводить его до уровня мусульманства или брамминизма. Но именно потому, что христіанство этого не хотѣло—оно и сдѣлалось религіей прогрессивной части человѣчества, тогда какъ къ исламизму, брамминизму и пр. присоединились представители застоя или скорѣе упадка, потому что стоячее общество, въ строгомъ смыслѣ, невозможно. Во всѣ времена христіанства много являлось людей, пытавшихся и изъ христіанства сдѣлать нѣчто подобное—обратить насъ въ какихъ-то христіанскихъ мусульманъ, съ библіей вмѣсто корана, запрещающей

всякій порывъ къ лучшему. Велика была сила этихъ людей, и не одинъ изъ ихъ противниковъ долженъ былъ пожертвовать жизнію въ борьбѣ съ ними. Но борьба была выдержана; побѣда сдѣлала насъ такими, каковы мы теперь, и въ будущемъ сдѣлаетъ насъ тѣмъ, чѣмъ мы должны быть.

Послѣ того, что было сказано о долгѣ повиновенія, едва ли нужно что нибудь прибавлять относительно болѣе частнаго вопроса, заключающагося въ общемъ—о правѣ женщины на ея собственное достояніе. Не думаю, чтобы разсужденія объ этомъ предметѣ произвели какое нибудь впечатлѣніе на тѣхъ господъ, которыхъ приходится чѣмъ нибудь убѣждать, что имущество или заработки женщины должны также принадлежать ей въ брачной жизни, какъ до нея. Вѣдь тутъ правило довольно просто: чѣмъ владѣлъ мужъ или жена, прежде чѣмъ они были повѣнчаны, пусть остается подъ ихъ исключительнымъ контролемъ и во время брачнаго сожительства. Многіе сантиментально скандализируются при мысли объ отдѣльности денежныхъ интересовъ, увѣряя, что это несогласно съ идеальнымъ слитіемъ двухъ жизней въ плоть едину. Что касается до меня лично, то я при-

надлежу къ самымъ горячимъ поборникамъ общаго владѣнія, если только совершенное единомысліе между собственниками не мѣшаетъ тому, чтобы все у нихъ было сообща и пополамъ. Но меня нисколько не прельщаетъ то общее владѣніе, которое основывается на теоріи, что все твое—мое, но что мое—то еще не твое, и потому я предпочелъ бы отказаться отъ такого соглашенія, хотя бы выигрывающее лицо былъ я самъ.

Этотъ особенный видъ несправедливости къ женщинамъ и притѣсненія ихъ наиболѣе очевиденъ для обыкновеннаго пониманія и допускаетъ противоядіе безъ всякой связи съ другими неправдами, и безъ сомнѣнія зло это будетъ прекращено въ числѣ первыхъ. Во многихъ новыхъ и нѣкоторыхъ старыхъ штатахъ Сѣверо-американскаго союза уже и въ письменныя законоположенія внесена статья, гарантирующая женщинамъ равенство правъ въ этомъ отношеніи и улучшающая матеріальное положеніе, по отношенію къ браку, по крайней мѣрѣ, тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ собственность, такъ какъ этимъ отъ нихъ не отнимается хотя одно оруліе къ упроченію за собой вліянія. Сверхъ того это положитъ также

конецъ тому скандальному злоупотребленію женитьбой, благодаря которому мужчина заманиваетъ въ свои сѣти дѣвушку единственно ради того, чтобы поживиться ея деньгами. Когда существованіе семейства обезпечивается не самостоятельнымъ имуществомъ, но зароботкомъ, то самымъ лучшимъ раздѣленіемъ труда между двумя лицами представляется мнѣ та обыкновенная система, по которой мужъ хлопочетъ о добываніи денегъ, тогда какъ жена завѣдываетъ издержками домашняго хозяйства. Если къ физическимъ страданіямъ рожденія дѣтей и къ полной отвѣтственности за ихъ уходъ и воспитаніе втеченія первыхъ лѣтъ женщина присоединитъ заботливое и экономическое употребленіе мужниныхъ доходовъ, то она не только достаточно работаетъ и тѣломъ и умомъ, но дѣлаетъ обыкновенно даже болѣе, чѣмъ сколько можетъ отъ нея потребовать ихъ совмѣстное существованіе. Всякая дальнѣйшая надбавка труда, рѣдко освобождая ее отъ этой обузы, только мѣшаетъ заниматься ею, какъ должно. Никто не возьметъ на себя ея хлопотъ по хозяйству и уходу за дѣтьми, если сама она заняться этимъ не можетъ; тѣ изъ дѣтей, которыя остаются въ живыхъ, подрастаютъ, какъ хо-

тятъ, тогда какъ хозяйство идетъ обыкновенно такъ плохо, что даже въ экономическомъ отношеніи нисколько не щадитъ женскихъ заработковъ. Итакъ, справедливый порядокъ вещей, по-моему, нисколько не заставляетъ желать, чтобы жена способствовала своимъ трудомъ увеличенію доходовъ семейства. При несправедливомъ порядкѣ это можетъ быть для нея полезно, придавая ей больше цѣны въ глазахъ мужа, ея легальнаго господина. Но съ другой стороны это побуждаетъ его и далѣе злоупотреблять своею властью, принуждать жену къ работѣ и взваливать содержаніе семьи на ея плечи, тогда какъ самъ онъ проводитъ время въ пьянствѣ и праздности. *Способность къ заработыванію* очень важна для достоинства женщины, если она не имѣетъ независимой собственности. Но если бы бракъ заключался на равныхъ правахъ, безъ всякаго обязательнаго повиновенія, если бы вмѣсто того, чтобы поддерживать союзъ для угнетенія того, кому онъ только отравляетъ жизнь, всякой женщинѣ, имѣющей на то право, была предоставлена сепарація на справедливыхъ условіяхъ (впрочемъ я вовсе не говорю теперь о разводѣ), наконецъ, если бы послѣ того ей, какъ и мужчинѣ, были открыты всѣ честные пути,—то во

время брака для нея едва ли бы встрѣтилась необходимость въ этомъ извлеченіи пользы изъ своихъ способностей. Подобно мужчинѣ, избирающему для себя профессію, женщина, вступая въ бракъ, своимъ главнѣйшимъ выборомъ дѣлаетъ веденіе домашняго хозяйства и уходъ за семьей впродолженіи столькихъ лѣтъ своей жизни, сколько это окажется необходимымъ. При этомъ она отказывается не отъ всѣхъ прочихъ профессій и занятій, но отъ тѣхъ только, которыя могутъ быть помѣхой для избранной ею спеціальности. Для большинства замужнихъ женщинъ правило это практически исключаетъ всякое обычное или систематическое занятіе такимъ дѣломъ, которое производится внѣ семейнаго очага или не можетъ быть взято на-домъ. Но примѣненіе общихъ правилъ къ индивидуальнымъ наклонностямъ должно допускать полный просторъ. Не слѣдуетъ стѣснять способности, исключительно пригодныя для какого либо посторонняго занятія, въ ихъ призваніи: нужно только принять должныя мѣры для предупрежденія того ущерба, какой неизбѣжно можетъ потерпѣть полное отправленіе обычныхъ обязанностей хозяйки.

Если бы мнѣніе людей было съ достаточной вѣрностью направлено на этотъ предметъ, то всѣ эти вещи могли бы, какъ нельзя лучше, быть улажены собственными соображеніями супруговъ, безъ всякаго вмѣшательства закона.

ГЛАВА III.

Кто слѣдилъ за моимъ предыдущимъ разсужденіемъ о равенствѣ женщины въ семействѣ, того, я думаю, не трудно будетъ убѣдить и въ томъ, что составляетъ настоящее равенство женскаго пола — въ допущеніи его ко всѣмъ профессіямъ и занятіямъ, составляющимъ до сихъ поръ монополію сильнѣйшаго пола. Я убѣжденъ, что неспособность женщинъ къ общественной жизни поддерживается только для того, чтобы еще сильнѣе закрѣпить ихъ подчиненность въ домашнемъ быту, потому что большинство мужчинъ не можетъ даже примириться съ мыслію о равноправной жизни. Въ противномъ случаѣ, при современномъ состояніи политическихъ и экономическихъ мнѣній, каждый согласился бы съ несправедливостію устранять цѣлую половину человѣческой ра-

сы почти отъ всѣхъ болѣе выгодныхъ занятій и высшихъ соціальныхъ должностей; — съ несправедливостію внушать женщинѣ отъ самой ея колыбели, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ исполнять тѣхъ профессій, которыя легально открыты даже самымъ тупымъ и пошлымъ изъ мужчинъ, или если бы она и была способна исполнять ихъ, то это поприще заперто для нея потому, чтобы оставить его для исключительнаго удовольствія мужчинъ. Когда въ послѣднія два столѣтія (хотя это было рѣдко), кромѣ признанія простого существующаго факта, еще требовалось доказать неспособность женщины, то немногіе только рѣшались выставлять своимъ аргументомъ высшую интеллектуальную ея организацію; притомъ едва ли кто и вѣрилъ этому въ то время, когда въ борьбѣ общественной жизни не было закрыто дѣйствительное испытаніе личныхъ способностей ея. Въ эту эпоху указывали не на женскую неспособность, а на общественное благо, подъ которымъ подразумѣвалось благо мужчинъ; такъ точно, какъ нерѣдко raison d'état, понимая подъ этимъ интересъ правительства и поддержку существующаго авторитета, считался достаточнымъ оправданіемъ самыхъ

отвратительныхъ преступленій. Теперь власть говоритъ болѣе мягкимъ языкомъ, и если она кого угнетаетъ, то оправдываетъ это тѣмъ, что это угнетеніе будто бы необходимо для блага самаго угнетеннаго. То же самое и съ женщинами; когда имъ запрещается что нибудь, то, говорятъ, что онѣ неспособны этого дѣлать и что онѣ собьются съ истинной стези ихъ счастія и успѣха, если станутъ добиваться несвойственной имъ дѣятельности. Но чтобы представить эту причину въ благовидномъ свѣтѣ (я не скажу въ истинномъ), защитники ея должны дать ей болѣе широкое развитіе, чѣмъ это сдѣлано доселѣ кѣмъ либо въ виду настоящаго опыта. Недостаточно сказать, что женщины вообще одарены менѣе высокими умственными способностями, чѣмъ мужчины, или что между женщинами меньше способныхъ, чѣмъ между мужчинами для отправленія занятій и положеній высшаго интеллектуальнаго характера. Необходимо доказать, еще что женщины совершенно неспособны для такой дѣятельности, что самыя замѣчательныя изъ нихъ личности, въ умственномъ отношеніи, стоятъ все-таки ниже самыхъ посредственныхъ мужчинъ, имѣющихъ теперь привилегію на всѣ общественныя должности. А это было бы доказано только тогда, когда доступъ ко всѣмъ соціальнымъ положеніямъ былъ бы открытъ конкурренціи или какому нибудь другому способу выбора, въ интересахъ самаго общества, и когда какая нибудь важная профессія попала бы въ руки женщинъ, менѣе способныхъ, чѣмъ обыкновенные мужчины, ихъ соперники. Но при такомъ порядкѣ единственнымъ результатомъ было бы то, что женщинъ явилось бы меньше на этомъ поприщѣ, чѣмъ мужчинъ; это тѣмъ вѣроятнѣе, что большинство женщинъ навѣрное предпочли бы тѣ сферы дѣятельности, въ которыхъ никто съ ними не можетъ соперничать. Теперь самый ярый противникъ женской эманципаціи не станетъ отрицать, что, основываясь на опытѣ прошлыхъ вѣковъ и нашего времени, женщины, и притомъ многія, доказали несомнѣнную способность дѣлать все, — рѣшительно все, что дѣлается мужчинами, съ полнымъ успѣхомъ и добросовѣстностію. Все что можно сказать—это то, что есть такія отрасли дѣятельности, въ которыхъ ни одна женщина не успѣла такъ хорошо, какъ нѣкоторые мужчины или не достигла самаго высшаго положенія. Но очень мало можно указать такихъ занятій, особенно

въ области умственной дѣятельности, въ которыхъ бы онѣ не достигли успѣха, близкаго къ самой высшей степени соціальнаго совершенства. И не есть ли это самое грубое насиліе для нихъ и вредъ для самаго общества, что женщинамъ не дозволяется конкуррировать съ мужчинами на поприщѣ этихъ занятій? Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстныя отрасли дѣятельности теперь исполняются мужчинами гораздо менѣе способными, чѣмъ многія и многія женщины, которыя бы оттѣснили своихъ соперниковъ на открытомъ полѣ состязанія. Что было бы удивительнаго, если бы гдѣ нибудь нашлись мужчины, поглощенные другими обязанностями, чѣмъ тѣ, къ которымъ они болѣе призваны, чѣмъ эти женщины? Не есть ли это обыкновенная черта всякой конкурренціи? Неужели въ какомъ нибудь обществѣ такъ много мужчинъ, способныхъ занимать высшія соціальныя должности, что оно можетъ отвергать услуги какого нибудь достойнаго соискателя? Неужели мы увѣрены въ томъ, что всегда найдется вполнѣ приготовленный мужчина для всякой важной соціальной обязанности или профессіи, неужели мы ничего не теряемъ, удаляя съ поля дѣятельности цѣлую половину человѣчества и напередъ

обрекая на безполезную неподвижность способности женщинъ, какъ бы онѣ ни были замѣчательны? Но если бы мы и не теряли ничего, то согласно ли съ справедливостію отказывать имъ въ той долѣ почестей и отличія, на которую они имѣютъ полное право, и въ свободномъ выборѣ занятій, по ихъ собственному усмотрѣнію и подъ ихъ личною отвѣтственностію? Это несправедливо не только по отношенію къ женщинамъ, но и относительно всѣхъ тѣхъ, кто бы захотѣлъ воспользоваться ихъ услугами. Запретить быть имъ докторами, адвокатами, или членами парламента—это значитъ нанести вредъ не только женскому полу, но и всѣмъ, кто пользуется трудами этихъ дѣятелей; это значитъ лишать себя благотворнаго стимула болѣе широкой конкурренціи для соискателей общественныхъ профессій и ограничиваться болѣе тѣснымъ кругомъ индивидуальнаго выбора.

Для меня будетъ достаточно, если я, въ подробномъ изложеніи самыхъ доводовъ, ограничусь только профессіями общественнаго характера; если мнѣ удастся доказать право женщинъ на отправленіе этихъ профессій, то, вѣроятно, каждый согласится, что онѣ должны быть допущены ко всѣмъ занятіямъ безъ ис-

ключенія. Прежде всего я укажу на одну отрасль общественной дѣятельности, рѣзко отличающуюся отъ другихъ отраслей, и право на которую — внѣ всякаго вопроса объ умственныхъ способностяхъ женщины. Я говорю о выборахъ парламентскихъ и муниципальныхъ. Право принимать участіе въ выборѣ тѣхъ, которые уполномочиваются общественнымъ довѣріемъ, совершенно отлично отъ права на самое соисканіе этого довѣрія. Если бы тотъ, кто неспособенъ быть самъ кандидатомъ на выборы, съ тѣмъ вмѣстѣ лишенъ былъ права самаго выбора, то правительство представляло бы самую замкнутую олигархію. Участвовать въ выборѣ тѣхъ, кто будетъ управлять мной — значитъ пользоваться правомъ самозащиты, свойственной каждому, хотя бы онъ никогда не участвовалъ въ самомъ управленіи; а что женщины считались способными къ избирательному праву— это доказывается тѣмъ, что законъ уже даетъ это право женщинамъ въ самомъ важномъ для нихъ случаѣ, потому что выборъ мужчины, который управляетъ женщиною впродолженіи всей ея жизни, всегда предполагается свободно сдѣланнымъ ею самою. Въ дѣлѣ избранія представителей общественнаго до-

вѣрія на конституціи лежитъ обязанность обставить право выбора всѣми необходимыми гарантіями и ограниченіями, а гарантіи, достаточныя для мужчинъ, будутъ совершенно достаточны и для женщинъ. Подъ какими бы условіями и въ какихъ бы границахъ мужчины ни были допускаемы къ праву избранія, не можетъ быть и тѣни оправданія для тѣхъ, кто не хочетъ допускать, подъ тѣми же условіями, и женщинъ къ выборамъ. Большинство женщинъ извѣстной сословной категоріи ничѣмъ не отличается въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ отъ большинства мужчинъ того же класса, развѣ только вопросъ касается прямо женскихъ спеціальныхъ интересовъ. Но въ такомъ вопросѣ тѣмъ необходимѣе обратиться къ голосу того пола, который можетъ быть болѣе компетентнымъ судьей дѣла. Это ясно для каждаго изъ тѣхъ, которые расходятся со мной во всѣхъ другихъ пунктахъ защищаемаго мною предмета. Даже въ томъ случаѣ, если бы каждая женщина была женой и каждая жена — рабой, то тѣмъ болѣе эти рабы нуждаются въ защитѣ закона, а мы знаемъ, какова эта бываетъ защита тамъ, гдѣ законы издаются самими же господами.

Относительно способности женщинъ не только участвовать въ выборахъ, но и въ отправленіи общественныхъ должностей, облеченныхъ строгой публичной отвѣтственностію, я уже замѣтилъ, что вопросъ этотъ, въ практическомъ отношеніи, не важенъ, потому что если какая нибудь женщина успѣваетъ на поприщѣ публичной дѣятельности, то этимъ она доказываетъ, что эта дѣятельность по ея силамъ. И если политическая система страны устраняетъ отъ общественныхъ должностей неспособныхъ мужчинъ, то она равно устранитъ и неспособныхъ женщинъ; въ противномъ случаѣ, зло не увеличится отъ того, будутъ ли допущены неспособные мужчины или неспособныя женщины. Поэтому еслибъ теперь и было признано, что только немногія женщины могутъ быть способны для общественной дѣятельности, то законъ, закрывающій двери всѣмъ остальнымъ, на основаніи этого исключительнаго факта, былъ бы несправедливъ въ отношеніи женской правоспособности вообще. Но хотя этотъ послѣдній выводъ и не важенъ самъ по себѣ, однако онъ далекъ отъ того, чтобы быть непримѣняемымъ. Если разсматривать его безъ всякаго предубѣжденія, то онъ даетъ новую силу доводамъ

противъ неспособности женщинъ и подкрѣпляетъ ихъ высокими воззрѣніями практической пользы.

Я не стану касаться здѣсь теоретическихъ соображеній, на основаніи которыхъ стараются доказать, что предполагаемыя умственныя различія между мужчинами и женщинами есть ни-что иное, какъ естественный результатъ различій въ ихъ воспитаніи и обстоятельствахъ и что въ самой ихъ природѣ нѣтъ никакой существенной разницы. Я буду разсматривать здѣсь женщинъ только съ той стороны, какъ мы ихъ уже видимъ, или каковыми онѣ были въ прошломъ, и какія изъ способностей ихъ были уже практически обнаружены. Что сдѣлано ими уже, то, по крайней мѣрѣ, доказываетъ, что онѣ могутъ сдѣлать. И если мы поставимъ на видъ то обстоятельство, какъ обольстительно отвлекаютъ ихъ,—вмѣсто того чтобы привлекать, — отъ обязанностей и занятій, предоставленныхъ мужчинамъ, то очевидно, что я избираю для ихъ защиты самую скромную почву, ограничиваясь только тѣмъ, что уже дѣйствительно совершено ими. Въ этомъ случаѣ всякое отрицательное доказательство не важно, но положительное, каково бы оно ни было, имѣетъ серь-

озное значеніе. Изъ того, что еще ни одна женщина не создала ничего равнаго произведеніямъ Гомера или Аристотеля, Микель-Анджело или Бетховена,— изъ этого еще нельзя заключать, чтобы она не могла быть однимъ изъ этихъ великихъ представителей мысли или искуства. Такое отрицательное воззрѣніе оставляетъ вопросъ внѣ всякаго разрѣшенія и открываетъ широкое поле полемическимъ спорамъ. Но совершенно очевидно, что женщина можетъ быть королевой Елисаветой или Анной д'Аркъ, потому что это не теоретическій выводъ, а фактъ. Замѣчательно то, что существующій законъ устраняетъ женщинъ отъ исполненія именно тѣхъ занятій, къ которымъ онѣ уже доказали свою способность. Нигдѣ и никогда законъ не запрещалъ женщинѣ сдѣлаться Шекспиромъ или произвести оперы Моцарта, но королева Елисавета или Викторія, если бы онѣ не наслѣдовали своего трона, не были бы уполномочены ни одною, самою ничтожною изъ политическихъ обязанностей, въ которыхъ первая достигла высокой степени совершенства.

Если что нибудь и можетъ быть выведено раціонально изъ опыта, безъ психологическаго анализа,

такъ это то, что женщины наиболѣе способны именно къ тѣмъ занятіямъ, которыя для нихъ запрещены. Такъ ихъ способность къ правленію проявилась въ очень значительной степени при весьма немногихъ, удобныхъ къ тому, случаяхъ, тогда какъ въ тѣхъ отрасляхъ дѣятельности, которыя открыты для нихъ свободно, онѣ далеко не показали такого блистательнаго успѣха. Мы знаемъ, какъ мало исторія представляетъ намъ царствовавшихъ королевъ сравнительно съ королями. Но изъ этого незначительнаго числа гораздо большій процентъ выказалъ способности къ правленію, хотя многія изъ королевъ занимали престолъ въ очень трудныя времена, когда нужна была не только твердая рука правителя, но и глубокій государственный умъ.

Замѣчательно также, что въ очень многихъ случаяхъ онѣ обнаружили качества, діаметрально противоположныя воображаемому и условному характеру женщинъ: эти монархини ознаменовали себя не только умнымъ, но въ той же мѣрѣ твердымъ и энергическимъ правленіемъ. Если къ королевамъ и императрицамъ мы присоединимъ правительницъ и намѣстницъ, то число женщинъ, бывшихъ замѣчатель-

ными распорядительницами человѣческихъ судебъ, возростетъ до очень почтенной цифры *).

Фактъ этотъ такъ неопровержимъ, что какой-то

*) Въ особенности если мы примемъ въ разсчетъ не одну Европу, но также и Азію. Если какое нибудь княжество индусовъ управляется твердой рукою, съ экономическимъ благоразуміемъ, если порядокъ обезпеченъ безъ всякихъ притѣснительныхъ мѣръ, если земледѣліе процвѣтаетъ и благосостояніе народа увеличивается, то въ трехъ случаяхъ изъ четырехъ княжество это управляется женщиною. Этотъ совершенно неожиданный для меня фактъ былъ открытъ мною въ обстоятельныхъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ объ индусскихъ независимыхъ владѣніяхъ. И такихъ примѣровъ очень много. Хотя, по индѣйскимъ обычаямъ, женщина не можетъ царствовать, однако законъ дѣлаетъ ее правительницей государства во время малолѣтства наслѣдника, а случаи малолѣтства очень нерѣдки, такъ какъ мужчины-правители довольно часто прежде времени сходятъ въ могилу, благодаря праздности и чувственнымъ излишествамъ. Замѣтимъ, что эти принцессы никогда не показывались публично, не говорили ни съ однимъ мужчиною, непринадлежавшимъ къ ихъ семейству, иначе, какъ изъ-за занавѣса, никогда и ничего не читали, да если бы и читали, то все-таки на ихъ языкѣ нѣтъ ни одной книги, которая дала бы имъ малѣйшее указаніе относительно веденія государственныхъ дѣлъ. Принявъ все это во вниманіе, нельзя не видѣть, что примѣръ ихъ свидѣтельствуетъ о замѣчательной способности женщинъ къ верховному правленію.

острякъ давно уже хотѣлъ исказить аргументъ и придать несомнѣнной истинѣ форму новаго оскорбительнаго намека, говоря, будто королевы царствуютъ лучше королей именно потому, что при корольяхъ управляютъ женщины, а при королевахъ—мужчины.

Возражать противъ свѣтской шутки—значило бы тратить по пусту слова и время; но подобныя шутки все-таки дѣйствуютъ на умы людей, и многіе господа, какъ это мнѣ доводилось уже не разъ слышать, ссылались на эту поговорку съ такимъ видомъ, какъ будто въ ней заключалась своя доля правды. Во всякомъ случаѣ она можетъ служить для насъ совершенно удобно точкой отправленія въ нашемъ настоящемъ разсмотрѣніи вопроса. Итакъ, я утверждаю, что совершенно несправедливо, будто при корольяхъ управляютъ женщины. Такіе случаи крайне исключительны, и слабые короли также часто характеризовали себя дурнымъ управленіемъ по милости фаворитовъ, какъ и вслѣдствіе вліянія фаворитокъ. Если король, по своимъ любовнымъ наклонностямъ, позволяетъ верховодничать надъ собою женщинѣ, то, разумѣется, нельзя ожидать добропорядочнаго правительства, хотя и здѣсь бываютъ исключенія. По фран-

цузская исторія указываетъ намъ на двухъ королей, добровольно передавшихъ управленіе дѣлами впродолженіи многихъ лѣтъ, одинъ своей матери, другой— сестрѣ. Карлъ VIII, еще будучи мальчикомъ, поступилъ такимъ образомъ, слѣдуя намѣреніямъ своего отца Людовика XI, самаго даровитаго монарха своего времени. Другой король, Людовикъ святой, былъ однимъ изъ лучшихъ и энергическихъ правителей, начиная отъ Карла Великаго. Обѣ эти принцессы управляли такъ успѣшно, что едва ли какой нибудь изъ современныхъ имъ государей могъ съ ними сравняться

Карлъ V, глубочайшій политикъ своего времени, располагавшій огромнымъ множествомъ даровитыхъ людей для своей службы, былъ одинъ изъ тѣхъ монарховъ, которые всѣхъ менѣе любятъ жертвовать своими интересами ради личныхъ чувствъ. Однако онъ послѣдовательно сдѣлалъ двухъ принцессъ своего дома правительницами Нидерландовъ и держалъ ту или другую изъ нихъ на этомъ мѣстѣ втеченіи всей своей жизни (впослѣдствіи имъ наслѣдовала третья правительница). Обѣ управляли съ большимъ успѣхомъ, и одна изъ нихъ, Маргарита австрійская, ста-

вилась въ ряду опытнѣйшихъ политиковъ своего вѣка. Это относительно одной стороны вопроса. Теперь переходимъ къ другой. Если утверждаютъ, будто при королевахъ управляютъ мужчины, то слѣдуетъ ли понимать завѣренія эти въ томъ же смыслѣ, какой придается вліянію женщинъ на королей? Значитъ ли это, что царствующія государыни избираютъ орудіями правленія угодниковъ своихъ личныхъ удовольствій? Но подобные случаи очень рѣдки даже при весьма неразборчивыхъ на этотъ счетъ царицахъ, и въ такихъ случаяхъ мужское вліяніе вовсе не ведетъ къ хорошему государственному управленію. Итакъ, если справедливо, что въ женское царствованіе администрація переходитъ въ руки лучшихъ мужчинъ, чѣмъ при посредственномъ монархѣ, то отсюда слѣдуетъ только, что королевы болѣе способны дѣлать хорошій выборъ людей и что женщины вообще лучше годятся, чѣмъ мужчины, для высокаго положенія монарха и перваго-министра, потому что главная задача первенствующаго министра заключается не въ томъ, чтобы управлять лично, но чтобы находить наиболѣе способныхъ лицъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственныхъ интересовъ.

При одинаковости прочихъ условій, признаваемая за женщинами способность быстрѣе проникать въ извѣстный характеръ, сравнительно съ мужчинами, неизбѣжно должна сообщать первымъ большее умѣнье и тактъ въ выборѣ своихъ вспомогательныхъ орудій, а въ дѣлѣ общественнаго управленія такое умѣнье представляется чуть ли не важнѣйшимъ условіемъ. Даже нравственно-неразборчивая Катерина Медичи отгадала цѣну такому человѣку, какъ кавалеръ Л'Опиталь. Тѣмъ не менѣе справедливо, что великія королевы были велики именно своими природными способностями къ правленію и по этой-то причинѣ и царствовали со славою. Онѣ удерживали верховное завѣдываніе дѣлами въ своихъ собственныхъ рукахъ, и если внимательно слушали мудрыхъ совѣтниковъ, то это то именно и доказываетъ, что ихъ умъ былъ способенъ заниматься великими вопросами государственнаго управленія.

Есть ли какое нибудь основаніе думать, что лица, признанныя способными къ важнѣйшимъ политическимъ отправленіямъ, окажутся неспособными для второстепенныхъ интересовъ въ той же сферѣ? Въ порядкѣ ли вещей полагать, что если жены и сестры королей, будучи призваны случаемъ, оказываются такими же компетентными, какъ и сами короли, въ ихъ царственномъ дѣлѣ, тогда какъ жены и сестры государственныхъ дѣятелей, администраторовъ, директоровъ компаній, управляющихъ общественными учрежденіями, совершенно спасуютъ въ томъ, что дѣлаютъ ихъ мужья и братья? Вѣдь тутъ все дѣло представляется довольно ясно: принцессы, болѣе высокопоставленныя надъ большинствомъ мужчинъ своимъ положеніемъ, чѣмъ обыкновенныя женщины другихъ классовъ, никогда не поучались въ томъ духѣ, что имъ не слѣдуетъ заниматься политикой; напротивъ, имъ было позволено совершенно свободно интересоваться—что весьма естественно въ каждомъ умственно-развитомъ человѣческомъ существѣ — всѣми происходившими вокругъ нихъ крупными явленіями, въ которыхъ онѣ сами могли быть призваны принимать участіе. Принцессы царствующихъ фамилій — вотъ единственныя женщины, которымъ, наравнѣ съ мужчинами, предоставлено одинаковое поле интересовъ, та же свобода развитія. Тамъ, гдѣ женскія способности къ управленію были подвергнуты испытанію, въ

той же мѣрѣ онѣ найдены были совершенно годными для этой цѣли.

Фактъ этотъ совершенно согласуется съ наилучшими общими заключеніями, доставляемыми скуднымъ опытомъ общества по вопросу о характеристическихъ склонностяхъ и способностяхъ женщинъ, каковы онѣ были до сихъ поръ. Я не говорю здѣсь,— какими онѣ останутся и впредь, потому что, какъ мною уже было замѣчено нѣсколько разъ, тотъ, по моему мнѣнію, беретъ на себя слишкомъ много, кто принимается самонадѣянно рѣшать, каковы женщины по своей природѣ, чѣмъ онѣ могутъ и чѣмъ не могутъ быть. Во всемъ, что касается самобытнаго развитія, онѣ подпали такому неестественному положенію, что природа ихъ неизбѣжно была въ значительной степени извращена и задавлена. Нѣтъ никакого основанія пророчествовать, что женскій характеръ и способности представили бы, по сравненію съ мужчинами, какое нибудь существенное или, быть можетъ, самомалѣйшее различіе въ томъ случаѣ, когда женской природѣ былъ бы предоставленъ свободный выборъ своего собственнаго направленія, и если бы оно не подвергалось никакому искуственному стѣсненію, за исключеніемъ тѣхъ границъ, которыя указываются одинаково обоимъ поламъ условіями общественной жизни. Далѣе я постараюсь показать, что одно изъ наиболѣе очевидныхъ существующихъ нынѣ различій могло быть произведено исключительно одними внѣшними обстоятельствами, безъ всякой разнохарактерности природныхъ умственныхъ дарованій. Наблюдая женщинъ въ томъ видѣ, къ какомъ рисуетъ ихъ опытъ, можно сказать съ большей справедливостью, чѣмъ обыкновенно принято думать, что общее направленіе женскихъ способностей отмѣчено практическимъ характеромъ. Такое заявленіе совершенно согласуется со всею общественною исторіею женщинъ—прошедшею и настоящею. Не менѣе вытекаетъ оно также изъ повсемѣстнаго и ежедневнаго опыта. Въ самомъ дѣлѣ, приглядимся къ наиболѣе характеристическимъ умственнымъ сторонамъ въ даровитой женщинѣ. Всѣ эти стороны дѣлаютъ женщину способною къ практической жизни и побуждаютъ къ ней стремиться. Что называется, напр., въ женщинѣ тонкой проницательностью, вѣрнымъ чутьемъ ума? Это—способность къ быстрой и правильной оцѣнкѣ настоящаго факта. Съ общими законами из-

слѣдованія способность эта не имѣетъ никакой связи. Однимъ вѣрнымъ чутьемъ не откроешь какого нибудь естественно-научнаго закона, даже не придешь къ общему понятію о долгѣ или благоразумін. Все это— уже результаты медленнаго и тщательнаго собиранія и сравненія того, что предлагается опытомъ; по этой части проницательные мужчины или женщины обыкновенно не очень сильны, если только требуемый опытъ не можетъ быть пріобрѣтенъ ими самостоятельно. То, что называется проницательностью женщины, дѣлаетъ ихъ въ высшей степени способными къ группировкѣ тѣхъ общихъ истинъ, которыя могутъ быть собраны ихъ собственными наблюдательными средствами. Итакъ, если посредствомъ чтенія и воспитанія, женщинамъ удастся также хорошо запастись результатами посторонняго опыта, какъ это возможно для мужчинъ, то женщины вообще лучше мужчинъ вооружены необходимыми средствами для меткаго и яснаго практическаго пониманія. Слово *удастся* мы употребили намѣренно, такъ какъ во всемъ, что касается приспособленія къ крупнымъ интересамъ жизни, единственныя воспитанныя женщины—самоучки. Мужчины, которыхъ учили многому-

премногому, теряютъ чутье въ виду настоящаго факта. Они видятъ въ фактахъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло, не то, что въ нихъ есть дѣйствительно, а только то, чего они научились ожидать отъ этихъ фактовъ. Мало-мальски развитыя женщины рѣдко попадаютъ въ такой просакъ. Ихъ гарантируетъ отъ этого внутренняя «проницательность.» При одинаковости опыта и общихъ умственныхъ отправленій женщина лучше мужчины умѣетъ видѣть то, что совершается предъ ея глазами. Но это-то вѣрное чутье къ настоящему и является главнымъ условіемъ для оцѣнки практики, въ отличіе ея отъ теоріи. Открывать общіе законы—это дѣло спекулятивной способности; различать и распутывать частные случаи, къ которымъ законы эти приложимы или неприложимы,— это свойство практическаго ума, свойство особенно характеризующее женщинъ, какими мы ихъ теперь знаемъ. Согласенъ, что безъ принциповъ невозможна хорошая практика, и что быстрота наблюденія, составляющая преобладающую черту между способностями женщины, побуждаетъ ее строить слишкомъ поспѣшные выводы, хотя она же сама и исправляетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ наблюденіе ея принимаетъ

болѣе широкіе размѣры. Но доступъ ко всему запасу общечеловѣческаго опыта — вотъ настоящее средство сгладить указываемый недостатокъ; общія всѣмъ людямъ знанія — вотъ опора, которую можетъ дать воспитаніе. Ошибки женщины существенно сходны съ промахами развитаго мужчины-самоучки, который часто видитъ то, къ чему люди, воспитанные въ рутинѣ, остаются слѣпы, но впадаетъ въ ошибки вслѣдствіе незнанія тѣхъ вещей, которыя давнымъ давно уже сдѣлались извѣстными другимъ. Само собою разумѣется, онъ усвоилъ себѣ многое изъ предшествующаго знанія, иначе всякое дальнѣйшее развитіе было бы для него невозможно; но то, что онъ знаетъ, было схвачено имъ отрывочно и случайно, также какъ это мы видимъ въ женщинахъ.

Но если это тяготѣніе женскихъ умовъ къ настоящему, къ реальному, къ дѣйствительному факту служитъ, при своей исключительности, источникомъ ошибокъ, то, съ другой стороны, оно въ высшей степени полезно, не позволяя впадать въ противоположную крайность. Главнѣйшая и наиболѣе характеристическая слабая сторона спекулятивныхъ (т. е. теоретическихъ) умовъ заключается именно въ отсут-

ствіи живого сознанія и постояннаго тонкаго чутья по отношенію къ объективному факту. При недостаткѣ этихъ условій, люди не только не замѣчаютъ противорѣчія между своими теоріями и внѣшними фактами, но даже теряютъ изъ вида всякую разумную цѣль своей задачи; они позволяютъ спекулятивнымъ фантазіямъ блуждать въ областяхъ, населенныхъ не реальными — одушевленными или неодушевленными — даже не идеализированными существами, а какими-то олицетворенными призраками, порожденіями метафизическихъ иллюзій или просто запутанности въ словахъ,—тогда какъ самимъ теоретикамъ призраки эти представляются настоящими предметами высшей, глубочайшей, что ни наесть, трансцендентальной философіей. Для всякаго теоретика, занимающагося не собираніемъ научнаго матеріала, путемъ наблюденія, а переработываніемъ его въ общія истины и принципы процессами мысли, ничто не можетъ быть такъ полезно, какъ производить свои труды въ компаніи и подъ критической редакціей дѣйствительно развитой женщины. Ничто не можетъ такъ хорошо удерживать его мысли въ границахъ реальныхъ вещей и

дѣйствительныхъ фактовъ природы. Женщина рѣдко съ дикой необузданностью гоняется за отвлеченностями. Ея умъ любитъ обыкновенно относиться скорѣе къ отдѣльнымъ предметамъ, чѣмъ къ ихъ группамъ и, въ строгой связи съ этой особенностью, она способна болѣе понимать лицевую сторону людей, что заставляетъ ее, при всякомъ практическомъ проведеніи чего бы то ни было, прежде всего задаваться вопросомъ, какъ это подѣйствуетъ на извѣстныя лица. Благодаря этимъ двумъ чертамъ, она не можетъ питать большого довѣрія къ тѣмъ теоріямъ, которыя, выпуская изъ вида индивидуальныя существа, распоряжаются ими такъ, какъ если бы они существовали ради какого-то воображаемаго, идеальнаго бытія или ради фантасмагоріи ума, не переводимой на чувства единичныхъ существъ. Такимъ образомъ мысли женщинъ полезны, придавая реальную ясность идеямъ мыслителей-мужчинъ, тогда какъ мужской умъ сообщаетъ болѣе далекую и вольную ширь мыслямъ женщинъ. Но что касается глубины мыслей, въ отличіе ея отъ далекаго кругозора, то я сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ отношеніи женщины сколько нибудь проиграли сравнительно съ мужчинами.

Но если умственныя особенности женщинъ съ пользою помогаютъ даже теоретическимъ постройкамъ, то тѣмъ болѣе онѣ оказываются пригодными, когда теорія уже сдѣлала свое дѣло и когда приходится практически проводить добытые ею результаты. Женщины, по указаннымъ выше причинамъ, вообще менѣе склонны впадать въ обыкновенную ошибку мужчинъ—привязываться къ своимъ общимъ правиламъ даже въ такомъ случаѣ, когда, вслѣдствіе исключительныхъ условій, правила эти неприложимы или требуютъ особеннаго, спеціальнаго примѣненія. Теперь разсмотримъ другое изъ признанныхъ преимуществъ развитой женщины—большую быстроту соображенія. Не составляетъ ли оно именно того качества, которое по преимуществу требуется для практической дѣятельности? Въ сферѣ дѣйствія все постоянно зависитъ отъ быстраго рѣшенія, тогда какъ при теоретическихъ пріемахъ ничто не подчиняется этому условію. Теоретикъ-мыслитель можетъ ждать, можетъ располагать временемъ для изученія, можетъ собирать добавочныя свѣдѣнія. Онъ не обязанъ отстроивать свою философію сразу, если не представляется къ тому удобнаго случая. Въ философіи

можетъ оказаться не безполезнымъ даже первый, мало-мальски подручной выводъ изъ недостаточныхъ данныхъ, и часто построеніе предварительныхъ гипотезъ, согласныхъ со всѣми извѣстными фактами, служатъ необходимымъ фундаментомъ для послѣдующихъ изысканій. Подобная способность чуть ли не составляетъ главнаго условія въ области философіи; какъ для главныхъ, такъ и для побочныхъ своихъ операцій философъ можетъ отвести какое угодно время. Онъ не нуждается въ умѣньи производить свою работу быстро; ему скорѣе нужно терпѣніе, чтобы работать медленно и мѣрно, пока неясный свѣтъ не обозначится ярче, пока догадка не созрѣетъ до степени теоремы. Напротивъ, для того, кто имѣетъ дѣло съ мимолетной, скоропреходящей матеріей—съ отдѣльными фактами, а не разрядами ихъ — быстрота мысли, по важности, уступаетъ только силѣ этой мысли. Не имѣть въ самомъ жару дѣйствія своихъ способностей подъ своею непосредственною командой — тоже, что вовсе не имѣть ихъ. Такой человѣкъ можетъ только критически судить, но неспособенъ дѣйствовать. Въ этомъ отношеніи преимущество положительно находится на сторонѣ женщинъ и наиболѣе

сходныхъ съ ними мужчинъ. Мужчина другого сорта, при всемъ преобладаніи своихъ умственныхъ силъ, подчиняетъ ихъ своему господству медленно, шагъ за шагомъ: быстрота сужденія и скорость разумнаго исполненія, даже въ наиболѣе извѣстныхъ ему предметахъ, являются у него, какъ постепенный, заключительный результатъ настойчиваго усилія, обратившагося въ привычку.

Намъ, быть можетъ, замѣтятъ, что чрезмѣрная нервная воспріимчивость женщинъ не благопріятствуетъ ихъ практической дѣятельности внѣ предѣловъ домашняго очага, такъ какъ свойство это дѣлаетъ ихъ непостоянными, измѣнчивыми, слишкомъ горячо подпадающими вліянію данной минуты, неспособными къ упрямой настойчивости, къ холодному и увѣренному употребленію своихъ умственныхъ средствъ. Я полагаю, что именно въ такихъ фразахъ резюмируется значительная масса возраженій, выставляемыхъ противъ способности женщинъ въ высшему разряду серьозныхъ занятій. Но многое изъ всего сказаннаго свидѣтельствуетъ только объ избыткѣ нервной энергіи, требующей исхода, и потому подобныя явленія прекратились бы сами собою, если бы энер-

гія эта была направлена къ опредѣленной цѣли. Многое, также сознательно или безсознательно, является результатомъ жеманной дрессировки, какъ мы можемъ видѣть изъ того, что объ «истерикахъ» и обморокахъ уже почти нигдѣ не слышно, съ тѣхъ поръ какъ на эти припадки миновала мода. Притомъ же замѣтимъ, что очень многія женщины высшихъ классовъ воспитываются ни дать, ни взять, какъ тепличныя растенія (еще въ Англіи это дѣлается менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ), защищенныя отъ благотворныхъ измѣненій воздуха и температуры, вдали отъ тѣхъ занятій и трудовъ, которые сообщаютъ стимулъ и циркуляцію кровеносной и мышечной системамъ, тогда какъ нервная система женщинъ, особенно въ области сильныхъ ощущеній, поддерживается въ постоянномъ напряженномъ состояніи. При такомъ воспитаніи нѣтъ ничего удивительнаго, если тѣ изъ слабонервныхъ женщинъ, которыя не умираютъ отъ чахотки, оказываются раздражительными, склонными къ разстройствамъ отъ малѣйшихъ причинъ—внутреннихъ или внѣшнихъ—и не имѣютъ достаточной силы, чтобы довести до конца такой трудъ—будь онъ физическій или умственный—который требуетъ болѣе или

менѣе продолжительныхъ усилій. Но женщины, вынужденныя заработывать себѣ средства къ жизни, вовсе не выказываютъ этой болѣзненной дряблости, разумѣется, если только ихъ не мучатъ нескончаемой усидчивой работой въ затхлыхъ, нездоровыхъ комнатахъ. Женщины, съизмала участвовавшія въ бодромъ физическомъ воспитаніи и тѣлесной свободѣ своихъ братьевъ, достаточно поддерживаемыя въ своей послѣдующей жизни свѣжимъ воздухомъ и моціономъ, рѣдко страдаютъ такою раздражительностью нервовъ, которая была бы для нихъ препятствіемъ къ дѣловымъ заботамъ. Правда, въ обоихъ полахъ есть такія лица, у которыхъ сильная нервная раздражительность составляетъ особенность организаціи, и притомъ особенность эта проникнута такимъ рѣзкимъ характеромъ, что оказываетъ рѣшительное вліяніе на всѣ стороны жизненной дѣятельности. Подобно другимъ физическимъ особенностямъ, эта черта организаціи передается по наслѣдству и переходитъ какъ на дочерей, такъ и на сыновей; очень вѣроятно также, что женщины, наслѣдующія этотъ такъ называемый нервный темпераментъ, многочисленнѣе сравнительно съ подобными же мужчинами. Допустимъ, что

это фактъ, и затѣмъ спросимъ, развѣ мужчины съ нервнымъ темпераментомъ считаются неспособными для тѣхъ обязанностей и занятій, которыя обыкновенно поручаются мужчинамъ? Если нѣтъ, почему же отъ нихъ должны быть устранены женщины того же темперамента? Особенныя свойства темперамента, безъ всякаго сомнѣнія, служатъ препятствіемъ къ успѣшному отправленію нѣкоторыхъ спеціальностей, хотя въ другихъ, наоборотъ, оказываютъ еще большее содѣйствіе. Но если темпераментъ благопріятствуетъ занятію, иногда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ является въ этомъ отношеніи неудобствомъ, мы видимъ блистательные примѣры успѣшной дѣятельности, представляемые мужчинами съ наиболѣе сильно-развитой нервной впечатлительностью. При большей способности къ возбужденію, такіе люди отличаются въ практической дѣятельности отъ людей съ другими условіями физической организаціи тѣмъ, что силы ихъ, въ моменты сильнаго возбужденія, представляютъ большее несходство съ тѣми же силами, невышедшими изъ своего обыкновеннаго состоянія: тогда человѣкъ становится, такъ сказать, выше самаго себя и съ легкостью дѣлаетъ то, къ

чему во всякое другое время онъ чувствуетъ себя совершенно неспособнымъ. Но это сильное возбужденіе, если исключить людей съ слабосильной тѣлесной организаціей, является не какъ внезапный, быстропроходящій проблескъ, неоставляющій никакихъ прочныхъ слѣдовъ и совершенно непригодный для стойкаго преслѣдованія извѣстной цѣли. Нервный темпераментъ именно тѣмъ и характеризуется, что можетъ сообщать способность къ *хроническому* возбужденію, которое удерживается рядомъ продолжительныхъ усилій. Это-то и называется *восторженнымъ мужествомъ*. Оно побуждаетъ кровную скаковую лошадь бѣжать, не переводя духа, до окончательнаго, смертельнаго истощенія силъ; оно внушило изумительную энергію многимъ слабымъ женщинамъ не только на эшафотѣ, но и чрезъ длинный предварительный рядъ тѣлесныхъ и душевныхъ пытокъ. Очевидно, что люди съ подобнымъ темпераментомъ особенно пригодны для того, что можетъ быть названо исполнительной частью въ дѣлѣ руководства человѣчествомъ. Изъ нихъ выходятъ великіе ораторы, пропагандисты, восторженные правозвѣстники новыхъ эпохъ.

Темпераментъ этотъ можетъ быть названъ менѣе

благопріятнымъ для тѣхъ качествъ, которыя требуются отъ работающаго въ кабинетѣ государственнаго дѣятеля или отъ судьи. Такое заключеніе было бы совершенно вѣрно, если бы изъ сказаннаго о нервномъ темпераментѣ необходимо слѣдовало, что люди, способные къ сильному возбужденію, всегда будутъ приходить въ возбужденное состояніе. Но вѣдь это чисто вопросъ воспитанія. Сильное чувство служитъ орудіемъ и элементомъ къ сильному самообузданію: но оно должно быть воспитано въ этомъ направленіи. Въ этомъ случаѣ оно образуетъ не только героевъ импульса, но также и укротителей самихъ себя. Опытъ и исторія показываютъ, что самые страстные характеры относились съ наибольшей фанатической суровостью къ чувству долга, если ихъ странная натура была пріучена къ этому самоподавленію. Судья, произносящій справедливое рѣшеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ его чувства сильно заинтересованы одною изъ сторонъ, изъ той же самой силы чувства почерпаетъ твердое сознаніе долга и правосудія, то сознаніе, которое помогаетъ ему одержать побѣду надъ самимъ собою. Этотъ возвышенный энтузіазмъ, выводя человѣка изъ его обыденнаго характера, подвергаетъ самый э-

тотъ характеръ усиленной переработкѣ. Цѣли и стремленія, овладѣвающія человѣкомъ въ этомъ исключительномъ состояніи, становятся типомъ, къ которому онъ приравниваетъ и которымъ онъ оцѣниваетъ свои чувства и поступки всякаго другого времени. Его обычные житейскіе виды управляются и перестроиваются типомъ восторженнаго состоянія, хотя оно, по физической природѣ человѣка, имѣетъ только временный, переходный характеръ. Опытъ народовъ и отдѣльныхъ личностей нисколько не показываетъ намъ, чтобы люди съ впечатлительнымъ темпераментомъ были, въ среднемъ выводѣ, менѣе способны къ разумно-мыслительной или практической дѣятельности, чѣмъ менѣе страстныя существа.

Французы и италіянцы, безъ всякаго сомнѣнія, отъ природы болѣе склонны къ нервной страстности, чѣмъ тевтонскія племена, и обыденная, заурядная жизнь ихъ, по крайней мѣрѣ по сравненію съ англичанами, представляетъ несравненно болѣе поводовъ къ сильнымъ душевнымъ волненіямъ; но развѣ народы эти менѣе ознаменовали себя въ области науки, въ общественной дѣятельности, въ сферѣ легальнаго права или на военномъ поприщѣ? Мы имѣемъ осно-

ванія заключать, что древніе греки, подобно своимъ потомкамъ и преемникамъ, были однимъ изъ самыхъ страстныхъ народовъ въ средѣ человѣчества. Безполезно спрашивать, въ какой отрасли человѣческаго прогресса они не были мастерами. Римляне — также южная нація — по всей вѣроятности были первоначально одарены тѣмъ же темпераментомъ. Но суровый характеръ ихъ національнаго быта, напоминающаго Спарту, сдѣлалъ ихъ образцомъ противоположнаго народнаго типа: великая сила ихъ естественныхъ чувствъ высказывается именно въ томъ упорствѣ, какое первоначальный темпераментъ націи умѣлъ сообщить ея искуственнымъ понятіямъ. Если указанія эти поясняютъ, что можно сдѣлать съ страстнымъ отъ природы народомъ, то ирландскіе кельты служатъ наиболѣе краснорѣчивымъ примѣромъ того, чѣмъ можетъ сдѣлаться подобный народъ, предоставленный самому себѣ (если только можно назвать предоставленный самому себѣ такой народъ, который впродолженіи многихъ столѣтій находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ дурного управленія и былъ воспитанъ католическою іерархіею въ искреннемъ почитаніи католическихъ вѣрованій). Итакъ, ирландскій характеръ долженъ считаться очень неблагопріятнымъ условіемъ. И однако когда отдѣльныя личности были обставлены мало-мальски благопріятными шансами, какой народъ обнаружилъ болѣе горячую способность къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ личной дѣловой годности? Подобно тому, какъ французовъ, безъ всякаго для нихъ ущерба, можно сравнивать съ англичанами, ирландцевъ съ швейцарцами, грековъ или италіянцевъ съ германскими племенами,— также точно и женщины, по сравненію съ мужчинами, будутъ найдены, въ среднемъ выводѣ, способными къ тѣмъ же занятіямъ, только при неодинаковой степени умѣнья въ томъ или другомъ частномъ дѣлѣ. Но что женщины были бы одинаково способны ко всему вообще, если бы воспитаніе ихъ задалось цѣлію не увеличивать, а исправлять недостатки, порождаемые ихъ темпераментомъ—я не вижу ни малѣйшаго повода въ этомъ сомнѣваться.

Предположимъ однако, что женскіе умы и въ самомъ дѣлѣ измѣнчивѣе, подвижнѣе мужскихъ отъ природы, менѣе способны выдерживать одно и тоже продолжительное усиліе, склонны болѣе разбивать способности между многими частными предметами,

чѣмъ въ цѣломъ составѣ идти по одному пути къ высочайшей точкѣ, какая можетъ быть достигнута: все это можетъ быть справедливо въ примѣненіи къ женщинамъ, какими мы знаемъ ихъ теперь (хотя не безъ полновѣсныхъ и многочисленныхъ исключеній), и все это только показываетъ, что женщины остались позади первоклассныхъ умственныхъ силачей-мужчинъ именно въ тѣхъ предметахъ, гдѣ наиболѣе требуется, повидимому, такое поглощеніе ума однимъ родомъ идей и занятій. При всемъ томъ здѣсь различіе заключается только въ родѣ умственной энергіи, а не въ самой этой энергіи и не въ практической ея важности, и нужно еще доказать, дѣйствительно ли эта исключительная работа одной мозговой области, поглощеніе мыслящей способности однимъ предметомъ, сосредоточеніе ея на одномъ дѣлѣ—составляютъ нормальное и здоровое положеніе умственныхъ силъ даже при теоретическихъ задачахъ. На мой взглядъ, то, что выигрывается такимъ сосредоточеніемъ въ частномъ случаѣ, теряется въ пригодности ума для другихъ цѣлей жизни. Я положительно думаю, что даже въ области отвлеченной мысли умъ несравненно больше сдѣлаетъ, часто возвращаясь

къ трудной задачѣ, чѣмъ не отрываясь отъ нея ни на минуту. Во всякомъ случаѣ для практическихъ цѣлей—отъ высшей до низшей ихъ области—всего полезнѣе способность быстро переходить отъ одного изучаемаго предмета къ другому, не выпуская ни одного изъ нихъ изъ вида, — а этой способностью женщины обладаютъ по преимуществу въ силу той самой измѣнчивости, которою ихъ попрекаютъ. Быть можетъ, способность эту онѣ получаютъ отъ природы, но развиваютъ въ себѣ дрессировкой и воспитаніемъ. Вѣдь почти всѣ занятія женщинъ слагаются изъ многаго множества мелкихъ заботъ, на каждой изъ которыхъ умъ не можетъ остановиться даже на одну минуту, но долженъ переходить къ другимъ мелкимъ заботишкамъ; если же что нибудь требуетъ болѣе обстоятельнаго раздумья, то для того нужно красть время у своихъ досужихъ минутъ. Въ самомъ дѣлѣ, было замѣчено часто, что женщины обладаютъ способностью раздумывать при такихъ обстоятельствахъ и въ такое время, когда мужчина вообще отказался бы отъ всякой къ тому попытки. Хотя женскій умъ отданъ только мелочнымъ заботамъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ оставаться въ праздномъ

бездѣйствіи, какъ это часто бываетъ съ головою мужчины, когда онъ свалитъ съ себя то, что привыкъ считать дѣловою обузою своей жизни. Женщина же хлопочетъ о чемъ ни попало, и хлопоты эти могутъ продолжаться до совершеннаго упадка ихъ силъ.

Но намъ говорятъ еще, якобы анатомія свидѣтельствуетъ о неизбѣжномъ умственномъ превосходствѣ мужчинъ надъ женщинами; мужчина, молъ надѣленъ бо́льшимъ количествомъ головного мозга. Я отвѣчаю, что, во-первыхъ, самый фактъ этотъ еще подлежитъ сомнѣнію. Никто не потрудился доказать, чтобы у женщины мозговъ было меньше, чѣмъ у мужчины. Заключеніе же это сдѣлано только изъ того, что тѣлесныя формы женщины, по сравненію съ мужчиною, представляютъ вообще меньшій масштабъ; но вѣдь такой критическій методъ можетъ привести къ весьма страннымъ выводамъ Рослый, плечистый дѣтина долженъ, на этомъ основаніи, неизмѣримо превосходить по уму приземистаго человѣчка, а слонъ или китъ непремѣнно должны быть не въ примѣръ умнѣе нашей человѣческой породы. Величина мозга, по сказанію самихъ анатомистовъ, измѣняется несравненно менѣе, чѣмъ размѣры туловища или даже головы, и

первую величину нельзя выводить на основаніи вторыхъ данныхъ. Нѣкоторыя женщины, какъ это положительно изслѣдовано, по количеству мозга ни въ чемъ не уступаютъ любому мужчинѣ. Мнѣ извѣстны, напр., показанія одного ученаго, который, перевѣсивъ на своемъ вѣку много человѣческихъ мозговъ, нашелъ, что самый тяжелый принадлежалъ одной женщинѣ, не исключая мозга Кювье (до сихъ поръ считавшагося самымъ тяжелымъ). Затѣмъ я долженъ замѣтить, что точное отношеніе между мозговой массою и интеллектуальной силой еще не обслѣдовано съ несомнѣнностью и составляетъ пока весьма спорный вопросъ. Что близкое соотношеніе здѣсь, дѣйствительно, существуетъ — въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться. Головной мозгъ служитъ матеріальнымъ органомъ мысли и чувства. Не касаясь великаго спорнаго вопроса относительно соотвѣтствія различныхъ частей мозга различнымъ умственнымъ способностямъ, замѣчу только, что было бы аномаліей и неключеніемъ во всемъ, что намъ извѣстно о главнѣйшихъ законахъ жизни и организаціи, если бы большій запасъ силы не обусловливался большимъ

масштабомъ орудія. Но исключеніе и аномалія не изчезли бы и въ томъ случаѣ, если бы органъ оказывалъ вліяніе *только* одной своей величиною. Въ болѣе деликатныхъ операціяхъ природы—гдѣ самый нѣжный механизмъ управляетъ явленіями живого міра, въ которомъ феномены нервной системы достигаютъ наибольшей тонкости—различія дѣйствія также зависятъ отъ количества физическихъ средствъ, какъ и отъ ихъ качества. Если же о качествѣ инструмента надо судить по отчетливости и тонкости производимой имъ работы, то слѣдуетъ заключить, что головной мозгъ и нервная система у женщинъ, въ среднемъ выводѣ, представляютъ болѣе нѣжное устройство, чѣмъ у мужчинъ. Но оставляя въ сторонѣ отвлеченныя различія въ качествѣ—что весьма трудно повѣрить опытомъ—мы знаемъ, что годность органа зависитъ не только отъ его величины, но и отъ дѣятельности, о которой мы можемъ судить приблизительно по той энергіи, съ какою кровь обращается въ органѣ, такъ какъ стимулъ и обновляющая сила приносятся кровообращеніемъ. Итакъ, не было бы ничего удивительнаго, если бы на сторонѣ мужчинъ преимущество заключалось вообще въ величинѣ мозга, а на сторонѣ женщинъ—въ большей энергіи головного кровообращенія.

Такая гипотеза какъ нельзя лучше гармонируетъ съ дѣйствительно-замѣчаемыми различіями въ умственныхъ отправленіяхъ обоихъ половъ. Указанное различіе въ организаціи должно, по аналогіи, заставить насъ ожидать такихъ результатовъ, которые бы совпадали со многими изъ наиболѣе извѣстныхъ намъ явленій въ дѣйствительности. Во-первыхъ, умственныя отправленія мужчинъ должны были бы происходить медленнѣе. Мужчины должны бы были уступать женщинамъ въ быстротѣ мышленія и въ живости чувства. Большія тѣла позднѣе приходятъ въ полное дѣйствіе. Съ другой стороны, разъ ухватившись за дѣло, мужской мозгъ вынесъ бы большую массу труда, тверже держался бы перваго избраннаго пути, съ меньшей легкостью перескакивалъ бы отъ одного способа дѣйствія къ другому, но, овладѣвъ какимъ нибудь однимъ предметомъ, развивалъ бы его далѣе безъ потери стойкости, безъ чувства утомленія. И развѣ мы на самомъ дѣлѣ не видимъ, что мужчины берутъ верхъ надъ женщинами именно въ тѣхъ спеціальностяхъ, которыя требуютъ

хлопотливаго изысканія, продолжительной обработки какой нибудь одной мысли, тогда какъ женщинамъ сподручнѣе дѣлать то, что должно кипѣть и спориться въ рукахъ работающаго? Женскій умъ скорѣе чувствуетъ усталость, скорѣе истощается, но при одинаковой степени истощенія онъ также скорѣе запасается новыми силами. Повторяю, что все это — только одна гипотеза, имѣющая въ виду возбудить изысканія по этому предмету. Еще прежде я рѣшительно протестовалъ противъ всякаго мнѣнія о томъ, будто намъ извѣстно какое нибудь различіе въ силѣ или направленіи умственныхъ способностей обоихъ половъ въ общемъ выводѣ, уже не говоря о самомъ характерѣ различія. Это положительно не могло быть намъ извѣстно, такъ какъ до сихъ поръ психологическіе законы образованія характеровъ, даже въ общемъ духѣ, изучались крайне недостаточно и никогда не примѣнялись научнымъ путемъ къ тому или другому данному случаю. Мало того, самыя очевидныя внѣшнія причины, производящія различія въ характерахъ, обыкновенно выпускаются изъ вида наблюдателемъ и съ какимъ-то тупымъ презрѣніемъ бракуются книжниками естественной исторіи и ум-

ственной философіи: даже и отыскивая источникъ всего того, что главнѣйшимъ образомъ разъединяетъ человѣческія существа одно отъ другого, въ области духа или фактовъ, эти господа, какъ водится, всею стаею накидываются на тѣхъ, кто предпочитаетъ объяснять различія эти несходными отношеніями людей къ обществу и жизни.

Всѣ понятія о женской натурѣ носятъ характеръ эмпирическихъ обобщеній, построенныхъ безъ всякой философіи или анализа, и это порождаетъ въ высшей степени забавную нескладицу народныхъ представленій о женской природѣ въ различныхъ странахъ, смотря по тому спеціальному развитію или забитости, которыми надѣляютъ женщинъ извѣстной страны, благодаря мѣстнымъ условіямъ и общимъ мнѣніямъ. Азіятъ считаетъ женщинъ отъ природы очень похотливыми; полюбуйтесь, какъ потѣшаются надъ ними въ этомъ отношеніи литературные памятники индусовъ. Англичанинъ обыкновенно думаетъ, что женщины по своей природѣ холодны. Всѣ ходячія изрѣченія о женскомъ непостоянствѣ, по большей части, принадлежатъ французамъ, въ томъ числѣ и знаменитое двустишіе

Франциска Перваго. *) Въ Англіи же, наоборотъ, пріурочилось общее замѣчаніе, что женщины несравненно постояннѣе мужчинъ. Въ Англіи непостоянство считалось для женщины безчестнымъ втеченіи болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ во Франціи, и притомъ англичанки, по самому своему характеру, болѣе покоряются общественному мнѣнію. Замѣтимъ мимоходомъ, что англичане вообще обставлены особенно-неблагопріятными условіями, принимаясь судить о томъ, что естественно или неестественно не только въ женщинахъ, но въ самихъ мужчинахъ или въ людяхъ вообще, по крайней мѣрѣ, если сужденіе это опирается только на явленія мѣстнаго англійскаго быта. Нигдѣ человѣческая природа не сохранила такъ мало своихъ оригинальныхъ особенностей. Англичане болѣе всякаго другого изъ современныхъ народовъ удалились отъ природнаго состоянія, — въ хорошемъ и дурномъ значеніи этой мысли. По сравненію съ другими націями, они—болѣе продуктъ цивилизаціи и дисциплины. Въ Англіи общественная дисциплина съ наибольшимъ успѣхомъ умѣла не то что побѣдить,

*) Souvent femme varie.
Bien fol est qui s'yfie.

а скорѣе запретить, изгнать все, что приходило съ нею въ столкновеніе. Англичане, болѣе, чѣмъ всякій другой народъ, не только дѣйствуютъ, но и чувствуютъ по правиламъ. Въ другихъ странахъ заученное мнѣніе или требованіе общества можетъ обладать значительной силою, но личная натура всегда пробивается изъ подъ нея довольно очевидно и часто оказываетъ ей сопротивленіе: правило можетъ быть сильнѣе натуры, но самая натура все-таки тутъ, какъ тутъ. Въ Англіи правило, въ значительной степени, вытѣснило собою природу. Большая часть жизни проходитъ тамъ не въ согласіи съ наклонностью, подъ контролемъ правила, но въ отрицаніи всякой другой наклонности, кромѣ подчиненія правилу. Это имѣетъ, конечно, свою хорошую сторону, хотя не обходится безъ чрезвычайно дурной. Но въ результатѣ является то, что англичанинъ утрачиваетъ способность судить, на основаніи своего собственнаго опыта, объ оригинальныхъ побужденіяхъ человѣческой природы. Другіе наблюдатели этого предмета впадаютъ въ ошибки иного рода. По отношенію къ человѣческой природѣ англичанинъ многаго не знаетъ, французъ является съ предубѣжденія-

ми. Ошибки англичанина имѣютъ отрицательный характеръ, у француза онѣ — положительныя ошибки. Англичанину кажется, что такіе-то и такіе предметы не существуютъ, потому что онъ никогда не видитъ ихъ самъ; французъ полагаетъ, что они всегда и неизбѣжно должны существовать, потому что онъ видитъ ихъ передъ глазами. Англичанинъ не знаетъ природы, потому что нигдѣ не имѣетъ случая изучать ее; французу извѣстно обыкновенно многое въ этомъ отношеніи, но онъ часто заблуждается, потому что наблюдаетъ природу только въ искаженномъ и натянутомъ видѣ. Искуственное состояніе, навязываемое обществомъ, скрываетъ естественныя стремленія наблюдаемаго предмета двумя способами: истребляя природу или переработывая ее Въ первомъ случаѣ для изученія остается только жалкій клочокъ истерзанной природы, во второмъ — остается много, но это многое сложилось не въ томъ направленіи, которое способствуетъ самобытному росту силы.

Я уже сказалъ, что въ настоящее время пока нельзя знать, какія изъ замѣчаемыхъ умственныхъ различій между мужчинами и женщинами естественны, какія искуственны, существуютъ ли вообще ка-

кія бы то ни было естественныя различія и въ какомъ видѣ представился бы природный характеръ, если удалить всѣ искуственныя причины несходства. Не стану пробовать дѣлать то, что самъ же я назвалъ невозможнымъ; но сомнѣніе не отстраняетъ гипотезы, и тамъ, гдѣ достовѣрность недостижима, можно все-таки дойти до извѣстной степени вѣроятности. Первоначальное происхожденіе замѣчаемыхъ въ дѣйствительности различій наиболѣе доступно общимъ выводамъ; я постараюсь подойти къ нему единственнымъ путемъ, которымъ цѣль эта можетъ быть достигнута — чрезъ открытіе умственныхъ послѣдствій, порождаемыхъ внѣшними вліяніями. Мы не можемъ отдѣлять человѣка отъ обстоятельствъ его положенія, чтобы на практикѣ изслѣдовать, чѣмъ онъ могъ бы быть по своей природѣ, но мы можемъ разсматривать, каковъ онъ въ дѣйствительности, каковы были его обстоятельства и могли ли они привести его къ той или другой цѣли.

Итакъ, возьмемъ единственный сколько нибудь замѣтный случай, въ которомъ проявляется видимое преимущество мужчинъ надъ женщинами, разумѣется, если исключить чисто физическій перевѣсъ тѣлес-

ной силы. Никакое первоклассное произведеніе въ области философіи, науки или искуства не было результатомъ женскаго труда. Можно ли объяснить эту странность, не прибѣгая къ предположенію, что женщины отъ природы неспособны къ этого рода дѣятельности?

Во-первыхъ, мы имѣемъ полное право спросить, даетъ ли опытъ какія нибудь достаточныя основанія для общаго вывода. За весьма рѣдкими исключеніями, едва ли можно насчитать и три поколѣнія, втеченіи которыхъ женщины стали пробовать свои силы въ философіи, наукѣ или искуствѣ. Только въ настоящемъ поколѣніи попытки эти сдѣлались нѣсколько значительными, да и то онѣ вездѣ еще считаются за большую рѣдкость, кромѣ развѣ Англіи и Франціи. Тутъ еще представляется вопросъ, могли ли женщины, способныя къ такому труду по своимъ вкусамъ и личному положенію, пріобрѣсти силы для высшаго научнаго совершенства или для творческаго искуства втеченіи этого непродолжительнаго времени. За исключеніемъ самыхъ высшихъ сферъ мысли, женщины имѣли полнѣйшій успѣхъ во всѣхъ предметахъ, для упражненія которыхъ у нихъ

было время, особенно же въ литературѣ (какъ прозаической, такъ и поэтической), такъ какъ ею онѣ стали заниматься съ наиболѣе давней эпохи. Въ этомъ отношеніи онѣ стяжали такіе лавры, какихъ только можно было ожидать по времени и по числу конкурентовъ. Если мы обратимся къ древнимъ временамъ, когда немногія женщины выступали на это поприще, то и тамъ найдемъ хотя и рѣдкіе, но замѣчательные примѣры успѣха. Греки постоянно считали Сафо между поэтами первой величины, и мы можемъ полагать, что Миртиса—наставница Пиндара, и Коринна, получившая отъ него пять разъ поэтическій лавръ, должны были, по крайней мѣрѣ, обладать немалымъ достоинствомъ, чтобы быть поставленными рядомъ съ этимъ великимъ именемъ. Аспазія не оставила философскихъ сочиненій, но всѣ признаютъ тотъ фактъ, что Сократъ обращался къ ней за наставленіемъ, да и самъ философъ заявлялъ, что оно было для него полезно.

Если мы будемъ сравнивать труды новѣйшихъ женщинъ съ произведеніями ихъ современниковъ мужчинъ, въ области литературы или искуства, то увидимъ, что трудъ женщинъ представляетъ главнѣй-

шимъ образомъ одну, правда существенно-слабую сторону—недостатокъ оригинальности. Мы не говоримъ—отсутствія ея, потому что всякое умственное произведеніе съ сколько нибудь самостоятельнымъ характеромъ всегда имѣетъ свою собственную оригинальность, какъ работа самаго ума, а не какъ копія съ чего нибудь чужого. Сочиненія женщинъ изобилуютъ оригинальными мыслями, то есть незаимствованными, возникшими изъ наблюденій самаго мыслителя или изъ его умственныхъ процессовъ. Но женщины до сихъ поръ не создали ни одной изъ тѣхъ великихъ, блестящихъ новыхъ идей, которыя образуютъ эру въ исторіи мысли, не вызвали въ искуствѣ ни одного фундаментально-новаго понятія, которое открываетъ прежде невѣдомую ширь эффектовъ и закладываетъ основаніе новой школы. Всѣ произведенія женщинъ главнѣйшимъ образомъ опираются на уже имѣющійся подъ руками капиталъ мысли и боятся уклониться далеко отъ существующихъ типовъ. Вотъ все, въ чемъ женщины слабѣе мужчинъ по своимъ умственнымъ произведеніямъ; но по части исполненія обстоятельнаго приложенія мысли и статистической обработки, онѣ ни въ чемъ не уступаютъ другому по-

лу. Наши (англійскіе) лучшіе беллетристы, съ точки зрѣнія литературной композиціи и развитія подробностей, были преимущественно женщины. Во всей современной литературѣ нельзя найти болѣе краснорѣчиваго воплощенія мысли, чѣмъ слогъ г-жи Сталь, а по части безукоризненно-изящной отдѣлки ничто не можетъ сравниться съ прозою г-жи Зандъ, которой слогъ дѣйствуетъ на нервную систему, какъ симфонія Гайдна или Моцарта. Высшей умственной оригинальности — вотъ чего, какъ я сказалъ, недостаетъ произведеніямъ женскаго интеллекта Посмотримъ, нельзя ли найти этому недостатку какого нибудь удовлетворительнаго объясненія. Вспомнимъ, что отъ сотворенія міра и отъ перваго начала цивилизаціи женщины были оставлены въ положительномъ пренебреженіи относительно самобытной обработки мыслей, и это продолжалось втеченіи всего времени, когда великія и плодотворныя новыя идеи могли быть открываемы одною силою генія, безъ всякой опоры предварительной науки, безъ собиранія свѣдѣній. Отъ дней Гипатіи до реформаціи знаменитая Элоиза была чуть ли не единственною женщиной, которой было возможно подобное развитіе, и мы еще

не знаемъ, какой великой умственной силы лишилось человѣчество, благодаря несчастіямъ ея жизни. Съ тѣхъ поръ женщины, въ ихъ массѣ, никогда не хлопотали о серьозной обработкѣ мысли, такъ какъ оригинальность сдѣлалась возможною при болѣе легкихъ условіяхъ. Почти всѣ идеи, дающіяся только одной силѣ оригинальнаго ума, были давнымъ давно достигнуты, и теперь оригинальность, въ серьозномъ смыслѣ этого слова, едва ли возможна для какого бы то ни было ума, не выработаннаго строгой дисциплиной и не вооруженнаго всѣми результатами предшествующаго знанія. Если не ошибаюсь, г. Морису принадлежитъ то замѣчаніе о настоящемъ вѣкѣ, что наиболѣе оригинальные мыслители—тѣ, которые всѣхъ лучше ознакомились съ мыслительной дѣятельностью своихъ предшественниковъ — и такъ всегда будетъ продолжаться и послѣ насъ. Въ наше время каждый новый камень долженъ быть положенъ сверху многихъ другихъ, изъ которыхъ воздвигается зданіе, и кто желаетъ имѣть долю въ работѣ своего времени, тотъ долженъ взобраться на верхъ чрезъ всю возведенную постройку и запастись достаточнымъ матеріаломъ. А много ли мы знаемъ женщинъ, которыя

могли бы пройти чрезъ весь этотъ процессъ? Г-жа Соммервиль, быть можетъ, единственная женщина, знающая изъ математики столько, сколько въ наше время нужно для мало-мальски значительнаго математическаго открытія; но можемъ ли мы укорять всѣхъ женщинъ бабьей неумѣлостью, если онѣ въ свое время не принадлежали къ тѣмъ двумъ или тремъ геніямъ, которыхъ имена неразлучны съ какимъ нибудь поразительнымъ прогрессомъ науки? Съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія была возведена на степень науки, двѣ женщины ознакомились съ нею настолько, что могли съ пользою писать объ этомъ предметѣ; но изъ безчисленнаго множества мужчинъ, писавшихъ о томъ же въ теченіи одинаковаго времени, много ли наберется такихъ, о которыхъ съ строгой справедливостью можно сказать больше? Если ни одна женщина до сихъ поръ не была великимъ историкомъ, то какая же женщина обладала необходимою для того эрудиціею? Если между женщинами не было великаго филолога, — то какую женщину учили санскриту, славянскому языку, готскому по Ульфилѣ и персидскому по Зендавестѣ? Мы знаемъ, даже въ сферѣ практическихъ предметовъ, что значитъ ори-

гинальность неученыхъ геніевъ. Это значитъ — въ другой разъ выдумывать въ самыхъ начальныхъ формахъ то, что давнымъ давно было уже изобрѣтено и улучшено цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ дѣятелей. Если бы женщины до сихъ поръ имѣли ту подготовку, которая позволяетъ мужчинамъ достигать высшей оригинальности, то теперь можно было бы уже судить путемъ опыта о женской способности къ оригинальному развитію.

Часто однакожъ случается, что тотъ или другой человѣкъ, не слишкомъ тщательно и обширно изучавшій мысли другихъ объ извѣстномъ предметѣ, вслѣдствіе природной проницательности, приходитъ самъ къ счастливымъ заключеніямъ, которыя можетъ только передать бездоказательно. Такія вѣрно-угаданныя мысли, въ ихъ созрѣвшемъ состояніи, могутъ быть важнымъ подспорьемъ къ знанію. Но даже и въ этомъ случаѣ судить о нихъ невозможно до тѣхъ поръ, пока другой, вооруженный добытыми прежде свѣдѣніями, не возьметъ этихъ мыслей въ свое распоряженіе, не провѣритъ ихъ, не сообщитъ имъ научной или практической формы, чтобы такимъ образомъ указать имъ ихъ настоящее мѣсто въ ряду уже существующихъ истинъ философіи или науки. Можно ли сомнѣваться, что подобныя счастливыя мысли навертываются женщинамъ? Нѣтъ, онѣ цѣлыми сотнями осаждаютъ женскій интеллектъ. Но дѣло-то въ томъ, что онѣ безплодно пропадаютъ въ большинствѣ случаевъ за неимѣніемъ мужа или друга съ запасомъ другихъ свѣдѣній, которыя бы помогли женскому интеллекту вѣрно оцѣнить угаданныя мысли и предложить ихъ людскому свѣту. Но даже когда онѣ оповѣщены, все-таки обыкновенно идеи эти, по внѣшности, принадлежатъ ему, а не настоящему автору. Сколько между самыми оригинальными мыслями писателей-мужчинъ можно найти такихъ, которыя, по праву преемства, принадлежатъ женщинамъ, и были только ими провѣрены и подвергнуты обработкѣ? Очень большой процентъ, если только я могу судить по моему собственному опыту.

Переходя отъ чисто-теоретическихъ соображеній къ литературѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, къ изящнымъ искуствамъ, мы встрѣчаемся съ очевидной причиной, почему женская литература, по общему тону и въ главныхъ чертахъ, является подражаніемъ мужской

дѣятельности. Почему римская литература, въ чемъ единогласно увѣряютъ критики, не была оригинальна, но извѣстна, какъ подражаніе греческой? Да просто потому, что греки работали ранѣе. Если бы женщины жили врозь отъ мужчинъ, въ совершенно отдѣльной странѣ, тогда онѣ создали бы свою самостоятельную литературу. А теперь онѣ объ этомъ не позаботились, потому что застали уже довольно развитую готовую литературу. Если бы древняя образованность продолжалась безъ перерыва или если бы возрожденіе наукъ случилось до постройки готическихъ храмовъ, то они никогда и не были бы построены. Мы видимъ, что во Франціи и Италіи подражаніе древней классической литературѣ пріостановило самобытное развитіе даже послѣ того, какъ оно уже началось.

Всѣ пишущія женщины — ученицы великихъ писателей-мужчинъ. Раннія попытки художника — будь онъ самъ Рафаэль — по стилю совершенно неразлучны отъ картинъ его наставника. Даже въ первыхъ произведеніяхъ Моцарта напрасно бы мы стали искать его могучей самобытности. Что годы для даровитаго человѣка, то поколѣнія для массы. Если женская литература, по сравненію съ мужской, предназначена имѣть совершенно иной коллективный характеръ, обусловливаемый различіемъ естественныхъ стремленій, то прошло еще очень мало времени для того, чтобы она успѣла эмансипироваться отъ вліянія принятыхъ образцовъ и руководиться своими собственными мотивами. Но я полагаю, что ничто не доказываетъ, чтобы женщины были движимы какими нибудь общими естественными побужденіями, отличающими женскій геній отъ мужского. Каждый авторъ между ними имѣетъ свои индивидуальныя стремленія, все еще подавляемыя теперь вліяніемъ примѣра и предшествующаго направленія. Если же это дѣйствительно такъ, то пройдутъ еще многія поколѣнія, прежде чѣмъ ихъ индивидуальная самобытность будетъ достаточно развита для того, чтобы противиться указанному вліянію.

Въ такъ называемыхъ изящныхъ искуствахъ (въ ихъ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ) женская неоригинальность и неумѣлость, повидимому, наиболѣе бросаются въ глаза. Общественное мнѣніе не только не запрещаетъ женщинамъ этихъ занятій, но скорѣе поощряетъ ихъ, и воспитаніе, мало того, что не пре-

небрегаетъ этой областью, но даже съ особенной любовью поглощается ею въ богатыхъ классахъ. А между тѣмъ по этой части женщины еще далѣе отстаютъ отъ блестящаго мужского прогресса, чѣмъ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Однако эта отсталость весьма легко объясняется простымъ фактомъ, особенно справедливымъ въ примѣненіи къ изящнымъ искуствамъ вообще, — именно неизмѣримымъ превосходствомъ настоящихъ знатоковъ дѣла надъ любителями. Въ образованныхъ классахъ женщинъ почти всегда обучаютъ той или другой области изящныхъ искуствъ, но вовсе не для того, чтобы онѣ могли добывать средства къ существованію этой профессіей или, благодаря ей, достигать общественной извѣстности. Женщины-артистки—всѣ любительницы. Самыя исключенія въ этомъ случаѣ только подтверждаютъ истину общаго замѣчанія. Женщинъ учатъ музыкѣ, но только для ея исполненія, а не для музыкальной композиціи. Сообразно съ этимъ, если мужчины въ музыкѣ и берутъ верхъ надъ женщинами, то именно только какъ композиторы. Только одному сценическому искуству женщины, до нѣкоторой степени, посвящаютъ себя, какъ избранной профессіи, какъ спеціальному

занятію всей жизни. И въ этомъ отношеніи онѣ, какъ признано всѣми, стоятъ совершенно наравнѣ съ мужчинами, если только не выше ихъ. Чтобы не нарушить справедливости, нужно сравнивать произведенія женщинъ, въ какой бы то ни было отрасли искуства, съ успѣхами тѣхъ мужчинъ, которые не дѣлаютъ изъ этого занятія свою настоящую профессію. Напримѣръ, по части музыкальной композиціи женщины ознаменовали себя такими же успѣхами, какъ и диллетанты-мужчины. Въ наше время очень немногія женщины избираютъ своей спеціальностью живопись, но эти немногія начинаютъ обнаруживать такой талантъ, какого мы только могли отъ нихъ ожидать. Втеченіи послѣднихъ вѣковъ даже мужчины-художники не стяжали особенно блестящей славы (не во гнѣвъ будь сказано мистеру Роскину), и мы дождемся этого отъ нихъ очень нескоро. Если прежніе художники стоятъ неизмѣримо выше новѣйшихъ, то причина этого явленія заключается въ томъ, что-прежде искуству посвящали себя люди высшаго умственнаго разбора. Италіянскіе художники четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ были самые просвѣщенные люди своего времени. Величайшіе изъ нихъ, подоб-

но даровитымъ дѣятелямъ Греціи, достигли энциклопедическаго умственнаго и научнаго развитія. Но въ ихъ время изящныя искуства, по понятіямъ и взглядамъ общества, причислялись къ самымъ возвышеннымъ предметамъ, въ которыхъ человѣкъ можетъ совершенствоваться. Они дѣлали людей друзьями монарховъ, приравнивали художниковъ къ самой блестящей знати, словомъ, доставляли то, что теперь достается только политическими или военными подвигами. Въ наше время люди подобныхъ достоинствъ находятъ болѣе важныя спеціальности, чѣмъ живопись, для пріобрѣтенія славы и положенія въ современномъ свѣтѣ, и только по временамъ искуству отдается какой нибудь Рейнольдсъ или Турнеръ (объ относительномъ положеніи которыхъ между великими талантами я вовсе рѣшать не намѣренъ). Совсѣмъ иной характеръ представляетъ музыка. Она не требуетъ такого же развитія умственной силы, но, повидимому, болѣе зависитъ отъ природнаго дарованія, и слѣдовательно насъ можетъ удивлять то обстоятельство, что между великими композиторами не было ни одной женщины. Но для великихъ произведеній музыкальнаго творчества это природное произведеніе также нуждается въ научной обработкѣ и въ спеціальномъ занятіи искуствомъ.

Единственныя страны, бывшія отечествомъ первоклассныхъ композиторовъ даже мужескаго пола, — это Германія и Италія, то есть тѣ именно страны, гдѣ женщины какъ въ общемъ, такъ и въ спеціальномъ образованіи остаются гораздо далѣе позади, чѣмъ во Франціи и Англіи, потому что—говоря безъ всякаго преувеличенья — воспитываются чрезвычайно скудно и не удостоиваются развитія никакой изъ высшихъ способностей ума. Въ тѣхъ странахъ мужчины, ознакомившіеся съ законами музыкальной композиціи, насчитываются сотнями или, еще вѣроятнѣе, тысячами, тогда какъ женщины едва только десятками. Здѣсь также мы не можемъ съ достаточнымъ основаніемъ насчитывать и одной вполнѣ талантливой женщины на пятьдесятъ такихъ мужчинъ, тогда какъ три послѣднія столѣтія не произвели ни въ Германіи, ни въ Италіи даже пятидесяти геніальныхъ композиторовъ.

Кромѣ сказаннаго выше, есть еще и другія причины для объясненія, почему женщины остаются позади мужчинъ даже въ тѣхъ занятіяхъ, которыя свободно предоставлены обоимъ поламъ. Во-первыхъ,

очень немногія женщины располагаютъ нужнымъ для того временемъ. Такое замѣчаніе, на первый взглядъ, можетъ показаться парадоксомъ, а между тѣмъ — это несомнѣнный соціальный фактъ. Мысли и время женщинъ прежде всего поглощаются самыми настоятельными требованіями практической жизни. Уходъ за семьею и домашнія хозяйственныя работы занимаютъ, по крайней мѣрѣ, одну женщину въ каждомъ семействѣ, обыкновенно созрѣвшую въ лѣтахъ и обладающую опытомъ, если только семья не настолько богата, чтобы возложить заботы эти на наемныхъ лицъ и подвергнуться всѣмъ матеріальнымъ неудобствамъ такой системы хозяйничанья. Веденіе домашняго хозяйства, какъ бы оно ни было нетрудно въ другихъ отношеніяхъ, въ высшей степени обременительно для мыслей; оно требуетъ постояннаго надзора, недремлющаго глаза, отъ котораго не ускользаетъ ни одна мелкая подробность, оно представляетъ въ каждый часъ дня предвидѣнные и непредвидѣнные вопросы, отъ которыхъ отвѣтственное лицо рѣшительно не можетъ увернуться. Если заботы эти въ нѣкоторой мѣрѣ и облегчаются для женщины, благодаря ея положенію и внѣшнимъ обстоятельствамъ, то тѣмъ не менѣе она должна, какъ представительница всего семейства, вести всѣ его сношенія съ другими — съ тѣмъ, что называется обществомъ, и чѣмъ легче становятся для нея прежнія обязанности, тѣмъ болѣе на нее обрушиваются требованія второго рода — разные званые обѣды, концерты, вечера, утреннія визиты, разсылка записочекъ и вся неразлучная съ ними дребедень. Все это составляетъ довольно нелегкую добавочную обязанность, налагаемую на женщинъ обществомъ — обязанность быть очаровательными. Даровитая женщина высшаго круга находитъ уже очень много дѣла, упражняясь въ граціозныхъ манерахъ и въ умѣньи вести разговоръ. Взглянемъ только на внѣшнюю сторону этого предмета: если женщина придаетъ маломальски какое нибудь значеніе туалету (дѣло идетъ здѣсь не о томъ, чтобы одѣваться богато, но одѣваться со вкусомъ, что предполагаетъ разницу между естественнымъ и искуственнымъ convenance), то одно постоянное изощреніе мыслей на своемъ костюмѣ, быть можетъ, также на костюмѣ дочерей могло бы уже привести къ какимъ нибудь почтеннымъ результатамъ въ искуствѣ, наукѣ или литературѣ, тогда

какъ теперь заботы эти поглощаютъ время и умственныя силы, которыхъ хватило бы для обѣихъ этихъ цѣлей *).

Если бы всѣ эти мелочныя (а для нихъ очень важныя) приключенія и заботы оставляли женщинамъ болѣе досуга или большую энергію и свободу ума для занятія искуствомъ или отвлеченнымъ знаніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ обнаружили бы несравненно

*) Какъ въ нарядѣ, такъ и въ самыхъ основныхъ законахъ искуства, повидимому, нуженъ одинъ и тотъ же складъ ума для открытія *истины* или для пріобрѣтенія вѣрнаго понятія о томъ, что истинно. Здѣсь центръ совершенствованія одинъ и тотъ же, только въ первомъ случаѣ онъ принадлежитъ болѣе тѣсному кругу.—Это можно объяснить покроемъ костюма, обличающемъ, по общему мнѣнію, хорошій или дурной вкусъ. Отдѣльныя принадлежности костюма постоянно измѣняются въ размѣрѣ, — длинѣ или короткости; но общая форма остается ненарушимою. Это—все тотъ же общій какъ бы постоянный способъ одѣваться, хотя и опирающійся на слабое основаніе, отъ котораго однако все таки должна зависеть мода. Кто изобрѣтаетъ съ наибольшимъ успѣхомъ или одѣвается съ наилучшимъ вкусомъ—тотъ, по всей вѣроятности, обнаружилъ бы одинаковую даровитость, если бы его внутреннее чутье было примѣнено къ болѣе крупнымъ цѣлямъ, тотъ образовалъ бы вѣрный вкусъ въ высшихъ созданіяхъ искуства.—Sir Joshua Reynold's Discourses, Disc. VII.

большій запасъ оригинальной, дѣятельной способности сравнительно съ огромнымъ большинствомъ мужчинъ. Но это еще не все. Независимо отъ правильныхъ житейскихъ заботъ, падающихъ на женщину, она постоянно должна жертвовать своимъ временемъ и способностями къ услугамъ каждаго.

Если мужчина не освобождается отъ этихъ требованій какою нибудь правильною профессіей, то все-таки онъ никого не оскорбляетъ, отдавая свое время тому или другому занятію, и можетъ совершенно достаточно отговориться этимъ предлогомъ при каждомъ случайномъ посягательствѣ на его досужее время Но развѣ занятія женщины, особенно любимыя и избранныя ею, могутъ освободить ее отъ того, что считается требованіемъ общества? Тутъ извиненіе ей-на доставляется самыми насущными и наиболѣе признанными ея обязанностями. Только болѣзнь кого нибудь изъ семейства или что другое, совершенно выходящее изъ ряда обыденности, даютъ ей право предпочесть свое собственное дѣло развлеченію другихъ. Она постоянно должна быть готова къ услугамъ того или другого, обыкновенно къ услугамъ каждаго.

Если у нея имѣется свое дѣло или умственный

трудъ, то она должна выхватывать для того свое время случайными, короткими урывками. Одна извѣстная женщина въ своемъ сочиненіи, которое, какъ я надѣюсь, будетъ когда нибудь издано, совершенно справедливо замѣчаетъ, что особы ея пола все дѣлаютъ въ такіе урывочные часы. Удивительно ли послѣ этого, если женщина не достигаетъ высшаго развитія въ такихъ предметахъ, которые требуютъ послѣдовательнаго вниманія и сосредоточенія на нихъ главнѣйшаго интереса въ жизни? Такова философія и такою представляется въ особенности искуство, гдѣ, кромѣ полнаго сосредоточенія мыслей и чувствъ, нужно еще постоянное упражненіе руки для достиженія высшаго развитія.

Ко всему сказанному слѣдуетъ присоединить еще одно соображеніе. Въ различныхъ искуствахъ и умственныхъ занятіяхъ есть извѣстная степень прогресса, дающая возможность существовать избранной спеціальностью, и есть высшая степень, отъ которой зависятъ первоклассныя произведенія, доставляющія безсмертіе имени.

Для достиженія первой степени имѣются соотвѣтствующіе пріемы для всѣхъ, кто желаетъ посвятить

себя этому занятію спеціально. Вторая степень едва ли достижима, если человѣкъ не одушевленъ или не былъ одушевленъ въ какой нибудь періодъ своей жизни страстнымъ желаніемъ извѣстности. Ничто другое не служитъ такимъ сильнымъ побужденіемъ къ долгой, терпѣливой работѣ, положительно необходимой даже для самыхъ блестящихъ природныхъ дарованій, чтобы достигнуть высшаго совершенства на томъ поприщѣ, которое ознаменовано дѣятельностью столькихъ великихъ творческихъ геніевъ. Но женщины — будемъ ли мы приписывать такое явленіе природной или искуственной причинѣ — рѣдко проникаются этой неотступной жаждой славы. Ихъ честолюбіе обыкновенно довольствуется скромными, тѣсными границами. Онѣ стараются только пріобрѣсти вліяніе на тѣхъ, кто непосредственно ихъ окружаетъ. Все ихъ желаніе заключается въ томъ, чтобы стяжать сочувствіе, любовь или аплодисменты тѣхъ, кого онѣ видятъ передъ своими глазами. Далѣе этой цѣли ихъ преуспѣяніе въ наукахъ, искуствахъ и общемъ образованіи обыкновенно не идетъ. Эта черта характера не можетъ быть выпущена изъ вида, когда мы принимаемся судить о женщинахъ, каковы

онѣ въ настоящее время. Я нисколько не думаю, чтобы черта эта была присуща самой природѣ женщинъ. Это только весьма естественный результатъ окружающихъ ихъ обстоятельствъ. Славолюбіе мужчинъ подстрекается воспитаніемъ и общественнымъ мнѣніемъ; «презирать житейскія радости и избирать жребій труда»—это считается свойствомъ «высокихъ умовъ» и поощряется свободнымъ доступомъ ко всѣмъ предметамъ честолюбія, не исключая и женской благосклонности. Для женщинъ всѣ эти предметы закрыты, и самое желаніе славы считается дерзкимъ, несогласнымъ съ женственной натурой. Да и кромѣ того, какъ женщинѣ не гоняться исключительно за лестнымъ мнѣніемъ только тѣхъ людей, въ кругу которыхъ проходитъ ея обыденная жизнь, если общество связало ее обязанностями только относительно ихъ и въ нихъ однихъ предписываетъ искать всѣхъ своихъ радостей? Естественное желаніе добиться уваженія отъ себѣ подобныхъ также сильно въ мужчинѣ, какъ и въ женщинѣ; но общество распорядилось такимъ образомъ, что во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ общественное уваженіе пріобрѣтается женщиной только черезъ уваженіе мужа

или ея родственниковъ, тогда какъ уваженіе собственно къ ея лицу скорѣе подрывается ея личными стремленіями выйти изъ ряда вонъ и стать въ какое нибудь независимое отъ мужчинъ положеніе. Кто мало-мальски способенъ судить о вліяніи домашняго и общественнаго быта, вмѣстѣ со всѣми житейскими привычками на человѣческій умъ, тотъ легко увидитъ въ этомъ вліяніи полнѣйшее объясненіе всѣхъ видимыхъ различій между женщинами и мужчинами, включая сюда и кажущееся умственное превосходство одного пола надъ другимъ.

Что касается нравственныхъ различій, разсматриваемыхъ отдѣльно отъ умственныхъ, то здѣсь несходство выставляется обыкновенно въ пользу женщинъ. По общему мнѣнію, онѣ считаются лучше мужчинъ, хотя это—только безсодержательный комплиментъ, могущій вызвать горькую улыбку всякой умной женщины, такъ какъ ни въ какомъ другомъ положеніи жизни не признано совершенно разумнымъ и естественнымъ правиломъ, что лучшіе должны повиноваться худшимъ. Этотъ образчикъ нелѣпаго пустозвона словъ показываетъ только, что сами мужчины признаютъ деморализующее вліяніе власти.

Вотъ единственная истина, которая подтверждается или объясняется указываемымъ фактомъ, если только это въ самомъ дѣлѣ фактъ. Рабство, — если только оно не оскотиниваетъ положительно людей,—несравненно болѣе развращаетъ рабовладѣльцевъ, чѣмъ самихъ рабовъ. Для нравственной природы человѣка гораздо лучше находиться въ границахъ, даже указываемыхъ ферулою произвола, чѣмъ необузданно тѣшиться властью. Говорятъ, будто женщины рѣже подпадаютъ уголовному правосудію—выставляютъ гораздо меньшій контингентъ совершающихъ преступленія, чѣмъ мужчины. Я не сомнѣваюсь, что тоже самое съ одинаковой справедливостью можетъ быть сказано и о чернокожихъ невольникахъ. Людской свѣтъ, включая сюда и дѣятелей науки, обыкновенно съ самой невѣжественной слѣпотой относится ко всѣмъ вліяніямъ соціальныхъ условій; но нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, эта слѣпота не бываетъ такъ безобразна, какъ въ глупомъ униженіи умственныхъ даровавій женщинъ и въ неменѣе глупомъ восхваленіи ихъ нравственныхъ достоинствъ.

Любезная поговорка насчетъ лучшей моральной порядочности женщинъ совершенно разноголоситъ съ

мнѣніемъ о ихъ большей склонности къ нравственнымъ промахамъ. Намъ говорятъ, будто женщины неспособны быть безпристрастными: ихъ сужденіе въ важныхъ дѣлахъ будто бы подсказывается ихъ личными симпатіями и антипатіями. Если бы это было и справедливо, то все-таки остается еще доказать, что женщины чаще вводятся въ искушеніе своими личными чувствами, чѣмъ мужчины — ихъ личными интересами. Вся разница здѣсь заключается, повидимому, въ томъ, что мужчины уклоняются отъ долга и общественнаго интереса изъ любви къ самимъ себѣ, тогда какъ женщины (которымъ не позволено имѣть своихъ собственныхъ частныхъ интересовъ) дѣлаютъ это ради кого нибудь другого. Надобно также принять во вниманіе, что все воспитаніе, получаемое женщинами отъ общества, старается внушить имъ то убѣжденіе, что поставленныя къ нимъ близко лица —единственные люди, съ которыми онѣ связаны долгомъ, единственныя существа, которыхъ интересы онѣ обязаны оберегать; что касается самыхъ элементарныхъ идей, необходимыхъ въ каждомъ разумномъ существѣ для преслѣдованія бо-

лѣе крупныхъ интересовъ или болѣе возвышенныхъ нравственныхъ цѣлей, то по этой части воспитаніе оставляетъ женщинъ въ полнѣйшемъ невѣденіи. Итакъ, дѣлаемый женщинамъ упрекъ сводится къ тому, что онѣ слишкомъ ревностно исполняютъ единственный заученный имъ долгъ и почти единственную обязанность, которую отправлять имъ не запрещается.

Привилегированныя лица такъ рѣдко соглашаются дѣлать уступки непривилегированнымъ, если не вынуждены къ тому силою послѣднихъ, что всѣ аргументы противъ преобладанія одного пола надъ другимъ, по всей вѣроятности, останутся для большинства людей гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, пока мужчины будутъ увѣрять самихъ себя, что женщины не ропщутъ на ихъ господство. Фактъ этотъ, безъ сомнѣнія, позволяетъ мужчинамъ удерживать за собою долѣе несправедливую привилегію, но нисколько не дѣлаетъ ее законнѣе. Тоже самое можетъ быть сказано и о женщинахъ восточныхъ гаремовъ: вѣдь онѣ нисколько не жалуются на то, что имъ не предоставлена свобода европейскихъ женщинъ. Напротивъ, онѣ считаютъ ихъ въ высшей степени наглыми и непохожими на женщинъ. Но вѣдь и сами мужчины очень рѣдко

жалуются на общій соціальный порядокъ, и жалобы эти раздавались бы еще несравненно рѣже, если бы люди ничего не слыхали объ иномъ порядкѣ, существующемъ въ другихъ мѣстахъ. Женщины не жалуются на общій жалкій жребій, или скорѣе жалуются, да только неумѣючи, потому что плаксивыми элегіями на эту тэму переполнены всѣ литературныя произведенія женщинъ, и это было бы еще въ большемъ ходу, если бы жалостливыя причитанія не подозрѣвались въ какихъ нибудь практическихъ поползновеніяхъ. Женскія слезы въ этомъ отношеніи очень сходны съ нытьемъ мужчинъ на общую неудовлетворительность человѣческаго существованія — то есть не заключаютъ въ себѣ порицанія, и не хлопочатъ объ измѣненіи къ лучшему. Но хотя женщины вообще не жалуются на господство мужей, однако каждая изъ нихъ ругаетъ своего собственнаго супруга или мужей своихъ пріятельницъ.

Такъ бываетъ во всѣхъ видахъ рабства, по крайней мѣрѣ, при началѣ либеральнаго движенія. Крѣпостные холопы сначала жаловались не на власть своихъ помѣщиковъ, а только на ихъ деспотическія притѣсненія. Городскія общины стали въ самомъ нача-

лѣ требовать немногихъ муниципальныхъ преимуществъ, затѣмъ уже протестовали противъ сбора налоговъ безъ ихъ согласія; но въ то время они сочли бы величайшей дерзостью требовать какого бы то ни было участія въ верховныхъ правахъ короля. Въ наше время только для женщинъ протестъ противъ установленныхъ правилъ считается такимъ же преступнымъ дѣломъ, какимъ прежде считался мятежъ подданнаго противъ короля. Женщина, принимающая участіе въ движеніи, неодобряемомъ ея супругомъ, дѣлается мученицей, прежде чѣмъ ей удастся быть проповѣдницей новаго порядка, потому что мужъ можетъ легальнымъ путемъ предупредить ея апостольскую миссію. Женщины никогда ничего не предпримутъ для своей эмансипаціи, пока значительная масса мужчинъ не изъявитъ готовности присоединиться къ нимъ въ этомъ предпріятіи.

ГЛАВА IV.

Кромѣ уже разсмотрѣнныхъ сторонъ нашего предмета остается еще одинъ не менѣе важный вопросъ, и на него-то съ особенной настойчивостью будутъ налегать тѣ изъ нашихъ оппонентовъ, которыхъ убѣжденіе могло поколебаться относительно главнаго пункта. Какого добра мы можемъ ожидать отъ предлагаемыхъ измѣненій въ нашихъ обычаяхъ и учрежденіяхъ? Сдѣлается ли человѣчество лучше, когда женщины будутъ свободны? Если нѣтъ, зачѣмъ мутить ихъ головы и затѣвать соціальный переворотъ во имя какого-то отвлеченнаго права? Едва ли, впрочемъ, подобные вопросы могутъ возникнуть по поводу тѣхъ перемѣнъ, какія предлагается произвести въ брачномъ положеніи женщинъ. Страданія, безнравственная разнузданность и всякаго рода плачевныя несо-

образности, пропстекающія въ безчисленномъ множествѣ случаевъ изъ личнаго подчиненія женщинъ извѣстнаго разбора мужчинамъ,—все это слишкомъ чудовищно, чтобы могло быть пропущено сквозь пальцы. Неразмышляющіе или недобросовѣстные люди, перечисляя только тѣ изъ этихъ случаевъ, которые доходятъ до крайностей или дѣлаются добычею гласности, могутъ, пожалуй, сказать, что это—явленія исключительныя; но никто не можетъ оставаться слѣпымъ въ виду ихъ дѣйствительнаго существованія или, какъ во многихъ случаяхъ, въ виду ихъ энергическаго характера. И при этомъ становится совершенно очевиднымъ, что нѣтъ возможности достаточно обуздать злоупотребленіе властью, пока не уничтожена самая власть. Вѣдь власть эта дана или предлагается не только однимъ добрымъ, или благопристойнымъ и почтеннымъ людямъ, но всѣмъ мужчинамъ безъ исключенія, до самыхъ грубыхъ, до наиболѣе преступныхъ. Преграды можетъ ставить только общественное мнѣніе, а вѣдь подобные господа вообще признаютъ надъ собой только мнѣніе людей такого же закала. Если бы подобные люди не мучили всячески человѣческое существо, обреченное закономъ сносить отъ нихъ всякія мерзости, то общество достигло бы уже состоянія райскаго благополучія. Тогда ненужно было бы уже совершенно никакихъ законовъ, стѣсняющихъ порочныя наклонности людей. Астрея не только должна была бы превратиться въ землю, но и сердце самаго злого человѣка содѣлалось бы ея храмомъ. Законъ о брачномъ рабствѣ есть чудовищное противорѣчіе всѣмъ принципамъ новѣйшаго общества и всему жизненному опыту, путемъ котораго принципы эти вырабатывались такъ медленно и съ такимъ трудомъ. Теперь, когда рабство чернокожихъ уже уничтожено, это—единственный примѣръ того, какъ одно человѣческое существо, находясь въ полнѣйшемъ обладаніи всѣми своими природными способностями, отдается на гнѣвъ или милость другого такого же человѣка, само собою разумѣется, въ той надеждѣ, что этотъ другой будетъ употреблять свою власть только ко благу подчиненнаго существа. Бракъ—единственный видъ рабства, извѣстный современному закону Въ легальномъ смыслѣ теперь уже нѣтъ порабощенныхъ, кромѣ хозяйки въ каждомъ домѣ.

Слѣдовательно, ужь никакъ не по отношенію къ

этой сторонѣ предмета можетъ быть предложенъ вопросъ: *чего ради*, Cui bono? Пусть утверждаютъ, что зло все-таки перевѣситъ добро,—самаго добра здѣсь отвергать невозможно. Но не въ такомъ свѣтѣ представляется болѣе обширный вопросъ о снятіи съ женщинъ всякихъ стѣсняющихъ запретовъ, куда относится признаніе ихъ равенства съ мужчинами во всемъ, что принадлежитъ къ праву гражданства, открытіе для нихъ всѣхъ честныхъ занятій и воспитаніе, служащее подготовкою къ этимъ занятіямъ. Есть много людей, которыхъ не убѣдишь тѣмъ, что неравноправность не имѣетъ никакого справедливаго или законнаго основанія, имъ нужно еще растолковать, какую именно пользу доставитъ устраненіе этой неравноправности. Да во-первыхъ польза уже та, что наиболѣе всеобщія и коренныя изъ человѣческихъ отношеній будутъ управляться правдою, а не кривдою. Въ глазахъ всякаго, умѣющаго придавать моральный смыслъ словамъ, простое констатированіе этой истины уже достаточно разъясняетъ дѣло, и всякое многоглаголивое толкованіе едва ли можетъ сдѣлать его убѣдительнѣе. Всѣ себялюбивыя наклонности, существующія въ человѣчествѣ—какъ самообожаніе, несправедливая заносчивость — пропускаютъ и извлекаютъ свою главнѣйшую жизненную силу изъ современныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Какой нибудь молокососъ можетъ быть самымъ пустымъ и пошлымъ, или самымъ невѣжественнымъ и безмозглымъ въ средѣ человѣчества,—и посмотрите, какъ онъ подростаетъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что безъ всякихъ своихъ заслугъ и трудовъ, только благодаря тому, что его родили мужчиною — онъ имѣетъ право стать выше всей половины человѣческой расы, включая, можетъ быть, и тѣхъ лицъ, которыхъ дѣйствительное надъ собою превосходство ему приходится испытывать на себѣ каждый день, каждый часъ! Но если бы даже во всемъ своемъ поведеніи онъ привыкъ повиноваться руководству женщины, все-таки — будь онъ набитый дуракъ — женщина думаетъ, что не можетъ быть равною съ нимъ по сужденіямъ и способностямъ; если же онъ не глупъ, выходитъ хуже — онъ видитъ ея превосходство надъ собою и думаетъ, что, несмотря на то, онъ имѣетъ право командовать, тогда какъ она должна повиноваться. Какое же дѣйствіе можетъ произвести подобный урокъ на его характеръ? Люди об-

разованныхъ классовъ очень часто не знаютъ, какъ глубоко западаетъ онъ въ умы огромнаго большинства мужчинъ. Между воспитанными и, по своимъ чувствамъ, порядочными людьми неравенство прячется какъ можно далѣе отъ дневного свѣта, въ особенности же замаскировывается отъ дѣтей. Мальчиковъ заставляютъ также повиноваться матери, какъ и отцу; имъ не позволяютъ верховодничать надъ сестрами, которыхъ не только ни въ чемъ не унижаютъ предъ ними, но поступаютъ даже наоборотъ: рыцарское обхожденіе выставляется какъ можно казистѣе, тогда какъ на заднемъ планѣ дѣвочекъ ждетъ уготованное для нихъ рабство. Такимъ образомъ въ средѣ высшихъ классовъ хорошо-воспитанные юноши избавляются втеченіи раннихъ лѣтъ отъ вредныхъ вліяній и принимаютъ ихъ на себя уже въ ту пору возмужалости, когда становятся лицомъ къ лицу съ дѣйствительно-существующими фактами. Такіе люди не понимаютъ, какъ рано мальчикъ, воспитываемый иначе, задается мыслію о своемъ природномъ превосходствѣ надъ дѣвочкою, какъ мысль эта растетъ вмѣстѣ съ его ростомъ, крѣпнетъ вмѣстѣ съ его силою, какъ она прививается отъ одного мальчугана

къ другому, какъ рано юноша воображаетъ себя выше матери, которую удостоиваетъ снисходительности, но не истиннаго уваженія, наконецъ съ какимъ султанскимъ самодовольствомъ онъ глядитъ свысока въ особенности на ту женщину, которую благоволитъ содѣлать спутницей своей жизни.

Развѣ это не должно извратить весь порядокъ человѣческаго существованія, въ индивидуальномъ и общественномъ смыслѣ? Вѣдь это совершенно сходно съ спѣсивымъ чувствомъ дворянина, воображающаго себя цѣлой головой выше другихъ именно потому, что онъ явился на свѣтъ благороднымъ.

Отношеніе между мужемъ и женой очень сходно съ разстояніемъ, отдалявшимъ леннаго господина отъ его вассала, съ тою только разницею, что вассалъ никогда не принуждался къ такому безграничному повиновенію, на какое обречена замужняя женщина. Но какъ бы подчиненіе ни дѣйствовало на характеръ вассала въ дурную и хорошую сторону, можно ли не видѣть, что для господина вліяніе это главнѣйшимъ образомъ вело къ худу? При этомъ было все равно, видѣлъ ли онъ дѣйствительное превосходство своихъ вассаловъ надъ собою или чувствовалъ, что

ему позволили командовать надъ людьми, которые были ничѣмъ не хуже его, не ради какихъ либо его заслугъ и трудовъ, а только въ силу того, что онъ, какъ выражается Фигаро, побезпокоился родиться. Самообожаніе восточнаго деспота или феодальнаго барина совершенно гармонируетъ съ самообожаніемъ человѣка-самца. Люди, взлелеянные при своемъ подрастаніи незаслуженными отличіями, невольно строятъ на нихъ свою гордыню. Только очень немногіе— и притомъ изъ наилучшаго разбора людей—умѣютъ соединять скромность съ привилегіями, пріобрѣтенными вслѣдствіе заслугъ или, какъ чувствуютъ они сами, превышающими мѣру заслугъ. Остальные смертные проникаются спѣсью и притомъ спѣсью наихудшаго сорта, которая опирается на случайныя преимущества, а не на собственное достоинство человѣка. Особенно же худо бываетъ, когда чувство превосходства надъ цѣлою массою другого пола соединяется съ личною командою надъ однимъ существомъ изъ этой половины.

Допустимъ, что положеніе это можетъ служить школою добросовѣстной и сердечной снисходительности для тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ добро-

совѣстность и мягкосердіе составляютъ наиболѣе выдающіяся черты; но за то для людей иного закала это будетъ правильно организованной академіей или гимназіей, воспитывающей въ нихъ качливость и надменную грубость. Если въ обращеніи съ другими равными имъ людьми пороки эти и обуздываются неизбѣжностью отпора, то тѣмъ безцеремоннѣе проявляются они по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя по своему положенію обязаны ихъ сносить, и очень часто подобные господа вымѣщаютъ на несчастной женѣ невольное стѣсненіе, къ какому обязываютъ ихъ всѣ другія отношенія.

Итакъ, когда домашнее существованіе строится на отношеніяхъ, совершенно противорѣчащихъ главнѣйшимъ принципамъ соціальной справедливости, то и воспитаніе, по самой природѣ человѣка, производитъ на его чувства такое плачевное, извращающее вліяніе, что при нашемъ настоящемъ опытѣ никакія усилія воображенія не могутъ представить намъ, какого добра мы можемъ ожидать отъ устраненія этой нелѣпости. Какъ бы воспитаніе и цивилизація ни старались о томъ, чтобы освободить человѣческій характеръ отъ вліяній закона силы и замѣнить ихъ

вліяніями справедливости—все это останется на поверхности до тѣхъ поръ, пока непріятель не будетъ атакованъ въ самой цитадели. Современное движеніе въ области морали и политики задалось тѣмъ принципомъ, что только одни поступки даютъ право на уваженіе, что люди могутъ требовать почтительнаго обхожденія не въ силу того, кто они, но что они дѣлаютъ, наконецъ—и это главнѣе всего—что только заслуги, а не рожденіе, даютъ исключительное право на власть и господство.

Если бы ни одному человѣку не представляли господства надъ другимъ, хотя бы только временнаго, то общество не было бы вынуждено одною рукою ласкать извѣстныя наклонности, а другою—обуздывать ихъ. Въ первый разъ со времени существованія человѣка на землѣ мальчикъ шелъ бы тѣмъ путемъ, какимъ ему идти надо, и можно было бы надѣяться, что онъ не уклонится отъ него, когда достигнетъ старости. Но пока право сильнаго—господствовать надъ слабымъ засѣло въ самомъ сердцѣ общества, всякая попытка сдѣлать равноправность слабаго принципомъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ общества останется безплодною борьбою, потому что законъ

справедливости—который есть также законъ христіанства — никогда не проникнетъ въ сокровеннѣйшія чувства людей: они будутъ противодѣйствовать ему, хотя бы и были вынуждены ему покориться.

Отъ предоставленія женщинамъ свободнаго употребленія ихъ способностей мы можемъ ожидать еще и другого хорошаго результата. Если бы оставить занятія на ихъ свободный выборъ, открыть для нихъ тоже поле труда, съ тѣми же вознагражденіями и поощреніями, какія существуютъ для другого пола, то это удвоило бы массу умственныхъ способностей, пригодныхъ для высшихъ потребностей человѣчества. Гдѣ теперь имѣется одинъ способный для высшей профессіи и содѣйствія общему прогрессу—въ качествѣ общественнаго учителя или управляющаго какою либо отраслью публичныхъ или общественныхъ дѣлъ, тогда для такой работы нашлось бы два способныхъ дѣятеля. Въ настоящее время умственныя достоинства всякаго рода, по количеству, стоятъ неизмѣримо ниже запроса; въ людяхъ, совершенно способныхъ къ какому либо дѣлу, требующему значительнаго умѣнья, чувствуется такой печальный недочетъ, что человѣчество несетъ очень нешуточную утрату, отказы-

ваясь отъ услугъ цѣлой половины талантовъ, находящихся въ его распоряженіи. Правда, не весь этотъ запасъ умственной силы пропадаетъ совершенно безплодно. Значительный его процентъ употребляется—и употреблялся бы во всякомъ случаѣ—для веденія домашняго хозяйства и для нѣкоторыхъ немногихъ открытыхъ занятій, предоставленныхъ женщинамъ. Изъ остального запаса, во многихъ частныхъ случаяхъ, получается польза косвеннымъ путемъ, чрезъ личное вліяніе той или другой женщины на того или другого мужчину. Но всѣ такія выгоды имѣютъ частный характеръ, и размѣръ ихъ чрезвычайно ограниченъ. Если ихъ и допустить, какъ дробную часть изъ всего запаса свѣжей соціальной силы, какая получалась бы вслѣдствіе освобожденія цѣлой половины изъ всей сумы человѣческаго интеллекта, то съ другой стороны не слѣдуетъ забывать о плодотворномъ стимулѣ, который былъ бы данъ мужскому интеллекту конкуренціей или—выражаясь точнѣе—необходимостью заслужить предпочтеніе, прежде чѣмъ мужчины могли претендовать на него голословно.

Это великое приращеніе умственной силы въ средѣ человѣчества и увеличеніе всего запаса интеллекта, способнаго къ хорошему завѣдыванію дѣлами, отчасти могло бы быть доставлено лучшимъ и болѣе полнымъ умственнымъ образованіемъ женщинъ, которое улучшалось бы тогда вмѣстѣ съ воспитаніемъ мужчинъ.

Женщины вообще подготовлялись бы тогда къ одинаково-удовлетворительному пониманію труда, общественныхъ дѣлъ и высшихъ интересовъ жизни, наравнѣ съ мужчинами того же класса общества.

Немногіе избранные того и другого пола, умѣющіе не только понимать, что дѣлаютъ или думаютъ другіе, но и сами дѣлать или думать нѣчто значительное, съ одинаковой легкостью могли бы развивать и совершенствовать свои способности, безъ всякаго различія между полами. Этимъ путемъ расширенія сферы дѣйствія для женщинъ было бы благодѣтельно, поднимая ихъ по воспитанію до уровня мужчинъ и позволяя женскому воспитанію участвовать во всѣхъ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ образованіи мужчинъ. Но независимо отъ этой пользы самое уничтоженіе преграды заключало бы въ себѣ чрезвычайно важную воспитательную силу. Въ высшей степени

благодѣтельно было бы уже отдѣлаться отъ той идеи, что всѣ болѣе обширныя области мысли и дѣйствія, всѣ предметы общаго, а не исключительно частнаго интереса составляютъ прямое дѣло мужчинъ, отъ котораго нужно удерживать женщинъ, многое запрещая положительно, а къ немногому допуская съ холоднымъ пренебреженіемъ. Одна мысль, что женщина есть человѣческое существо, совершенно подобное всякому другому, имѣющее право самостоятельно избирать родъ занятій, интересоваться всѣмъ, что можетъ быть интересно для людей вообще и силою тѣхъ же побужденій, наконецъ, оказывать свою долю вліянія во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, подлежащихъ личному мнѣнію, принимаетъ ли она въ нихъ дѣйствительное участіе или нѣтъ—одно это сознаніе произвело бы громадное расширеніе въ способностяхъ женщинъ, точно также, какъ сообщило бы просторъ ихъ моральнымъ чувствамъ.

Это приращеніе запаса личныхъ талантовъ, способныхъ къ завѣдыванію общественными дѣлами, уже очень важно, потому что вѣдь не настолько же человѣчество обезпечено въ этомъ отношеніи, чтобы могло браковать цѣлой половиной силъ, предлагаемыхъ природой. Но и кромѣ этой выгоды, женское мнѣніе пріобрѣло бы тогда болѣе благодѣтельное, если и не болѣе значительное вліяніе на общую массу человѣческихъ чувствъ и вѣрованій. Мы говоримъ именно болѣе благодѣтельное, если и не болѣе значительное вліяніе, потому что вліяніе женщинъ на общій тонъ мнѣній было всегда—или, по крайней мѣрѣ, съ раннихъ извѣстныхъ намъ временъ — очень сильное.

Во всѣ времена вліяніе матерей на раннее духовное развитіе ихъ сыновей и желаніе молодыхъ мужчинъ нравиться молодымъ женщинамъ были могущественными условіями въ образованіи характера и рѣшили нѣкоторые главнѣйшіе шаги въ ходѣ цивилизаціи. Уже въ гомерическомъ вѣкѣ это рыцарское чувство αἰδώς относительно троянокъ Τρῶδας ἐλυσίπεπλους было признаннымъ и могущественнымъ мотивомъ въ поведеніи великаго Гектора. Нравственное вліяніе женщинъ имѣло двоякое дѣйствіе. Во-первыхъ это было смягчающее вліяніе. Лица, наиболѣе угрожаемыя сдѣлаться жертвами насилія, весьма естественно стремились къ съуженію его сферы и къ смягченію его крайностей. Тѣ, которыхъ не учили сражаться, ра-

зумѣется, склонялись на сторону не оружія, а какого либо другого способа къ удаживанью распрей. Вообще лица, наиболѣе страдавшія отъ разгула себялюбивыхъ страстей, были самыми горячими защитниками всякаго моральнаго закона, предлагавшаго средства къ ихъ обузданію. Женщины послужили могущественнымъ орудіемъ, чтобы склонить сѣверныхъ завоевателей къ принятію христіанства—наиболѣе благопріятствовавшей женщинамъ вѣры сравнительно со всѣми предшествовавшими религіями.

Можно сказать, что обращеніе англо-саксовъ и франковъ въ христіанство было начато женами Этельберта и Клодвига. Другое значительное дѣйствіе женскаго мнѣнія заключалось въ сообщеніи могущественнаго стимула къ развитію въ мужчинахъ тѣхъ качествъ, которыя, не будучи прививаемы къ самимъ женщинамъ, должны были находиться въ ихъ покровителяхъ. Мужество и военныя добродѣтели вообще своимъ развитіемъ были во всѣ времена обязаны желанію мужчинъ заслужить вниманіе женскаго пола, и стимулъ этотъ далеко переходитъ за этотъ одинъ классъ возвышенныхъ качествъ, такъ какъ, вслѣдствіе самаго положенія женщинъ, наибольшее право

на ихъ благосклонность и удивленіе весьма естественно всегда пріобрѣталъ тотъ, о комъ сами мужчины были высокаго мнѣнія. Изъ соединенія этихъ двухъ родовъ женскаго вліянія возникъ духъ рыцарства. Онъ стремился примирить высшую мѣру воинственныхъ качествъ вмѣстѣ съ развитіемъ совершенно различныхъ добродѣтелей—какъ-то кротости, великодушія, самоотверженія по отношенію къ невоинственнымъ и беззащитнымъ классамъ вообще; женщины сдѣлались предметомъ особеннаго служенія и обожанія, и отличались отъ прочихъ безоружныхъ классовъ тѣмъ, что имѣли право добровольно удостоивать высокихъ наградъ того, кто домогался пріобрѣсти ихъ благосклонность, вмѣсто того чтобы принуждать ихъ къ повиновенію. Хотя практика рыцарства еще печальнѣе отставала отъ своего теоретическаго знамени, чѣмъ обыкновенно теорія не клеится съ практикой, тѣмъ не менѣе рыцарство остается однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ въ моральной исторіи нашей расы, какъ замѣчательный примѣръ дружной и организованной попытки, употребленной самымъ неорганизованнымъ и разъединеннымъ обществомъ къ практическому осуществленію моральнаго

идеала, далеко опередившаго весь соціальный строй и учрежденія; въ главномъ своемъ предметѣ попытка эта, правда, рѣшительно не удалась, однако никогда не была совершенно безсильною и оставила чрезвычайно замѣтное и, большею частію, въ высшей степени благодѣтельное вліяніе на идеи и чувства всѣхъ послѣдующихъ поколѣній.

Въ идеалѣ рыцарства вліяніе женскихъ чувствъ на моральное развитіе человѣчества достигаетъ своего апогея. Если бы женщины были обречены оставаться въ ихъ подчиненномъ положеніи, то мы должны были бы глубоко скорбѣть о томъ, что духъ рыцарства уже миновался, потому что онъ одинъ могъ смягчать деморализующія вліянія этого положенія.

Но измѣненія въ общемъ порядкѣ вещей дѣлали неизбѣжнымъ введеніе вмѣсто рыцарства совершенно различнаго по характеру нравственнаго идеала. Рыцарство было попыткой привить моральныя чувства къ такому обществу, въ которомъ все доброе и худое зависѣло отъ индивидуальнаго произвола, при смягчающихъ вліяніяхъ личнаго благородства и великодушія. Въ новѣйшихъ формахъ общества, даже въ сферѣ военныхъ подвиговъ, все рѣшается не ин-

дивидуальнымъ усиліемъ, но соединенными дѣйствіями массъ, тогда какъ общество измѣнило также и главное свое занятіе, перейдя отъ сраженій къ дѣловымъ хлопотамъ, отъ военнаго быта къ промышленной жизни. Требованія новой жизни не сосредоточиваются исключительно на подвигахъ великодушія, какъ было встарину, и жизнь общества уже не зависитъ отъ такихъ доблестей всецѣло. Главнѣйшими основами моральной жизни въ новѣйшія времена должны быть справедливость и благоразуміе — уваженіе къ правамъ всякаго другого лица и умѣнье охранять самаго себя. Рыцарство оставляло безъ всякой легальной узды всѣ формы зла, безнаказанно царившія въ средѣ общества; давая иное направленіе наградамъ и похваламъ, оно только поощряло немногихъ поступать справедливо вмѣсто того, чтобы держаться неправды. Но истинная нравственность всегда должна опираться на свой карательный принципъ—должна имѣть силу удерживать отъ зла. Охрана общества не можетъ довольствоваться только однимъ каждеміемъ праву, такъ какъ мотивъ этотъ имѣетъ достаточное значеніе только для немногихъ, а на очень многихъ онъ и совершенно не дѣйствуетъ. Разумно

направляя высшую силу, данную цивилизаціей, современное общество можетъ обуздывать зло во всѣхъ сферахъ жизни и такимъ образомъ доставлять сносное существованіе болѣе слабымъ (но уже не беззащитнымъ, а покровительствуемымъ закономъ) членамъ общества, безъ всякаго воззванія къ рыцарскимъ чувствамъ тѣхъ, кто по своему положенію захотѣлъ бы деспотически самодурствовать. Свѣтлыя стороны и прелести рыцарскаго характера остались и теперь тѣми же, какими были, но права слабаго и общія удобства человѣческаго существованія опираются теперь на болѣе надежное и прочное основаніе или скорѣе такъ происходитъ во всѣхъ сферахъ житейскаго быта, за исключеніемъ брачныхъ отношеній.

Вліяніе женщинъ и въ настоящее время не менѣе дѣйствительно, но только утратило свой рѣзкій и опредѣленный характеръ, тѣснѣе слившись со всею массою общественнаго мнѣнія. Благодаря невольно-прививаемой симпатіи, также какъ и желанію мужчинъ блистать въ глазахъ другого пола, женщины много содѣйствуютъ поддержанію того, что осталось отъ рыцарскаго идеала—возбуждая чувства великодушія и мужества и продолжая ихъ преданія. По отношенію къ этимъ чертамъ характера женщины стоятъ выше мужчинъ, но въ дѣлѣ справедливости нѣсколько уступаютъ имъ. Можно сказать вообще, что въ частной жизни женское вліяніе поддерживаетъ кроткія наклонности и противодѣйствуетъ грубымъ, хотя правило это должно быть принято со всѣми ограниченіями, допускаемыми личнымъ характеромъ. Но при столкновеніи между интересомъ и принципомъ—что составляетъ самое трудное испытаніе, какому можетъ подвергнуться добродѣтель въ житейскихъ дѣлахъ — направленіе женскаго вліянія представляетъ довольно смѣшанный характеръ. Когда принципъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые съ силою были привиты къ нимъ религіознымъ или нравственнымъ воспитаніемъ, женщины являются жаркими поборницами правды и добродѣтели: очень часто онѣ внушаютъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ такіе подвиги самоотверженія, къ какимъ тѣ никогда не были бы способны безъ этого стимула. Но при настоящемъ воспитаніи и положеніи женщинъ, сообщаемые имъ моральные принципы покрываютъ лишь сравнительно малую часть въ области добродѣтели и сверхъ того имѣютъ преимущественно отрицатель-

ный характеръ: онѣ запрещаютъ, напр., извѣстные поступки, но до общаго направленія мыслей и цѣлей имъ нѣтъ почти никакого дѣла. Прискорбно, но едва ли не должно сказать, что безкорыстіе въ общихъ интересахъ жизни — стремленіе къ цѣлямъ, необѣщающимъ частныхъ выгодъ для семьи—чрезвычайно рѣдко поощряется или поддерживается вліяніемъ женщинъ. Но мы и не кладемъ на нихъ хулы за то, что имъ не нравятся предметы, въ которыхъ ихъ не выучили видѣть никакой пользы и которые только отвлекаютъ мужей отъ нихъ и отъ интересовъ семейства. Поэтому въ результатѣ является то, что очень часто женское вліяніе далеко не благопріятствуетъ общественному благу.

Однако съ тѣхъ поръ сфера дѣйствія была для женщинъ нѣсколько расширена и многимъ изъ нихъ дали практическое дѣло, выходящее за предѣлы семьи домашняго хозяйства, женщины стали имѣть нѣкоторую долю вліянія на тонъ общественной нравственности. Женское вліяніе играетъ довольно важную роль въ двухъ наиболѣе замѣтныхъ чертахъ современной европейской жизни — въ отвращеніи къ войнѣ и въ увлеченіи филантропіей. То и другое служитъ прек-

расными характеристическими примѣтами; но если женское вліяніе и благодѣтельно, поощряя чувства эти вообще, то въ частныхъ примѣненіяхъ на практикѣ оно дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, также часто во вредъ, какъ и на пользу. По части филантропіи женщины съ особенной ревностью поддерживаютъ двѣ ея отрасли — религіозный прозелитизмъ и дѣло милосердія. Домашній религіозный прозелитизмъ есть только другая формула для возбужденія религіозныхъ раздоровъ; извнѣ—это слѣпое стремленіе, очертя голову безъ всякаго знанія или взвѣшиванія роковыхъ послѣдствій, какія могутъ быть произведены употребленными средствами—роковыхъ для самаго предмета религіи, также какъ и для всѣхъ прочихъ частныхъ интересовъ. Что касается милосердія, то здѣсь непосредственное дѣйствіе на людей, имъ пригрѣтыхъ, и конечное послѣдствіе для общаго блага могутъ находиться въ полнѣйшемъ разладѣ между собою. Въ женщинахъ воспитывается преимущественно чувство, а не умъ; такое воспитаніе, въ связи съ сообщаемою имъ привычкою хлопотать только о непосредственномъ дѣйствіи добра на человѣка, а не объ отдаленномъ дѣйствіи на классы лицъ—ведетъ къ тому, что

женщины не могутъ видѣть и не хотятъ допустить, чтобы та или другая форма филантропіи или милосердія, гармонирующая съ ихъ сострадательными чувствами, въ окончательномъ результатѣ произвела зло. Благодаря женскому горячему участію и женскому подстреканію, происходитъ такая непомѣрная затрата матеріяльныхъ средствъ и сострадательныхъ чувствъ, которыя производятъ зло вмѣсто добра; они постоянно увеличиваютъ ту и безъ того огромную массу невѣжественнаго и близорукаго благодушія, которое, принимая подъ свою опеку жизнь другихъ людей, освобождаетъ ихъ отъ непріятныхъ послѣдствій, подготовленныхъ ихъ собственными поступками, тогда какъ это подкапываетъ самыя основанія самоуваженія, самопомощи и самобытнаго контроля — этихъ существенныхъ условій какъ индивидуальнаго благосостоянія, такъ и общественной нравственности. Дѣло не въ томъ, что женщины могутъ ошибаться, завѣдывая на практикѣ дѣлами милосердія. Вообще женщины умѣютъ лучше мужчинъ вглядываться въ настоящій фактъ, особенно читать въ умахъ и чувствахъ тѣхъ, съ кѣмъ имъ непосредственно приходится имѣть дѣло, и потому часто случается, что онѣ какъ нельзя лучше видятъ деморализующее вліяніе поданной милостыни или пособія; по этой части женщины могли бы давать уроки не одному экономисту мужескаго пола. Но отдавая только деньги и не будучи поставлены лицомъ къ лицу съ производимыми этой щедростью послѣдствіями, могутъ ли женщины ихъ предвидѣть? Можетъ ли женщина, родившаяся для настоящаго бабьяго жребія и довольная имъ, оцѣнить всю важность самостоятельности? Она сама живетъ въ зависимости; самостоятельности ее не учили; она обречена получать все отъ другихъ,—почему же то, что хорошо для нея, должно быть худо для бѣднака? О добромъ дѣлѣ она вообще и представить себѣ не можетъ иначе какъ о благодѣяніи, исходящемъ отъ выше-поставленнаго лица. Ей и на мысль не приходитъ, что она несвободна, тогда какъ нищій—свободенъ; она забываетъ, что если бы бѣднымъ давали все, въ чемъ они нуждаются, безъ всякихъ трудовъ съ ихъ стороны, то никто уже не смѣлъ бы заставить ихъ работать, — что всякій не можетъ хлопотать о всякомъ своемъ ближнемъ, но какой нибудь мотивъ долженъ понуждать людей заботиться о себѣ самихъ, наконецъ, что доставлять людямъ возможность помо-

гать самимъ себѣ, если они физически къ тому способны — вотъ единственное милосердіе, остающееся въ концѣ концовъ дѣйствительнымъ благодѣяніемъ.

Всѣ эти соображенія показываютъ, съ какою пользою участіе женщинъ въ образованіи общаго мнѣнія можетъ быть измѣнено къ лучшему болѣе обширнымъ воспитаніемъ и практическимъ знакомствомъ съ предметами, доступными ихъ вліянію, такъ какъ знакомство это необходимо должно возникнуть вслѣдствіе ихъ соціальной и политической эманципаціи. Но еще бо́льшаго добра надо ожидать отъ поворота въ лучшую сторону того вліянія, какое каждая женщина можетъ оказывать въ своемъ семействѣ.

Часто намъ говорятъ, что въ классахъ, наиболѣе подверженныхъ соблазнамъ, жена и дѣти сдерживаютъ мужчину на высотѣ чести и добропорядочности—какъ непосредственнымъ вліяніемъ жены, такъ и заботливостью его о будущемъ благополучіи семьи. Это очень можетъ быть и, безъ сомнѣнія, часто такъ и бываетъ съ тѣми, кто болѣе слабъ, чѣмъ пороченъ. При равенствѣ легальныхъ правъ это благодѣтельное вліяніе останется на своемъ мѣстѣ и еще болѣе усилится; вѣдь оно зависитъ вовсе не отъ рабскаго положенія

женщины, напротивъ уменьшается тѣмъ неуваженіемъ какое мужчины низшихъ классовъ всегда чувствуютъ въ своемъ сердцѣ къ тѣмъ, кто подчиненъ ихъ власти. Но когда мы подвинемся выше по соціальной лѣстницѣ. то встрѣтимся съ совершенно другими жизненными мотивами. Вліяніе жены — какъ только можетъ далеко хватить—старается удержать мужа отъ паденія ниже общаго уровня принятаго въ странѣ добропорядочности. Но съ тою же силою вліяніе это мѣшаетъ ему подняться выше указаннаго уровня. Жена является пособницею общаго мнѣнія массы, огула. Мужчина, сочетавшійся бракомъ съ женщиною, уступающей ему по уму, имѣетъ въ ней вѣчное противорѣчіе, хуже того—тормазъ, цѣпляющійся за него при каждой попыткѣ сдѣлаться лучше, чѣмъ какимъ желаетъ видѣть его общественное мнѣніе. Достигнуть высшей нравственной порядочности для всякаго, кто связанъ такими путами,—едва ли возможно. Если въ мнѣніяхъ онъ расходится съ массою—сознаетъ истины, которыхъ она и не подозрѣваетъ или, чувствуя въ своемъ сердцѣ номинально-признаваемыя людьми истины, желаетъ добросовѣстнѣе поступить по нимъ, чѣмъ большинство человѣчества—

то для всѣхъ такихъ мыслей и желаній бракъ служитъ самымъ тяжелымъ тормазомъ, развѣ ужь мужчина такъ счастливъ, что жена его одинаково возвышается вмѣстѣ съ нимъ надъ общимъ уровнемъ пониманія.

Это бываетъ такъ уже потому, что здѣсь всегда требуется пожертвованіе какимъ либо личнымъ интересомъ — будь онъ видное общественное положеніе или денежная выгоды, или, можетъ быть, рискъ самыми средствами къ существованію. Эти пожертвованія, этотъ рискъ онъ готовъ встрѣтить совершенно охотно самъ за себя, но чуть только нужно подвергнуть тѣмъ же испытаніямъ и свое семейство — онъ глубоко призадумается. А подъ семействомъ въ этомъ случаѣ всегда подразумѣвается жена съ дочерьми, потому что за сыновей онъ всегда надѣется, что они будутъ чувствовать съ нимъ за одно и, предоставленные самимъ себѣ, охотно стали бы дѣлать для той же причины все то, что сдѣлалъ бы онъ самъ безъ женской обузы. Но дочери дѣло иное: отъ этого шага можетъ зависѣть ихъ брачная партія. Жена не умѣетъ ни сочувствовать тѣмъ предметамъ, для которыхъ приносятся жертвы, ни понимать ихъ; если бы она и считала ихъ стоющими какого либо пожертвованія, то только повѣривъ на слово и исключительно для него одного; она не можетъ раздѣлять ни его энтузіазма, ни того самодовольнаго чувства, которое можетъ овладѣть имъ, тогда какъ то, чѣмъ онъ готовится жертвовать, принадлежитъ всецѣло ей; не призадумается ли крѣпко-накрѣпко самый лучшій и наименѣе себялюбивый человѣкъ, прежде чѣмъ рѣшится подвергнуть ее такимъ послѣдствіямъ? Если на карту ставятся не неудобства жизни, а только общественное уваженіе, то и тутъ мужчина взваливаетъ на свою совѣсть и сердце очень тяжелое бремя. Ужь кто обзавелся женой и дѣтьми, тотъ отдалъ себя въ залогъ грозному qu'en dira-t-on. Къ одобренію этой инстанціи онъ можетъ быть совершенно равнодушенъ, да для нея-то, для жены это очень важно. Самъ мужчина можетъ возвыситься надъ мнѣніемъ большинства или можетъ найти достаточное вознагражденіе во мнѣніи тѣхъ, кто раздѣляетъ его образъ мыслей. Но женщинамъ, связаннымъ съ его судьбою, онъ не можетъ дать никакого вознагражденія. Почти постоянныя старанія жены сво-

имъ вліяніемъ содѣйствовать общественному уваженію ставились ей въ укоръ, какъ рѣзкая черта слабости и ребячества въ ея характерѣ: это, разумѣется, совершенно несправедливо.

Въ богатыхъ классахъ общество дѣлаетъ всю жизнь женщины непрерывнымъ самопожертвованіемъ; оно требуетъ отъ нея безотлагательнаго обузданія ея природныхъ наклонностей, и единственный призъ, выдаваемый ей за все то, что часто заслуживаетъ названія мученичества,—есть уваженіе. Но онъ неразрывно связывается съ уваженіемъ ея мужа, и такимъ образомъ, заплативъ за свое уваженіе всю полную, честную цѣну, она видитъ, что должна его лишиться безъ всякой сколько нибудь замѣтной вины съ своей стороны.

Для этой цѣли она пожертвовала всей своей жизнію, тогда какъ супругъ ея не пожертвуетъ капризомъ, фантазіей, вздоромъ, однимъ словомъ тѣмъ, что самъ людской свѣтъ называетъ глупостью, если не хуже, хотя и не даетъ на то своего признанія. Особенно трудно приходится тѣмъ вполнѣ почтеннымъ лицамъ, которыя, не обладая талантами, которые давали бы имъ право играть видную роль между людь-

ми однихъ мнѣній съ ними, тѣмъ не менѣе по долгу чести и совѣсти служатъ своему убѣжденію, громко исповѣдуютъ его и жертвуютъ своимъ временемъ, трудомъ и средствами для чего бы то ни было, предпринимаемаго къ достиженію этой цѣли. Всего хуже бываетъ въ томъ случаѣ, когда подобные люди находятся въ томъ положеніи, которое не даетъ имъ доступа къ тому, что называется лучшимъ обществомъ, но и не исключаетъ ихъ изъ него. Здѣсь все рѣшается главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что свѣтъ думаетъ о личныхъ качествахъ человѣка. Воспитаніе и образъ жизни извѣстнаго люда могутъ стоять внѣ всякаго нареканія, но если онъ сочувствуетъ общественному поведенію и мнѣніямъ, антипатичнымъ для тѣхъ, кто заправляетъ тономъ общества, то это равносильно дѣйствительному изгнанію его изъ этого круга. Многія жены воображаютъ (и изъ десяти девять разъ совершенно ошибочно), что если онѣ и ихъ мужья и не вращаются въ высшемъ обществѣ края, въ томъ обществѣ, къ которому допущены совершенно свободно многіе ихъ знакомые изъ того же класса — то только потому, что мужъ, къ несчастію, диссентеръ или имѣетъ репутацію человѣка, заразившагося по-

литикой низшаго радикализма. Это-то, по мнѣнію жены, и мѣшаетъ ея Джорджу получить должность или мѣсто, а Каролинѣ — составить выгодную партію — это, то и не позволяетъ ей и мужу добиться связей, быть можетъ, почестей, на которыя они, какъ полагаетъ жена, имѣютъ такое же право, какъ и многіе другіе. При такомъ вліяніи, дѣйствующемъ въ каждомъ домѣ — успѣшно или, въ случаѣ неудачи, тѣмъ съ большей энергіей — можно ли удивляться, что люди вообще удерживаются въ той достоуважаемой, приличной посредственности, которая сдѣлалась характеристической чертой новѣйшаго времени?

Но мы должны обратить вниманіе и на другой чрезвычайно важный вредъ, производимый если не стѣсненіемъ женскихъ правъ непосредственно, то во всякомъ случаѣ тою бездною, какую это стѣсненіе кладетъ между воспитаніемъ мужчинъ и женщинъ. Ничто не можетъ быть такъ неблагопріятно для союза мыслей и наклонностей, который составляетъ идеалъ брачной жизни, какъ эта дисгармонія. Интимное согласіе между двумя діаметрально-несходными лицами—вѣдь это одна пустая мечта. Несходство можетъ привлекать, но только одно сходство имѣетъ силу удерживать. Вмѣстѣ

съ степенью сходства соразмѣряется способность супруговъ доставить одинъ другому счастливую жизнь. При такомъ рѣзкомъ несходствѣ женщинъ съ мужчинами нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что себялюбивые мужчины чувствуютъ необходимость захватить произвольную власть въ свои руки, чтобы in limine предупреждать безконечныя столкновенія наклонностей втеченіи всей жизни, рѣшая всякій вопросъ по своему усмотрѣнію. Очень часто супруги совершенно добросовѣстно расходятся во мнѣніяхъ насчетъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. Можетъ ли быть проченъ бракъ, гдѣ имѣетъ мѣсто подобная разноголосица? А между тѣмъ вездѣ случается сплошь и рядомъ, что жены обнаруживаютъ упорно-настойчивый характеръ, такъ бываетъ даже вообще въ католическихъ странахъ, когда въ своемъ несогласіи жена поддерживается единственнымъ другимъ авторитетомъ, передъ которымъ ее выучили преклоняться,— священникомъ. Съ обыкновенной наглостью власти, непривыкшей встрѣчать себѣ противодѣйствія, протестантскіе и либеральные писатели порицаютъ вліяніе патеровъ на женщинъ не столько потому, что оно само по себѣ такъ худо, сколько потому,

что оно соперничаетъ съ властью мужа и возбуждаетъ мятежъ противъ его непогрѣшимости. Подобные раздоры случаются иногда и въ Англіи, когда жена евангелическаго вѣроисповѣданія соединяется брачными узами съ мужемъ, исповѣдующимъ ученіе другой церкви. Но вообще, по крайней мѣрѣ, этотъ источникъ ссоры уже уничтоженъ, такъ какъ умы женщинъ низведены до такого ничтожества, что онѣ не имѣютъ больше никакихъ другихъ мнѣній, кромѣ тѣхъ, которыя укажетъ пресловутый qu'en dira-t-on или навяжетъ воля мужа. Но если нѣтъ разногласія во мнѣніяхъ, то ужь одно несходство вкусовъ можетъ быть совершенно достаточнымъ для того, чтобы мутить счастіе супружеской жизни. Увеличеніе природныхъ различій между двумя полами различіями воспитанія можетъ, пожалуй, пріятно щекотать любовныя наклонности мужчинъ, но это не ведетъ къ брачному счастію. Если супруги—благовоспитанные и, по своимъ поступкамъ, порядочные люди, то они примиряются со вкусами другъ друга; но развѣ эта взаимная уступчивость имѣется въ виду заранѣе, передъ вступленіемъ въ бракъ? Различныя наклонности весьма естественно порождаютъ различныя желанія

по всѣмъ вопросамъ домашней жизни, если только не обуздываются сердечной привязанностью и чувствомъ долга. Какъ различны должны быть желанія относительно того общества, съ которымъ каждый изъ супруговъ хочетъ вести знакомство, бывать въ немъ и принимать у себя въ домѣ! Всякій старается окружить себя людьми, близкими къ нему по вкусамъ; лица, пріятныя для одного, будутъ совершенно чужими или положительно антипатичными для другого. И однако всѣ они должны быть общими знакомыми мужа и жены, потому что супруги теперь ужь не живутъ въ совершенно различныхъ частяхъ дома и не имѣютъ всякій своихъ особыхъ гостей, какъ дѣлалось въ эпоху Людовика XV. Различныя желанія неизбѣжны также и при воспитаніи дѣтей: всякій хочетъ видѣть въ нихъ воспроизведеніе своихъ собственныхъ чувствъ и наклонностей. Дѣло улаживается или обоюднымъ соглашеніемъ, причемъ одна изъ сторонъ не удовлетворяется вполнѣ или жена должна уступить — часто съ глубокимъ страданіемъ; но втайнѣ вліяніе ея, умышленно или неумышленно, продолжаетъ противодѣйствовать планамъ мужа.

Разумѣется, въ высшей степени было бы нелѣпо

приписывать всѣ эти различія въ чувствахъ и наклонностяхъ исключительно тому, что женщины воспитываются иначе, чѣмъ мужчины. Но все позволяетъ намъ утверждать, что неодинаковое воспитаніе неизмѣримо увеличиваетъ эти различія и дѣлаетъ ихъ положительно неизбѣжными. При настоящемъ воспитаніи женщинъ всякая дѣйствительная гармонія вкусовъ и желаній въ обыденной жизни между мужчиной и женщиной достигается чрезвычайно рѣдко. Вообще же они должны безнадежно отказываться отъ такого согласія и отъ всякой попытки къ тому, чтобы другой спутникъ ихъ будничной жизни былъ проникнутъ тѣмъ *idem velle, idem nolle*, которое является непремѣннымъ, признаннымъ условіемъ всякаго интимнаго сожительства. Если же мужу и удастся достигнуть этой цѣли, то не иначе, какъ выборомъ такой жены, которая, по своему положительному ничтожеству, не можетъ имѣть сама никакого *velle* или *nolle*, но всегда съ готовностью расположена плясать по чужой дудкѣ. Впрочемъ и въ этомъ разсчетѣ можно иногда ошибиться. Обезличенная тупость и неразвитость смысла не всегда служатъ гарантіей покорности, которая ожидается отъ нихъ такъ довѣрчиво.

Но если бы было и такъ — неужели же это идеалъ брака? Чтоже въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ чрезъ него мужчина, какъ не старшую служанку въ домѣ, кормилицу или наложницу? Напротивъ, если каждый изъ супруговъ, вмѣсто того, чтобы быть ничѣмъ, представляютъ собою нѣчто самостоятельное, если они горячо привязаны другъ къ другу и уже въ самомъ началѣ не раздѣлены слишкомъ рѣзкимъ несходствомъ, то постоянное участіе въ тѣхъ же самыхъ дѣлахъ, при помощи личной симпатіи, развиваетъ въ каждомъ изъ нихъ скрытую наклонность интересоваться тѣми предметами, которые вначалѣ были интересны только для другого. Это ведетъ къ постепенному уподобленію вкусовъ и характеровъ между двумя лицами—частію чрезъ нечувствительную перемѣну въ каждомъ, но еще болѣе вслѣдствіе дѣйствительнаго обогащенія обѣихъ натуръ, изъ которыхъ каждая присоединяетъ вкусъ и способности своей подруги къ своимъ собственнымъ. Это часто происходитъ между двумя друзьями одного пола, тѣсно-связанными между собою въ ихъ обыденной жизни. Тоже было бы во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ ихъ, и при брачномъ сожитель-

ствѣ, если бы совершенно разнохарактерное воспитаніе обоихъ половъ не ставило почти непреодолимыхъ преградъ къ образованію дѣйствительныхъ, достаточно-солидарныхъ союзовъ.

Будь это неудобство устранено, то какъ бы они ни были различны въ личныхъ вкусахъ, все-таки, по крайней мѣрѣ, полное согласіе и единодушіе въ важнѣйшихъ вопросахъ жизни сдѣлалось бы общимъ правиломъ. Когда оба супруга одинаково заботятся о важныхъ предметахъ, помогаютъ другъ другу, взаимно ободряютъ одинъ другого во всемъ, что относится къ этимъ предметамъ, то въ мелкихъ интересахъ вкусы ихъ могутъ расходиться—для нихъ это не составляетъ большой важности. И здѣсь-то кладется основаніе дѣйствительной дружбы, болѣе прочной, чѣмъ какую могутъ доставить всякія другія отношенія дружбы, продлжающейся чрезъ всю жизнь, и для каждаго изъ супруговъ становится пріятнѣе угождать другому, чѣмъ требовать личной угоды себѣ.

До сихъ поръ мы разсматривали, какъ дѣйствуетъ на удовольствія и выгоды брачнаго союза только одно несходство между женою и мужемъ. Но зло

увеличивается еще самымъ безотраднымъ образомъ, когда несходство заключается въ умственной отсталости. Одно простое несходство,—если имъ означается только различіе въ добрыхъ качествахъ,—можетъ быть скорѣе полезно — путемъ взаимнаго исправленія, чѣмъ служить помѣхою счастливому существованію. Когда каждый изъ супруговъ желаетъ и старается усвоить особенности другого, то это ведетъ не къ дисгармоніи интересовъ, но къ большему ихъ сближенію, и дѣлаетъ каждое изъ двухъ лицъ еще пріятнѣе для другого. Но когда одинъ изъ сожительствующихъ сильно отстаетъ отъ другого въ умственномъ развитіи и не прилагаетъ дѣятельныхъ стараній, чтобы подняться до уровня другого, при его помощи, то подобный союзъ оказываетъ на болѣе развитаго самое неблагопріятное дѣйствіе — въ маломальски счастливомъ бракѣ еще болѣе. чѣмъ въ несчастномъ. Умственно развитый не можетъ безнаказанно запираться вмѣстѣ съ недоразвитымъ и избирать его единственнымъ, тѣсно-связаннымъ съ нимъ интимнымъ участникомъ жизни. Всякое неулучшающее общество неизбѣжно портитъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ оно тѣснѣе и своеобычнѣе. Даже вполнѣ развитый

человѣкъ начинаетъ умственно падать, когда обыкновенно вращается въ такомъ обществѣ, гдѣ онъ составляетъ исключительный умственный феноменъ, а въ такомъ именно положеніи всегда находится мужчина, котораго обычную компанію составляетъ умственно-отстающая отъ него жена. Тогда какъ въ немъ, съ одной стороны, постоянно подстрекается чувство самодовольства, съ другой онъ также безостановочно усвоиваетъ себѣ мысли и воззрѣнія, характеризующія болѣе вульгарный или болѣе ограниченный умъ, чѣмъ какимъ онъ обладаетъ самъ. Зло это отличается отъ многихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами, вредныхъ послѣдствій въ томъ отношеніи, что оно постепенно возрастаетъ. Теперь женщины и мужчины гораздо ближе соединяются между собою въ обыденной жизни, чѣмъ это было когда нибудь прежде. Жизнь мужчинъ сдѣлалась болѣе домашнею. Прежде ихъ удовольствія и избранныя занятія имѣли мѣсто между мужчинами и въ ихъ компаніи: женамъ отдавалась только одна отрывочная часть изъ ихъ жизни. Въ наше время успѣхи цивилизаціи и поворотъ общественнаго мнѣнія уже изгнали грубыя развлеченія и богатырскія попойки, наполнявшія прежде досужіе часы большинства мужчинъ; не слѣдуетъ забывать также и о лучшемъ тонѣ новѣйшихъ понятій относительно взаимнаго долга, обязывающаго мужа къ его женѣ. Все это гораздо болѣе сблизило мужчину, въ его личныхъ и общественныхъ развлеченіяхъ, съ домомъ и домашними, тогда какъ нѣкоторое улучшеніе въ воспитаніи женщинъ сдѣлало ихъ въ извѣстной степени способными къ принятію участія въ его идеяхъ и вкусахъ, хотя все еще держитъ ихъ неизмѣримо ниже мужчины. Такимъ образомъ его потребность въ умственномъ сообщеніи удовлетворяется такимъ обществомъ, отъ котораго онъ не почерпаетъ ничего полезнаго.

Невѣжественное, коснѣющее въ застоѣ сожительство замѣняетъ для него общество равныхъ по правамъ и сподвижниковъ въ преслѣдованіи высшихъ цѣлей,—то общество, котораго онъ долженъ былъ бы искать внѣ брачнаго тормаза. Вотъ почему мы видимъ, что молодые люди съ самыми блестящими задатками перестаютъ развиваться, чуть только оженятся и, переставъ развиваться, неудержимо идутъ заднимъ ходомъ вспять.

Если жена не толкаетъ мужа впередъ, то всегда тянетъ его назадъ. Онъ перестаетъ интересоваться

тѣмъ, о чемъ не хлопочетъ она; симпатичное съ нимъ по его прежнимъ стремленіямъ общество уже не привлекаетъ его, и онъ кончаетъ тѣмъ, что не терпитъ, избѣгаемъ его, да и самое общество это съ презрѣніемъ видитъ теперь въ немъ отщепенца отъ своей среды. Высшія способности его ума и сердца уже не возбуждаются къ дѣятельности. Эта перемѣна, при содѣйствіи новыхъ и себялюбивыхъ интересовъ, созданныхъ семействомъ, ведетъ къ тому, что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ ни въ чемъ не отличается отъ тѣхъ господъ, всѣ желанія которыхъ сосредоточиваются на угожденіи пошленькому тщеславію и на пошленькихъ денежныхъ интересахъ.

Не стану описывать, каковъ могъ бы быть бракъ между двумя образованными лицами, если бы, при одинаковости мнѣній и цѣлей, они были соединены наилучшимъ видомъ равенства—сходствомъ правъ и умственныхъ достоинствъ, причемъ, однако, допускается обоюдное превосходство въ томъ или другомъ отношеніи, такъ чтобы каждый изъ супруговъ имѣлъ наслажденіе въ признаніи авторитета другого—руководить и быть въ свою очередь руководимымъ напути развитія. Для тѣхъ, кто можетъ представить себѣ такую жизнь, всякія описанія совершенно излишни, а кто не можетъ, тому они покажутся мечтою пылкаго утописта. Но я утверждаю, съ глубочайшимъ моимъ убѣжденіемъ, что этотъ и притомъ только одинъ этотъ порядокъ можетъ быть идеаломъ брака и что во всѣхъ мнѣніяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ, поддерживающихъ другое о немъ понятіе или отклоняющихъ относящіяся сюда стремленія и взгляды въ другую сторону,—должно видѣть остатки первобытнаго варварства, какими бы мнимыми мотивами оно ни замаскировывалось. Нравственное возрожденіе человѣчества тогда только начнется дѣйствительно, когда самыя краеугольныя изъ всѣхъ соціальныхъ отношеній будутъ поставлены подъ контроль равной справедливости и когда люди выучатся питать сильнѣйшее симпатическое чувство къ равнымъ себѣ по правамъ и умственному развитію.

Въ этомъ смыслѣ выгоды, какихъ могутъ ожидать люди, переставъ считать извѣстный полъ препятствіемъ къ правамъ и стигматомъ подчиненія, имѣютъ скорѣе общественный, чѣмъ индивидуальный характеръ: они заключаются въ увеличеніи общей массы мыслящей и дѣйствующей силы и въ улучшеніи об-

щихъ условій ассоціаціи между мужчинами и женщинами. Но было бы въ высшей степени несправедливо ограничивать результатъ только этою пользою и выпускать изъ вида наиболѣе прямую выгоду—неизмѣримое приращеніе въ частномъ благополучіи цѣлой половины человѣческаго рода, переходъ отъ жизни, подчиненной волѣ другихъ, къ существованію въ духѣ разумной свободы. Послѣ пищи и одежды—этихъ первыхъ насущныхъ потребностей—свобода составляетъ для человѣческой природы наиболѣе настоятельную необходимость. Пока люди живутъ безъ законовъ, предметъ ихъ желаній составляетъ беззаконная свобода. Но выучившись понимать значеніе долга и важность разумнаго права, они болѣе и болѣе склоняются стать подъ ихъ контроль и руководство въ пользованіи своею свободою, но тѣмъ не менѣе они желаютъ свободы и вовсе не расположены считать волю другихъ олицетвореніемъ и выраженіемъ этихъ руководящихъ принциповъ. Напротивъ, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ право разума было наиболѣе развито, гдѣ идея общественнаго долга обладала наибольшею силою,—тамъ-то всего прочнѣе выработалась свобода личнаго дѣйствія, т. е. свобода каждаго руко-

водить свое поведеніе собственнымъ своимъ чувствомъ долга и тѣми законами и соціальными ограниченіями, какія могутъ быть продиктованы его собственною совѣстью. Кто захочетъ правильно оцѣнить значеніе личной независимости для человѣческаго счастья, пусть взвѣситъ всю ея важность въ примѣненіи къ своей собственной природѣ. Никогда люди такъ не склонны впадать въ противорѣчіе съ самими собою, какъ принимаясь судить о томъ, что нужно для себя и что нужно для другихъ ближнихъ. Если кто нибудь слышитъ жалобы другихъ на стѣсненіе ихъ свободы дѣйствій, вслѣдствіе чего ихъ собственная воля не оказываетъ достаточнаго вліянія на улаженіе ихъ интересовъ, то слышащій это всегда склоненъ спросить: въ чемъ же заключаются ихъ претензіи? Какой положительный вредъ или изъянъ они терпятъ? Въ какомъ отношеніи они могутъ сказать, что дѣла ихъ управляются плохо? И если жалующіеся не найдутся отвѣтить на эти вопросы убѣдительнымъ, по его мнѣнію, образомъ, онъ остается для нихъ глухъ и считаетъ всѣ ихъ жалобы просто капризной плаксивостью людей, которыхъ не убла-

готворишь никакою правдою. Но совершенно другую мѣрку сужденія онъ прикидываетъ къ своей собственной особѣ. Самое безукоризненное завѣдываніе его интересами чрезъ поставленнаго надъ нимъ опекуна приходится ему не по сердцу; личное исключеніе его отъ рѣшающей въ дѣлахъ власти само по себѣ кажется ему такой вопіющей неправдой, которая дѣлаетъ излишнимъ входить въ разбирательства дурного управленія. Тоже бываетъ и съ народами. Какой гражданинъ свободной страны прельстится обѣщаніями добраго и умнаго управленія цѣною своего отреченія отъ свободы? Если бы даже онъ и повѣрилъ тому, что доброе и умное управленіе возможно для людей, управляемыхъ не своею собственною, а чужою волею, то развѣ сознаніе того, что онъ распоряжается своею судьбою, подъ своей нравственной отвѣтственностью не доставитъ ему внутренняго вознагражденія за всѣ промахи и несовершенства въ подробностяхъ общественнаго дѣловодства? Пусть же онъ убѣдится, что все сознаваемое имъ въ этомъ отношеніи женщины чувствуютъ совершенно одинаково съ нимъ. Отъ временъ Геродота и до нашихъ дней много было писано и говорено относительно об-

лагораживающаго вліянія свободнаго правительства— объ энергіи и свѣжести, сообщаемыхъ имъ всѣмъ способностямъ человѣка, о болѣе широкихъ и возвышенныхъ предметахъ, представляемыхъ уму и чувствамъ, о менѣе корыстномъ общественномъ духѣ, о болѣе спокойномъ и широкомъ сознаніи долга, порождаемомъ имъ, наконецъ, вообще о болѣе высокомъ уровнѣ, на который свободное управленіе поднимаетъ всего человѣка — какъ существо индивидуальное и нравственное. Все это во всѣхъ частяхъ порознь одинаково справедливо по отношенію какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. И развѣ всѣ эти вещи не играютъ важной роли въ личномъ счастіи? Пусть всякій припомнитъ себѣ то, что онъ чувствовалъ, когда выходилъ изъ лѣтъ дѣтства, высвобождаясь изъ подъ опеки и контроля даже нѣжно-любимыхъ и любящихъ родителей и вступая въ отвѣтственность возмужалаго возраста. Не было ли это похоже на сваливанье съ себя тяжелаго бремени или на разрываніе стѣсняющихъ, хотя бы и не давящихъ больно цѣпей? Не чувствовалъ ли онъ себя вдвойнѣ живымъ, вдвойнѣ человѣкомъ? И можетъ ли онъ воображать, что женщины не имѣютъ ничего подобнаго этимъ чув-

ствамъ? Но въ высшей степени замѣчательно, что поощреніе и уваженіе личной гордости, хотя и принимаются близко къ сердцу большинствомъ людей, когда дѣло касается ихъ, однако менѣе признаются въ другихъ ближнихъ и менѣе считаются резонными основаніями поступковъ, чѣмъ какое либо другое природное человѣческое чувство; быть можетъ, это потому, что мужчины—чуть дѣло коснется лично ихъ—изукрашиваютъ себя такою номенклатурою всякихъ лестныхъ качествъ, что уже теряютъ чутье къ пониманію того, какое могущественное вліяніе чувства эти оказываютъ въ ихъ собственной жизни. Смѣемъ увѣрить, что и въ жизни женщинъ подобныя ощущенія играютъ не менѣе важную, рѣшительную роль. Женщинъ учатъ только стѣснять самое естественное и здоровое ихъ направленіе, но внутренній принципъ все-таки остается, выражаясь въ совершенно различной внѣшней формѣ. Откажите дѣятельному и энергическому уму въ свободѣ — онъ станетъ искать господства; не давайте ему права господствовать надъ самимъ собою, онъ будетъ обезпечивать свою личность, стараясь захватить команду надъ другими. Позволяя людямъ жить не своею собственною, а зависимою отъ другихъ жизнію, вы выдаете премію на подчиненіе этихъ другихъ планамъ первыхъ. Тамъ, гдѣ на свободу надѣяться нельзя, а на господство можно—власть дѣлается великимъ предметомъ человѣческихъ домогательствъ. Тѣ лица, которымъ не даютъ возможности совершенно свободно распоряжаться своими собственными дѣлами, въ отмщеніе за себя станутъ, если это для нихъ возможно, вмѣшиваться въ дѣла другихъ ради собственныхъ видовъ. Отсюда—погоня женщинъ за личной красотой, нарядами и внѣшнимъ блескомъ, отсюда все, порождаемое этой погоней, зло-губительный развратъ и общественное растлѣніе. Страсть къ господству и любовь къ свободѣ находятся въ вѣчномъ антагонизмѣ между собою.

Тамъ, гдѣ свобода наиболѣе стѣснена, погоня за властью проявляется съ самой горячей и наглой энергіей. Желаніе господствовать надъ другими тогда только перестанетъ быть позорнымъ двигающимъ рычагомъ между людьми, когда каждый изъ нихъ индивидуально научится обходиться безъ вмѣшательства власти, что возможно только тамъ, гдѣ уваженіе къ свободѣ, въ сферѣ личныхъ интересовъ каждаго, сдѣлалось твердо-установившимся принципомъ.

Но не одно только чувство личнаго достоинства дѣлаетъ изъ свободнаго направленія способностей и самостоятельнаго распоряженія ими источникъ счастія, тогдакакъ всякія путы и оковы въ этомъ отношеніи ведутъ къ несчастію людей вообще, которое для женщинъ нисколько не становится меньшимъ. Послѣ болѣзней, нищеты и преступленій ничто такъ не мѣшаетъ свѣтлому пользованію жизнію, какъ недостатокъ какого либо разумнаго исхода для дѣятельныхъ способностей. Женщины, живущія въ собственныхъ семействахъ, имѣютъ этотъ исходъ, пока заняты семейными заботами, которыхъ обыкновенно для нихъ хватаетъ совершенно достаточно. Но что дѣлать постепенно возрастающей массѣ женщинъ, неимѣвшихъ случая обратиться къ тому, что злая иронія называетъ ихъ настоящимъ призваніемъ? Что дѣлать женщинамъ, которыхъ дѣти были у нихъ отняты смертію или разлукою, или подросли, оженились и обзавелись своимъ собственнымъ семейнымъ очагомъ? Очень многіе мужчины, проведя жизнь, полную дѣловыхъ тревогъ, на остатокъ дней удаляются почить на лаврахъ и пожить въ полную сласть, какъ они надѣятся; но такъ какъ эти люди неспособны создать для себя новыхъ интересовъ и ощущеній, взамѣнъ прежнихъ, то подобный переходъ къ досужей жизни готовитъ имъ скуку, хандру и преждевременную смерть. Въ примѣрахъ подобныхъ мужчинъ нѣтъ недостатка, а между тѣмъ никто не хочетъ допустить такого же положенія для очень многихъ весьма почтенныхъ и способныхъ женщинъ, которыя честно выплативъ все то, что имъ выставляли долгомъ къ обществу — безупречно выростивъ сыновей и дочерей, прохозяйничавъ въ домѣ такъ долго, какъ это было нужно—лишаются единственнаго дѣла, къ которому онѣ привыкли и остаются съ неослабившеюся жаждою дѣятельности, но безъ всякой для нея цѣли, если только дочь или невѣстка не захочетъ отказаться въ ея пользу отъ веденія своего собственнаго хозяйства. Правду сказать, невеселая доля для тѣхъ женщинъ пожилыхъ лѣтъ, которыя добросовѣстно и до тѣхъ поръ, пока это отъ нихъ требовалось, исполняли то, что мнѣніе свѣта назязывало имъ, какъ ихъ исключительную общественную обязанность.

Религія и милосердіе — вотъ, говоря вообще, единственныя убѣжища для такихъ женщинъ, также

какъ и для многихъ другихъ, которыя, оставаясь непричастными и къ этой обязанности, влачатъ свою жизнь съ сознаніемъ невыполненнаго призванія и съ зудомъ дѣятельности, сдерживаемой уздою запретовъ. Но женская религія, придираясь только къ чувству и къ исполненію обрядовъ, не можетъ быть религіей дѣла иначе, какъ выражаясь въ формѣ милосердія. Для дѣлъ милосердія онѣ какъ нельзя лучше приспособлены самой природой; но чтобы оказывать милосердіе съ практическою пользою, или хотя бы только безвредно, нужны воспитаніе, многосторонняя подготовка, знаніе и мыслительная сила опытнаго администратора.

Кто умѣетъ съ пользою завѣдывать милосердіемъ, тотъ способенъ чуть ли не ко всѣмъ административнымъ отправленіямъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ (въ особенности, что касается воспитанія дѣтей), обязанности, разрѣшаемыя женщинѣ, могутъ быть отправляемы разумнымъ образомъ безъ должной къ тому дѣлу подготовки, въ которой, однако, женщинамъ положительно отказывается, къ немалому ущербу для общества. Здѣсь кстати указать на ту курьезную постановку, какую даютъ во-

просу о женской неумѣлости нѣкоторые господа, находящіе, что легче отдѣлываться смѣхотворными карикатурами, чѣмъ отвѣтами на серьезныя возраженія.

Когда говорятъ, что исполнительная способность и благоразумные совѣты женщинъ могли бы иногда быть полезными въ государственныхъ дѣлахъ, то эти любители краснаго словца потѣшаются надъ тѣмъ, какъ, дескать, забавно видѣть въ парламентѣ или кабинетѣ засѣданіе семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ или двадцатидвухлѣтнихъ женъ, прямо перенесенныхъ изъ гостиной въ палату общинъ. Но остряки забываютъ при этомъ, что въ такомъ раннемъ возрастѣ обыкновенно не выбираютъ и мужчинъ для засѣданій въ парламентѣ или для отвѣтственныхъ политическихъ обязанностей. Здравый смыслъ могъ бы одинъ уже подсказать, что если бы такія обязанности и были поручаемы женщинамъ, то только такимъ, которыя, не чувствуя особеннаго призванія къ брачной жизни или предпочитая другое употребленіе своихъ способностей, пожертвовали лучшими годами молодости, чтобы, по мѣрѣ силъ, подготовить себя къ дѣятельности, составляющей предметъ ихъ желаній. Вѣдь и теперь даже многія женщины пред-

почитаютъ браку тѣ честныя занятія, которыя дозволены имъ съ такою скаредностью. Въ особенности выборъ этотъ падалъ бы, можетъ быть, на женъ и вдовъ лѣтъ подъ сорокъ или пятьдесятъ, такъ какъ ихъ знакомство съ жизнію и способность къ управленію, пріобрѣтенная въ семействахъ, могутъ, при содѣйствіи должной научной подготовки, принести пользу въ болѣе обширной сферѣ... Въ Европѣ нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы умнѣйшіе мужчины не узнали неоднократно опытомъ и не свидѣтельствовали громко о томъ, что совѣтъ и помощь смышленыхъ, опытныхъ женщинъ дѣлаются весьма полезными при достиженіи какъ частныхъ, такъ и общественныхъ цѣлей. Въ нѣкоторыхъ важныхъ отрасляхъ публичной администраціи такія женщины положительно заткнутъ за поясъ большинство мужчинъ, — между прочимъ въ обстоятельномъ веденіи приходорасходнаго бюджета. Но мы говоримъ здѣсь вовсе не о пользѣ, какую можетъ извлечь общество изъ оффиціальной службы женщинъ, но о той тупой, безотрадной жизни, на какую оно такъ часто обрекаетъ женщинъ, закрывая для способностей, сознаваемыхъ многими изъ нихъ, всякую другую болѣе, широкую сферу дѣ-

тельности, кромѣ той, которая для однѣхъ можетъ быть внезапно закрыта, а для другихъ никогда и не открывалась. Если на свѣтѣ и есть что нибудь существенно важное для счастья людей—то это возможность полюбить свое обычное занятіе. Это условіе отраднаго существованія вообще удовлетворяется очень недостаточно, а для громаднаго большинства людей оно и совершенно вычеркивается, но такое вычеркиванье искалѣчиваетъ не одну человѣческую жизнь, одаренную, повидимому, самыми богатыми задатками успѣха. Но если обстоятельства, которыхъ общество еще не умѣетъ преодолѣть, часто дѣлаютъ такое уродованье неизбѣжнымъ въ настоящее время, то общество все же не должно навлекать такую пытку само на себя. Неразуміе родителей, неопытность самого юноши или отсутствіе внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для выбора своего настоящаго призванія вмѣсто нелюбимаго дѣла, за которое, однако, представляется возможность взяться — все это осуждаетъ множество людей на всю жизнь возиться съ своимъ дѣломъ нерадиво и съ отвращеніемъ, тогда какъ есть другія занятія, которыя спорились бы у нихъ успѣшно и были бы для нихъ пріятны. Но на

женщинъ приговоръ этотъ налагается дѣйствующимъ закономъ или равносильнымъ закону обычаемъ. Различіе пола имѣетъ для женщинъ тоже роковое значеніе, что въ непросвѣщенныхъ обществахъ—цвѣтъ кожи, племенное происхожденіе, религія или, какъ въ покоренной странѣ, національность. Это—неумолимое устраненіе почти отъ всѣхъ болѣе или менѣе почтенныхъ занятій за исключеніемъ тѣхъ, которыя не могутъ быть выполнены другими или которыя въ глазахъ этихъ другихъ представляются слишкомъ для нихъ низкими. Страданія, порождаемыя этого рода причинами, обыкновенно встрѣчаютъ такое слабое сочувствіе, что очень немногіе способны понимать всю глубокую скорбь, вызываемую даже теперь сознаніемъ безплодно-истраченной жизни. Подобныя чувства будутъ, однако, имѣть мѣсто чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ идеи и способности женщинъ, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, будутъ все менѣе и менѣе соотвѣтствовать тѣмъ узкимъ рамкамъ, въ которыя общество втиснуло всю ихъ дѣятельность.

Итакъ, утрата наиболѣе разумнаго и облагораживающаго элемента въ сферѣ личныхъ радостей, долгожизненная истома, безцѣльность, скорбное недовольство жизнію, такъ часто замѣняющія для женщины всѣ эти радости — вотъ положительное зло, убивающее безправную половину человѣческаго рода вслѣдствіе этого самаго безправія. Принявъ все это въ соображеніе, нельзя не чувствовать, что для успѣшной борьбы со всѣми неизбѣжными несовершенствами земного жребія людямъ всего нужнѣе было бы выучиться не отягощать всѣхъ насылаемыхъ самою природою золъ еще ревнивыми и неразумными стѣсненіями другъ друга. Ихъ напрасныя опасенія рождаютъ только новыя и худшія бѣдствія вмѣсто тѣхъ, которыхъ они неосновательно страшатся: всякое стѣсненіе свободы другихъ ближнихъ, въ ихъ личномъ поведеніи (если только это дѣлается не съ цѣлью подавленія уже произведеннаго ими зла), отравляетъ главный источникъ человѣческаго счастія и дѣлаетъ всю расу въ самой безотрадной степени бѣднѣе во всемъ, чѣмъ только можетъ быть красна жизнь человѣка.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЖЕНСКІЕ ТИПЫ.

(Статья Іоганна Шерра.)

При всемъ легальномъ безправіи женщинъ, при всемъ игнорированіи мужчиною ея индивидуальныхъ и общественныхъ правъ всякій, изъ мало-мальски серьознаго изученія исторіи, легко можетъ вынести то убѣжденіе, что онѣ оказывали громадное вліяніе на общій ходъ человѣческаго прогресса въ самые рѣшительные его моменты. Женщины ввели христіанство въ Европу, женщины съ жаромъ поддерживали великую религіозно-соціальную реформу 16-го вѣка, женщины явились горячими поборницами того грандіознаго соціальнаго переворота, который, разшатавъ до самыхъ основъ все зданіе прежней обветшавшей жизни, создалъ новыя идеи, новыя силы, новое общество. Это служитъ отвѣтомъ тѣмъ изъ оппонентовъ Милля, которыхъ такъ пугаетъ консерватизмъ женщинъ, будто бы вытекающій изъ условій самой ихъ природы. Переходя къ отдѣльнымъ личностямъ, мы видимъ, что самые свѣтлые и энергическіе изъ дѣятелей-мужчинъ были обязаны своими лучшими начинаніями именно женскому вліянію. Чтобы нѣсколько обстоятельнѣе освѣтить вопросъ этотъ и вмѣстѣ дать большую законченность настоящему очерку англійскаго мыслителя, мы предлагаемъ читателямъ въ переводѣ послѣднюю главу изъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ сочиненія Іог. Шерра: Geschichte der deutschen Frauenwelt (Исторія нѣмецкихъ женщинъ). Кажется, нѣтъ надобности напоминать читателю, что имя это принадлежитъ одному изъ очень немногихъ безукоризненно-честныхъ дѣятелей германской литературы

«Стремиться къ нравственному идеалу», «держать скипетръ высокой нравственности»—вотъ въ чемъ геній нѣмецкой націи полагалъ истинное призваніе женщины. Все что можетъ женщина сдѣлать прекраснаго высокаго, благотворнаго, — совершается въ области нравственныхъ идеаловъ. Въ женщинахъ также живетъ

геній и посредствомъ него избранныя изъ этого пола могутъ присоединять къ своей зарождающей, охраняющей, поддерживающей роли также творческую дѣятельность мужчины, хотя всегда въ меньшемъ масштабѣ и безъ дѣйствительной оригинальности, такъ какъ для женщины обыкновенно невозможно поставить себя въ строго-объективное отношеніе къ окружающему міру.

Женщина не должна желать смахивать на мужчину, или она дѣлается карикатурою. Мужчина характеризуется благороднымъ, великимъ дѣломъ, женщина свѣтлымъ отношеніемъ къ жизни, до котораго можетъ подняться всякая женщина въ своей сферѣ: ей нужно только слушаться своего нравственнаго инстинкта, вложеннаго въ нее самой природой. Для нея нѣтъ надобности прибѣгать къ размышленію, чтобы попасть въ настоящую цѣль: къ ней ведетъ женщину одна естественная необходимость. Во всѣ времена женщины участвовали въ историческомъ развитіи человѣчества, но всего благотворнѣе дѣятельность ихъ была тамъ, гдѣ онѣ, оставаясь истинными женщинами, заставляли мужчинъ быть истинными мужчинами

Историкъ нѣмецкихъ женщинъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать, что огромное большинство знаменитыхъ женщинъ, которыми такъ щедро надѣлена была нѣмецкая земля въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи, принимало живое участіе въ умственной дѣятельности своего отечества. Если бы мы придавали большое значеніе одной сухой номенклатурѣ, то можно было бы здѣсь многія страницы наполнить именами артистокъ и писательницъ; но для нашей цѣли будетъ достаточно указать на нѣкоторыя особенно-характеристическія явленія. И во-первыхъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть о знаменитой художницѣ Ангеликѣ Кауфманъ, родившейся (1741 г.) въ Курѣ, что въ Брегенцервальдѣ, и скончавшейся въ Римѣ (1807 г.); она много содѣйствовала, въ особенности въ портретной живописи, переходу отъ педантическаго стараго стиля къ новѣйшему классическому направленію. Далѣе мы назовемъ пѣвицъ: Корону Шретеръ—предметъ страсти Гете — Шарлотту Гэзеръ, Паулину Мильдеръ, Генріэтту Зонтагъ, Вильгельмину Шрэдеръ-Девріентъ. На славу ученыхъ женщинъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, имѣли справедливое притязаніе

въ прошломъ столѣтіи Луиза Адельзунда Викторія Кульмусъ, умная жена сухого, благодушнаго педанта Готтшеда, открывшая первый литературный салонъ въ Германіи, и Доротея Шлецеръ, строго-воспитанная дочь знаменитаго публициста, которую философскій факультетъ въ Геттингенѣ удостоилъ степени доктора въ 1787 году. Самою серьозною научною писательницею нашего времени мы безспорно должны признать Терезу Адольфину Луизу Якобъ, родившуюся въ 1797 году въ Галле и писавшую подъ авторскимъ именемъ Тальви. Ея переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, ея изслѣдованія о славянскихъ языкахъ, о германской народной поэзіи, о достовѣрности или скорѣе о недостовѣрности Оссіана, наконецъ ея исторія колонизаціи въ Новой-Англіи остаются памятниками этой почтенной дѣятельности. Въ области поэзіи необозримый рядъ вдохновенныхъ женщинъ новаго времени открываетъ, въ періодѣ рококо, Луиза Каршъ, которой лира, настроенная для восхваленія Фридриха Великаго, удостоилась отъ него весьма некоролевской — двухъ-талерной платы. Внучкою ея была извѣстная Гельмина фонъ-Шези, которой жизнь представляетъ гораздо болѣе интересный романъ, чѣмъ какое бы то ни было изъ ея романическихъ произведеній. Но бабушкою всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ-романистовъ была Марія Софія Ларошъ, съ которою мы встрѣтимся еще далѣе. Она родилась въ 1731 году въ швабскомъ городѣ Кауфбейренѣ и умерла въ Оффенбахѣ въ 1807 году. Ея теперь совершенно забытая «Исторія фрейленъ фонъ-Штернгеймъ» (1771 г.) имѣла когда-то европейскую извѣстность. Очень немногія писательницы послѣдующаго времени могли поспорить съ нею по части литературной плодовитости. Всего ближе къ ней подходитъ Каролина Пихлеръ, по своему литературному успѣху, о которомъ теперь также почти нѣтъ и помину.

Другія женщины, получившія литературное образованіе или самостоятельно занимавшіяся авторствомъ, благодаря своему привилегированному положенію въ обществѣ, оказывали довольно значительное вліяніе на направленіе культуры въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія. Такова была княгиня Амалія Голицына, державшая въ Мюнстерѣ родъ мистико-философскаго двора, на которомъ фигурировали Гемстергуйсъ Фюрстенбергъ, Гаманнъ, Якоби, Штоль-

берги, хотя, разумѣется, такой человѣкъ, какъ Фоссъ, глядѣлъ на дворъ этотъ съ злобнымъ отвращеніемъ, считая его сборищемъ «обскурантовъ.» Далѣе не слѣдуетъ забывать Элизу фонъ-деръ-Реккс, одну изъ первыхъ нѣмецкихъ женщинъ, которыя возвели путешествіе и путевыя описанія на степень искуства. Эта извѣстная Элиза была сначала почитательницей великаго пройдохи Каліостро, потомъ разоблачила его плутни и, наконецъ, сдѣлалась музой пѣвца Уранiи—Тидге. Въ заключеніе сюда же слѣдовало бы причислить знаменитую,—если хотите, печально знаменитую Юліану фонъ-Крюднеръ, урожденную Фитингофъ изъ Курляндіи,—что-то двойственное между русскою и парижанкою, между вакханкой и кающейся грѣшницей, между политической интриганткой и религіозно-фанатической мечтательницею. Это была женщина, съѣдаемая ненасытной жаждой тревожной дѣятельности и непомѣрнымъ честолюбіемъ. Въ 1804 году она выступила на литературное поприще съ своимъ, написаннымъ по-французски романомъ «Валерія», который довольно рѣзко характеризовалъ общественное настроеніе на поворотѣ двухъ столѣтій; затѣмъ долгое время играла важную роль въ качествѣ

мистогога императора Александра I, предпринимала неоднократно миссіонерскія поѣздки по Европѣ, довольно нелюбезно нарушаемыя полиціей, и наконецъ въ 1824 году умерла въ Крыму, гдѣ хотѣла основать колонію въ крюднеровскомъ смыслѣ *).

Въ этомъ странномъ явленіи причудливо комбинируются традиціи піэтизма изъ добраго стараго времени, горячечная страстность періода ломки и дряблость директоріальной эпохи вмѣстѣ съ совершенно новымъ топомъ мистико-пророческаго соціализма. Но мы обратимся опять назадъ къ настоящему предмету этого очерка — къ тѣмъ избраннымъ жен-

*) Крюднеризмъ—былъ одною изъ многочисленныхъ формъ, въ которыхъ выразилась реакція романтическаго мракобѣсія и угнетенія противъ либеральнаго духа 18-го столѣтія.

Кающаяся магдалина—г-жа Крюднеръ, умѣвшая обморочить русскаго царя въ 1815 году въ Гейдельбергѣ, на его пути въ Парижъ, и потомъ въ французской столицѣ раздававшая своимъ адептамъ роли, какъ верховная жрица общины — эта оригинальная барыня можетъ считаться символою той грустной эпохи, которая начинается реставраціей Бурбоновъ. Впрочемъ эта лицемѣрная набожность и изувѣрство допускали въ антрактахъ презабавныя сцены, о которыхъ можно читать, напр., въ Souvenirs, tirés des papiers de m-me Récamier, 1859. I. 286.

щинамъ, которыя, въ качествѣ женъ, любовницъ и подругъ нашихъ великихъ поэтовъ, помогали имъ въ достиженіи ихъ благородныхъ цѣлей и потому заслужили глубокую признательность не только нашей родины (Германіи), но и всего образованнаго міра. За полнымъ комплектомъ именъ и чиселъ, или за кропотливымъ изложеніемъ подробностей мы вовсе не гонимся въ настоящемъ очеркѣ. Однако для исторіи женщинъ здѣсь можетъ встрѣтиться много характеристическаго, изъ чего мы ясно убѣдимся, что вплоть до нашихъ дней всегда находились женщины, достойныя быть поставленными на ряду съ благороднѣйшими геніями, которые украсили собой блестящій періодъ нашей литературы, и которымъ она неоднократно была обязана своими лучшими стремленіями. Сырое, грубо-чувственное представленіе любви, господствовавшее въ 17-мъ вѣкѣ и породившее въ литературѣ соотвѣтствующій колоритъ самой ярой похотливости и клубничнаго сладкогласія — продолжалось, правда, и за 18-е столѣтіе, однако все-таки на самомъ его порогѣ встрѣтилось съ оппозиціей, которая принимала все болѣе и болѣе рѣзкій и настойчивый тонъ. Противъ скотскаго понятія о женщинахъ, какъ объ

орудіяхъ удовлетворенія животной похоти, было высказано болѣе честное, болѣе человѣческое слово, не только внушившее мужчинамъ уваженіе къ достоинству другого пола, но также заставившее и этотъ другой полъ оглянуться на себя съ большимъ самоуваженіемъ.

Въ то самое время, когда галантные кавалеры и дамы нѣмецкихъ дворовъ съ нѣгою упивались нарочито-клубничнымъ стихотворнымъ произведеніемъ господина фонъ-Бессера («tie Schooss der Geliebten» т. е. груди возлюбленной), другой придворный поэтъ господинъ фонъ-Канитъ написалъ надгробную оду на смерть своей супруги Доротеи фонъ-Арнимъ и съ особенною силою восхвалялъ добродѣтели покойницы, какъ бывшей жены, хозяйки и матери. Съ гораздо большею сердечною теплотою эти честныя свойства женскаго характера изображаются въ поэтическомъ соболѣзнованіи, которымъ, сорокъ лѣтъ позже 1736 г.), Альбрехтъ фонъ-Галлеръ почтилъ гробъ «своей возлюбленной жены Маріанны». Но великій поворотъ отъ грубаго матеріализма къ идеализму, во взглядѣ на отношенія между двумя полами, былъ произведенъ въ настоящемъ смыслѣ Клопштокомъ. Этотъ поэтъ, глу-

боко-почитаемый своимъ временемъ, какъ какой нибудь священный ясновидецъ, былъ не только возстановителемъ нравственнаго достоинства поэзіи, но и глашатаемъ идеальной любви. Онъ опять возвратилъ въ отношенія между двумя полами симпатію душъ, нѣжность чувства, религіозный энтузіазмъ. Полными грудными звуками онъ воспѣвалъ въ женщинѣ ея высокое достоинство, вложилъ въ уста нѣмецкихъ дѣвушекъ «пѣсни о родинѣ» и видѣлъ въ любимой женщинѣ высшее существо, котораго не должно касаться ничто пошлое и вульгарное. Его страстная юношеская любовь къ Фаннѣ Шмидтъ не была осчастливлена взаимностью; но за это тяжелое испытаніе онъ былъ вполнѣ, хотя очень не надолго, вознагражденъ своимъ бракомъ съ Маргаритою Моллеръ, которую онъ восторженно воспѣвалъ подъ именемъ Цидли.

Однако въ идеализмѣ любви, получившемъ, благодаря Клопштоку, право гражданства и большое значеніе въ жизни, заключалась опасность чрезмѣрной идеализаціи чувства, и эта идеализація, дѣйствительно, привела скоро къ приторной чувствительности, къ нѣжно-придурковатому бреду, къ разсыропленному сантиментальничанью, которое угрожало

изгнать изъ жизни всякое реальное содержаніе. Эта плаксивая сантиментальность достигла своего апогея въ «Зигвартѣ» — той пресловутой книжицѣ Миллера, которая сдѣлала слезоотдѣлительный аппаратъ главнымъ мотивомъ поэтическихъ произведеній. По странному противорѣчію, тотъ самый поэтъ, который впослѣдствіи положилъ предѣлъ крайнимъ выходкамъ сантиментальности своимъ рѣзко-чувственнымъ, часто клубничнымъ взглядомъ на любовь — этотъ же самый поэтъ долженъ былъ въ молодости пройти всю школу выспренней любовной экзальтаціи. Отношенія Виланда къ Софіи Гутерманъ были настоящій слезоточивый романъ, какой только могъ выйти изъ подъ пера, хватающаго за сердце.

Ему было семнадцать, а прелестной Софіи девятнадцать лѣтъ отъ роду, когда они, лѣтомъ 1750 года, заключили свой «вѣчный союзъ любви» въ идиллическомъ домѣ пастора въ Биберахѣ, и въ обоихъ юныхъ сердцахъ жилъ въ полномъ цвѣту энтузіазмъ того плаксиваго времени. Удивительно ли, если возлюбленные «часто бросались вмѣстѣ на колѣни, клялись въ вѣчной вѣрности добродѣтели и затѣмъ, въ святомъ восторгѣ мѣнялись чистымъ лобзаніемъ!...»

Но послѣ того Виландъ отправился въ Цюрихъ, гдѣ его живой натурѣ любо было потѣшиться во всякихъ «мимолетныхъ любовныхъ интрижкахъ;» затѣмъ въ Бернѣ геніальная, хотя вовсе не очаровательная Юлія Бандели — восторженная провозвѣстница доктринъ Руссо—произвела сильный пожаръ въ юномъ сердцѣ Виланда. Онъ сталъ просить руки Юліи, но та позволила себѣ усумниться насчетъ его постоянства. «Скажите мнѣ»—спросила она разъ съ глубоко-испытующимъ взглядомъ—«вы никогда не будете любить другую, кромѣ меня?» — «О, никогда, никогда! Это физически невозможно.... то есть видите ли, это могло бы случиться такъ—въ одну, другую минуту, если бы я нашелъ болѣе прелестную женщину, чѣмъ вы, и если бы она была безгранично-несчастна и въ тоже время недосягаемо-добродѣтельна.» Бѣдный Виландъ, впослѣдствіи такъ хорошо изучившій анатомію женскаго сердца, повидимому, въ то время не зналъ, что *ни одна* женщина не проститъ своему возлюбленному той мысли, будто онъ можетъ найти другую женщину прелестнѣе ея. Юлія знала, что ей слѣдовало сдѣлать, и потому дала поэту чистую отставку. Возвратившись въ родную Швабію, онъ свидѣлся въ

замкѣ Вартгаузенъ, принадлежавшемъ графу Штадіону, съ возлюбленною своей юности—Софіей, которая теперь была уже госпожею фонъ-Ларошъ. Вмѣсто сантиментальной любви теперь завязалась сантиментальная дружба, и подъ ласкающей рукой философски-безоблачнаго аристократа Штадіона Виландъ сталъ пѣвцомъ Идри, Музаріона, Абдеритовъ и Оберона. Разыгравъ еще небольшой романъ съ сестрою Софіи, онъ, наконецъ, женился въ 1765 году — женился самымъ прозаическимъ, мѣщанскимъ и честнымъ образомъ на Доротеѣ Гилленбрандтъ, которую, въ письмѣ къ своему пріятелю Геснеру, онъ называетъ «простодушнымъ, незагрязненнымъ свѣтомъ, кроткимъ, милымъ ласковымъ существомъ» «Она не писаная красавица», продолжаетъ Виландъ, — «ну, а все-таки достаточно хороша для честнаго человѣка, который желаетъ имѣть для себя самую добрую, сердцу пріятную, домашнюю женушку, и затѣмъ точка». Но сахарная сантиментальность пробуждалась въ немъ каждый разъ, когда ему случалось видѣться съ своей подругой Софіей. Такъ было между прочимъ въ іюнѣ 1771 года, когда онъ посѣтилъ ее на берегахъ Рейна и когда разыгралась

та сцена, описанная очевидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ, Фридрихомъ Якоби, которая такъ и просится въ кунсткамеру прадѣдовской слезообильной сантиментальности *).

*) Переписка Якоби, № 10—11:—«Мы услышали стукъ экипажа и выглянули въ окно — это былъ онъ самъ (Виландъ). Господинъ фонъ-Ларошъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ къ нему на встрѣчу, я съ нетерпѣніемъ послѣдовалъ за нимъ и мы обняли нашего друга на порогѣ дома. Виландъ былъ взволнованъ и нѣсколько ошеломленъ. Въ то время, какъ мы его привѣтствовали, м-мъ Ларошъ также спускается внизъ по лѣстницѣ. Виландъ только-что освѣдомился о ней съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и, повидимому, старался нетерпѣніемъ увидѣться съ нею. Вдругъ онъ ее примѣтилъ—и я хорошо видѣлъ, какъ онъ весь судорожно встрѣпенулся. Потомъ; отходя въ сторону, дрожащимъ и въ то же время порывистымъ движеніемъ руки онъ бросилъ свою шляпу на полъ и, шатаясь, пошелъ на встрѣчу къ Софіи. Все это сопровождалось такимъ страннымъ выраженіемъ во всей осанкѣ Виланда, что я чувствовалъ, какъ при этомъ всѣ нервы мои затрепетали. Софія подошла къ своему другу съ распростертыми объятіями, но онъ, вмѣсто того, чтобы въ нихъ броситься, схватилъ ея руки и наклонился, желая скрыть въ нихъ свое лицо. Софія, съ ангельскимъ участіемъ наклонилась надъ нимъ и сказала такимъ тономъ, какому не съумѣютъ подражать никакіе Clairon или Dubois: «Виландъ, мой Виландъ! О да, вы все тотъ же мой милый, милый

Съ своею «домашней женушкой» авторъ Агатона, какъ извѣстно, жилъ въ полномъ благополучіи и въ особенности во время пребыванія семейства въ сельскомъ имѣніи Османштедтѣ. Доротея, вмѣстѣ съ дочерьми, умѣла устроить мужу патріархально-отрадное существованіе.

Далеко не такъ повезло великому Лессингу, котораго одинокое, сильное сердце могло только втеченіи четырнадцати мѣсяцевъ наслаждаться семейнымъ счастіемъ, доставленнымъ ему женою—вдовою гамбургскаго купца Кенига. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ писалъ своей сестрѣ: «Моя жена во всѣхъ отношеніяхъ такова, какую я давно желалъ имѣть: также сердечно-привѣтлива и честна, какою мы всегда знали нашу матушку въ ея обращеніи съ отцомъ.» Тутъ уже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ мечтатель-

Виландъ!» Пробужденный этимъ трогательнымъ голосомъ, Виландъ нѣсколько выпрямился, взглянулъ въ плачущіе глаза своей подруги и опять склонилъ свое лицо на ея руку. Никто изъ насъ, бывшихъ при этомъ свиданіи, не могъ удержаться отъ слезъ; онѣ ручьями текли по моимъ щекамъ — я плакалъ на взрыдъ. Я былъ внѣ себя и даже до настоящаго дня не могъ бы сказать, какъ окончилась эта сцена *и какъ мы всѣ вмѣстѣ опять взошли на верхъ*—въ залу.»

ности, такъ какъ ясный, трезвый умъ Лессинга, какъ извѣстно, рѣзко расходился съ сантиментальной медочивостью, что заставило его написать къ Эшенбургу по поводу гетевскаго Вертера слѣдующія строки: «создавать такихъ мелкотравчатыхъ, чопорныхъ уродцевъ — вѣдь это дѣло только такъ называемаго мистическаго воспитанія, которое такъ красиво умѣетъ наряжать простую естественную потребность въ ризу духовнаго совершенства.» Здѣсь отрицается уже не только сантиментальность, но и самый идеалъ любви, возникшей въ новомъ обществѣ (въ противоположность древнему). Но скоро Лессингъ долженъ былъ испытать на себѣ самомъ, что не одна «тѣлесная потребность» призываетъ мужчину къ женщинѣ. Лишившись въ январѣ 1778 года жены вмѣстѣ съ ея младенцемъ, вслѣдствіе трудныхъ родовъ, онъ писалъ къ Эшенбургу и своему брату Карлу: «я хотѣлъ, чтобы и мнѣ было тоже хорошо, какъ другимъ людямъ, но вышло ужасно скверно... Моя жена померла—судьба не пощадила меня отъ этого тяжелаго удара. Радуюсь, по крайней мѣрѣ, что подобныхъ испытаній для меня остается уже немного; я весь, что назы-

вается, на легкихъ... О, если бы ты зналъ *эту* женщину! Но говорятъ, что кто хвалитъ свою жену, тотъ хвалитъ самого себя. Пожалуй не буду говорить больше о ней ни слова. Ну, а все-таки—если бы ты зналъ ее! Ты никогда ужь больше не увидишь меня такимъ человѣкомъ, какимъ засталъ меня Моисей (Мендельсонъ) — совершенно спокойнымъ и довольнымъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Если бы я могъ половиною моихъ дней купить счастье прожить съ ней другую половину—о, съ какою радостью я заплатилъ бы эту цѣну! Но вѣдь этому никогда не бывать, и я опять долженъ съизнова маять свою жизнь одиноко: этого благополучія, конечно, ничѣмъ не заслужишь.» Въ этой стоически-сдержанной скорби заключается гораздо больше силы и горечи, чѣмъ во всѣхъ слезливыхъ сердцезліяніяхъ поэтовъ. Да притомъ великій боецъ Лессингъ не имѣлъ и времени для элегическаго краснобайства: именно въ это самое пасмурное въ его жизни время, онъ предложилъ рядъ достославныхъ битвъ главному пастору Геце, т. е. всему клерикальному принципу между молодыми поэтами гаттингенскаго гайнбунда; въ эпоху его процвѣтанія полеты въ заоблачную высь и сан-

тиментальное нытье, на клопштоковскій манеръ, были въ большомъ ходу. Вся эта молодежъ задалась, правда, хорошей, но совершенно неудавшейся въ дѣйствительности мыслію сообщить нѣкоторой поэзіи соціальное содержаніе. Юные поэты съ жаромъ принялись за писаніе одъ и элегій «къ неизвѣстной возлюбленной», т. е. адепты гайнбунда изображали какъ свободу, такъ и любовь въ чистѣйшемъ абстрактномъ смыслѣ, пока наконецъ эти отвлеченности рѣшительно перестали клеиться съ конкретными требованіями жизни Счастливъ былъ тотъ, кто умѣлъ захватить въ прозаическую дѣйствительность не болѣе идеализма, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобы обратить скромное мѣщанское житье-бытье въ свѣтлую и живую идиллію. Это, по крайней мѣрѣ, удалось честному Фоссу, который былъ душою гайнбунда и впослѣдствіи наслаждался съ доброю Эрнестиною Бойэ полнымъ супружескимъ счастьемъ, описаннымъ такими поэтическими красками въ его «Луизѣ» и «Семидесятомъ днѣ рожденія».

Изображеніе Эрнестиною того времени, когда она была невѣстою и первыхъ лѣтъ замужней жизни въ Вандсбекѣ и Оттерндорфѣ *) составляетъ одинъ изъ

*) Письма І. Г. Фосса, II, 3 и сл.

самыхъ сердечно-теплыхъ эпизодовъ въ исторіи нѣмецкихъ семейныхъ нравовъ. Молодая жена завѣдывала маленькимъ хозяйствомъ при самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ мужъ потѣлъ надъ своимъ нѣмецкимъ Гомеромъ. Эти высоко-даровитые люди обнаружили глубокое сочувствіе къ высшимъ задачамъ времени, и между тѣмъ радовались, какъ дѣти, когда могли изъ скудныхъ заработковъ зашибить лишнюю копѣйку, чтобы купить, напр., новый шкапъ. «Но въ этой бѣдности какой избытокъ!..» Трагическій контрастъ съ идиллически-счастливымъ бракомъ Фосса представляютъ отношенія Бюргера къ женщинамъ, полныя дикаго смятенія страстей и всякаго рода несчастій. Здѣсь вся могучая сила поэзіи—та сила, которою характеризуетъ «das Hohe Lied von der Einzigen»—была направлена къ тому, чтобы поднять въ область духа ту горячую чувственность, которая не имѣетъ въ себѣ ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ, на нѣмецкой землѣ. Этотъ страстный огонь напоминаетъ пламя любви, которое въ былое время горѣло въ сердцахъ Абеляра и Элоизы. О своей Молли Бюргеръ говоритъ: «въ этомъ

дивномъ, небесно-сладостномъ существѣ ароматъ чувственныхъ красотъ былъ слишкомъ упоителенъ, чтобы не проникнуть къ самымъ сокровеннымъ органамъ духовно-возвышенной любви » Опьяненный этимъ ароматомъ, страстный поэтъ измялъ дѣвственный вѣнецъ своей возлюбленной, но за то «развернулъ надъ ея головой почетное знамя своихъ восторженныхъ пѣсней» и съ гордостью объявилъ, что любовь поэта можетъ облагородить самое преступленіе. Но трибуналъ строгой нравственности, разумѣется, едва ли оправдаетъ двойной бракъ съ двумя родными сестрами, изъ которыхъ одна рѣшилась «считаться женою оффиціально,» а другая—«втайнѣ быть дѣйствительной женою.»

Но мыслящіе знатоки человѣческой немощи, безъ сомнѣнія, будутъ не далеки отъ того, чтобы простить несчастнаго поэта, когда прочтутъ его изображеніе этихъ оригинальныхъ связей, тѣмъ болѣе, что бѣдняга былъ и безъ того достаточно наказанъ своимъ третьимъ бракомъ, въ который онъ вступилъ очертя голову послѣ смерти Молли.

Время сантиментальности справедливо названо «необходимою эпохою въ исторіи нѣмецкой культуры,»

потому что какъ бы странны, даже ребячески-смѣшны ни казались намъ, потомкамъ, многія крайности этого направленія, все-таки не надобно забывать, что то былъ процессъ переработки, броженія,—процессъ, изъ котораго должно было возникнуть свободное развитіе нѣмецкаго духа. Направленіе это приходится къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Оно, какъ всякій знаетъ или можетъ знать, вовсе не было вызвано гетевскимъ Вертеромъ; эта знаменитая повѣсть была только самымъ поэтическимъ, наиболѣе художественнымъ выраженіемъ господствующаго вкуса. Между юными силами нашелся только такой геніальный человѣкъ, который возвелъ въ созданіе искуства то, что наполняло, что мучило и двигало его современниковъ т. е. молодое поколѣніе. Шарлотты и Вертеры водились всюду въ неисчерпаемомъ множествѣ, тѣмъ болѣе, что они вовсе не торопились отправлять себя на тотъ свѣтъ пистолетомъ, какъ сдѣлалъ гетевскій герой. Что за бездна сантиментальности, что за истерическая нѣжность въ тѣхъ письмахъ, какими угощала Гердера его невѣста Каролина Флаксландъ, женщина, обладавшая однако значительной дозою холодно-раз-

счетливаго ума! Такъ между прочимъ она писала отъ 25 октября 1771 года: «что-то вы подѣлываете, мой милый, сладостный сердцу юноша? Вспоминаете ли вы обо мнѣ? Любите ли меня еще? О, извините меня, что я объ этомъ спрашиваю! Въ вашемъ послѣднемъ божественномъ письмѣ вѣдь я названа «твоей дѣвушкой», и однако все-таки я должна спрашивать. Съ нѣкотораго времени вы не перестаете являться мнѣ въ тревожныхъ снахъ, и вотъ вамъ причина моей назойливости. Но вѣдь это только сонъ,— а ты мой, мой—ахъ!—навѣки мой въ моемъ сердцѣ! Развѣ ты ничего не слышишь, мой возлюбленный, какъ что-то близъ тебя летаетъ, а теперь при лунномъ сіяніи, когда я по цѣлымъ часамъ просиживаю одна и мыслію уношусь къ вамъ—неужели нашъ ангелъ не паритъ вокругъ васъ и не говоритъ вамъ, что я также съ вами. О, ты, святая симпатія!» *).

*) Эта «святая симпатія», какъ извѣстно, натыкалась на довольно серьозныя препятствія во время супружескаго сожительства Гердера съ Каролиною. Вотъ что Шиллеръ писалъ Кернеру изъ Веймара отъ 24 августа 1787 года: «Гердеръ и его жена живутъ въ эгоистическомъ одиночествѣ и образуютъ изъ себя нѣчто въ родѣ пресвятой двоицы, отъ которой они удаляютъ всякаго смертнаго. Но оба-то они ужь больно горды и запос-

Да, то было время, когда многимъ, очень многимъ весь свѣтъ казался залитымъ лунными лучами ландшафтомъ, окропленнымъ слезами-росинками,—время, когда чувствительный Лейксенрингъ вояжировалъ по всей Германіи, всюду выгружая свои портфели, наполненные самыми экзальтированными эпистолями о дружбѣ,—наконецъ, то было такое наивное времячко, когда сантиментальность до такой степени обуяла даже придворныхъ, что одна знатная фрейленъ фонъ-Цигдеръ, гофъ-дама ландграфини гессенъ-гамбургской, торжественно показалась въ Бергцабер-

чивы, и оттого часто божество вступаетъ въ распрю съ самимъ собою. Когда имъ случится такимъ образомъ повздорить, они запираются въ отдаленныхъ этажахъ, и письма пересылаются вверхъ и внизъ по лѣстницѣ пока наконецъ, жена не рѣшится самолично явиться въ комнату своего благовѣрнаго, гдѣ, продекламировавъ какое нибудь мѣсто изъ его сочиненій, она прибавляетъ: „тотъ, кто написалъ это, долженъ быть божествомъ, и сердиться на него никто не можетъ". Побѣжденный Гердеръ кидается къ ней на шею и война оканчивается... Къ сожалѣнію, Каролина была неспособна смягчать то желчное озлобленіе Гердера, которое наложило такую печальную тѣнь на его позднѣйшую жизнь и сочиненія. Ей слѣдуетъ сдѣлать также тотъ укоръ, что она скорѣе раздувала, чѣмъ обуздывала раздраженіе своего мужа противъ Гете и Шиллера.

нѣ, какъ воплощенная чувствительность—въ бѣлой одеждѣ невинности, ведя ягненка на шелковой розовой ленточкѣ. Но и это еще не все. Лафатеръ, также долженъ былъ пуститься въ свою миссіонерскую экспедицію, какъ бы для того, чтобы дать сантиментальности религіозное освященіе. Лафатеръ, какъ нельзя лучше, подходилъ къ женщинамъ, потому что все въ немъ, до мозга костей, было женственно. Даже въ благороднѣйшихъ его порывахъ, въ лучшихъ подвигахъ—а ихъ было не мало въ его прекрасной жизни—проглядываетъ скорѣе женское самопожертвованіе, чѣмъ мужественная энергія и сила характера. Онъ тѣмъ успѣшнѣе умѣлъ плѣнять женщинъ, чѣмъ податливѣе была его собственная натура. Уже одна его чистоплотная, граціозная, такъ сказать благоуханная внѣшность располагала женщинъ въ его пользу. Его сладко-вкрадчивая рѣчь, которою онъ возвѣщалъ свое опоэтизированное христіанство, привлекала къ нему сердца слушательницъ, и онъ, съ своей стороны, нисколько не сердился, если онѣ ласкали его нѣжнѣйшимъ именемъ «Sanct Lavatus.» Заслуга его заключается въ томъ, что онъ внесъ въ выдохшійся поэтизмъ новую свѣжесть чувства. Но

своимъ мнѣніемъ о непосредственномъ дѣйствіи молитвы, своими физіогномическими бреднями и своею вѣрою въ чудесное, по милости которой онъ часто позволялъ себя дурачить, Лафатеръ надѣлалъ также немало вреда. Энтузіастки и народныя ясновидящія и вызывательницы духовъ выростали, словно грибы, по его слѣдамъ—къ досадѣ здравомыслящихъ и на потѣху злымъ насмѣшникамъ.

Къ сантиментальному направленію присоединился также необузданный идеализмъ, характеризующій первые поэтическіе опыты Гете и Шиллера. Это былъ тотъ страстный порывъ юныхъ силъ, который, по отношенію къ соціальной благопристойности, объявилъ безусловную свободу сердца. Вожаки времени неоднократно пытались примѣнить этотъ буйный идеализмъ къ реальнымъ условіямъ жизни, что, разумѣется, не мало содѣйствовало той запутанности понятій, какую мы замѣчаемъ нерѣдко въ отношеніяхъ между двумя полами втеченіи этого періода болѣзненной экзальтаціи. Гете долженъ былъ всю жизнь испытывать на себѣ роковыя послѣдствія этого «вольнодумства страсти,» но Шиллера спасло то, что судьба послала ему самую под-

ходящую женщину, какую онъ вообще могъ гдѣ нибудь найдти. *)

Но и тотъ и другой изъ двухъ великихъ поэтовъ и друзей очень многимъ обязаны женщинамъ. Чтобы понимать ихъ жизнь и сочиненія, необходимо изучить отношенія ихъ къ женщинамъ, а для этой цѣли имѣется такъ много общедоступныхъ вспомогательныхъ средствъ, что здѣсь мы можемъ ограничиться только главнѣйшими указаніями.

Гете и Шиллеръ—по равноправности своего ге-

*) Кто хочетъ ознакомиться съ отношеніями Шиллера къ тремъ наиболѣе имѣвшимъ на него вліяніе женщинъ—къ Шарлоттѣ фонъ-Кальбъ и къ сестрамъ Каролинѣ и Шарлоттѣ фонъ-Ленгефельдъ—а также съ его брачной жизнію, того я отсылаю въ моей книгѣ: «Шиллеръ и его время.» Для желающихъ узнать отношенія Гете и Шиллера къ женщинамъ въ подробностяхъ необходимо прежде всего обратиться къ различнымъ собраніямъ ихъ переписки съ женщинами и друзьями, затѣмъ къ автобіографіи Гете, къ сообщеніямъ Шарлотты фонъ-Кальбъ, Каролины и Шарлотты фонъ-Ленгефельдъ и другихъ современниковъ и современницъ. Далѣе здѣсь могутъ быть полезными: «Женскіе типы изъ времени молодости Гете)» Дюнцера,» «Гете и Шиллеръ въ ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ,» Кнешке, разныя монографіи, напр. «Шарлотта фонъ-Кальбъ,» Зауппе (Weimar. Jahrb. 172 и проч.)

нія, по своимъ стремленіямъ, славѣ и дружбѣ такъ неразрывно соединены въ представленіи нѣмца, что мы и здѣсь можемъ поставить ихъ имена рядомъ—Гете и Шиллеръ были уже настолько счастливы, что каждаго изъ нихъ взлелѣяла примѣрная мать. Богачка Катерина Елисавета Гете выросла въ нѣгѣ и бюргерскомъ избыткѣ, заводила знакомства съ князьями и княгинями, какъ съ равными себѣ; эта «фрау совѣтница» или «госпожа Айя», говорившая, что «ни одинъ человѣкъ не ушелъ отъ нея недовольнымъ», была даже передъ самой кончиною, какъ намъ сообщаютъ, такъ юмористически-настроена, что на присланное ей приглашеніе отвѣчала словами: «госпожа совѣтница пожаловать не могутъ, потому что въ настоящее время они должны умереть». Громадное разстояніе отдѣляетъ отъ этой счастливицы дочь бѣднаго булочника—Елисавету Доротею Шиллеръ, кроткую, скромную женщину, промаявшую свою жизнь въ нероскошныхъ, даже крутыхъ обстоятельствахъ. Но обѣ матери имѣютъ между собою одну общую черту: онѣ одинаково отгадали великое призваніе своихъ сыновей и по мѣрѣ силъ старались оградить пробуждающійся геній отъ насквозь пропи-

танной педантизмомъ отцовской власти. Гете, по отношенію къ своему геніальному другу, былъ слишкомъ щедро взлелѣянъ всякимъ земнымъ благополучіемъ и ужь съ самыхъ раннихъ лѣтъ, вслѣдствіе своихъ отношеній къ умнымъ дѣвушкамъ и значительнымъ женщинамъ, пріобрѣлъ то широкое знакомство съ другимъ поломъ, которое позволяло ему такъ мастерски создавать свои женскіе типы; объ ихъ живомъ, дѣйствительномъ реализмѣ онъ имѣлъ полное право сказать: «я знаю, что онѣ вѣчны, потому что онѣ именно *таковы*». Напротивъ, шиллеровскіе женскіе типы болѣе или менѣе всѣ сходны съ фантастическимъ образомъ Лауры, которой юноша посвятилъ первые восторги своего пробуждающагося сердца. У Шиллера не было, какъ у Гете, милой Гретхенъ или Анхенъ, не было даже фрейленъ фонъ-Клеттенбергъ. Материнское участіе госпожи фонъ-Вольцогенъ далеко не могло оказывать того поощрительнаго вліянія, какое испыталъ Гете въ своихъ отношеніяхъ къ Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ.

Гетевскій романъ съ Лоттою Буффъ, невѣстою другого, романъ Шиллера съ Шарлоттою фонъ-Кальбъ, женою другого, представляютъ нѣкоторое внѣшнее

сходство. Но если развязка была въ высшей степени благодѣтельна для Гете, способствуя могучему полету его генія, то романъ Шиллера, по его собственному признанію, окончился для него «весьма плачевно». За то съ одинаковымъ сердечнымъ сумбуромъ дѣйствовали на обоихъ поэтовъ страсть Гете къ Аннѣ Елисаветѣ Шенеманнъ (Лили) и любовь Шиллера къ Маріи Генріеттѣ Елисаветѣ фонъ-Арнитъ. Напрасно стали бы мы искать въ цѣлой жизни Шиллера той очаровательной любовной идилліи, какою наслаждался Гете съ Фридерикою Бріонъ въ Зезенгеймѣ. Точно также не встрѣтимъ мы для Шиллера безмятежнаго счастья и въ то «веселое веймарское время», въ тотъ блестящій періодъ идеализма, когда вся нѣмецкая жизнь получила совершенно поэтическій строй и когда сладкія ощущенія дождемъ нисходили на Гете — этого «любимчика женщинъ». Правда, въ періодъ между 1788 и 1789 годами, когда Шиллеръ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ сестрамъ Каролинѣ и Лоттѣ фонъ-Ленгефельдъ, какъ другъ, какъ возлюбленный, какъ женихъ, для поэта открылась новая жизненная весна, которую увѣковѣчила его дочь Эмилія въ изданной ею со всею

правдивостью переписке отца съ этими двумя дамами, подъ заглавіемъ «Шиллеръ и Лотта». Но и эта розовая весна была не безъ колючихъ шиповъ. Поэтъ прошелъ уже чрезъ слишкомъ тяжелую школу страданія, чтобы всею душою предаться счастью, вытекавшему изъ отношеній къ этимъ двумъ женщинамъ, которыя, будучи съ нѣжной заботливостью воспитаны добрымъ отцомъ, олицетворяли въ своей страстной и кроткой натурѣ поэтическій духъ того времени. Притомъ же въ самомъ характерѣ этихъ отношеній было много фальшиваго, неловкаго. Шиллеръ, какъ извѣстно, былъ любимъ обѣими сестрами и любилъ обѣихъ, хотя старшая была уже замужемъ. Тогда-то въ немъ родилась мысль объ идеальномъ двойномъ бракѣ,—мысль, вскорѣ очень сурово столкнувшаяся съ реализмомъ жизни. Каролина, занявшая тогда почетное мѣсто въ литературѣ, благодаря своей «Agnes von Lilien», была сильнѣе любима поэтомъ и съ своей стороны сильнѣе его любила, и однако она рѣшилась съ благороднымъ самоотверженіемъ покончить эту страшную раздвоенность фантазіи и сердца, содѣйствуя женитьбѣ Шиллера на Лоттѣ и устраняя всѣ препятствія, бывшія помѣхою этому браку. Поведеніе Лотты, въ качествѣ жены Шиллера, выше всякихъ похвалъ. Безъ ея любящей, самоотверженной заботливости дорогая жизнь больного поэта не продлилась бы до 1805 года. Самъ Шиллеръ съ глубокой благодарностью свидѣтельствовалъ, чѣмъ была для него Лотта. «Съ этой стороны» — пишетъ онъ — небо удостоило меня однихъ милостей». Въ этомъ отношеніи Шиллеръ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, счастливѣе Гете, которому добродушная Христіана Вульпіусъ хотя и доставила совершенно безмятежную жизнь, но все-таки была для него болѣе постельной сожительницею и хозяйкой, чѣмъ подругой въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова. Мы знаемъ также, что для поэта, такими теплыми красками описавшаго нѣмецкую семейственность въ «Гертонѣ и Доротеѣ», его собственныя (какъ выражался великій другъ его) «мизерныя домашнія дѣлишки» часто были не малой помѣхой творческой дѣятельности.

Напротивъ жизнь Шиллера съ Лоттою была настоящимъ нѣмецкимъ супружествомъ, какъ охарактеризовалъ его самъ поэтъ въ своей «Glockenlied»: «страстность изчезаетъ, но любовь остается». Всему

свѣту извѣстно, что оба великіе поэта, каждый по своему, сторицею возвратили женщинамъ все доброе, что получили отъ ихъ любящаго участія.

«Не подлежитъ сомнѣнію, пишетъ Жанъ-Поль въ 1799 г. изъ Веймара,—не подлежитъ сомнѣнію, что въ сердцѣ міра бьется умственная революція, болѣе великая, чѣмъ революція политическая и не менѣе убійственная». Великій юмористъ намекалъ этимъ на соціальное разложеніе эпохи, геніальнѣйшая и несчастнѣйшая женщина которой, Шарлотта фонъ-Кальбъ, говорила ему, за три года назадъ, что «всѣ наши законы порождены жалкимъ скудоуміемъ, рѣдко мудростью, и что любовь не нуждается въ законахъ». Бѣдная Шарлотта, дожившая до восьмидесяти двухъ лѣтъ среди горькихъ разочарованій жизни, полной всевозможныхъ неудачъ, стояла, какъ Пиѳія свободной любви, въ блестящій періодъ веймарскаго общества. Но обѣ ея попытки возвышенной любви—къ Шиллеру и къ Жанъ-Полю,—потерпѣли жалкую неудачу. Шиллеръ во-время убѣдился, что для его счастія нужна другая Лотта, а Жанъ-Поль проникся такимъ благоговѣніемъ «къ сліянію души съ геніальными женщинами», что не захотѣлъ жениться ни на

Шарлоттѣ фонъ-Кальбъ, ни на какой другой изъ геніальныхъ женщинъ. Однако, не смотря на то, что онъ велъ съ своею женою, Каролиною Мейеръ, самую буржуазную домашнюю жизнь, его женскіе образы были и послѣ брака, какъ до него, «сотканы изъ луннаго свѣта и аромата лилій». Это было превосходно подмѣчено Генріеттою Герцъ, занимавшею, по красотѣ, уму и характеру, видное мѣсто въ берлинскомъ обществѣ въ ту пору, когда Жанъ-Поль одерживалъ въ Берлинѣ свои блистательныя побѣды (въ 1800 г.), и долго послѣ того. «Трудно описать, говоритъ она, въ своихъ воспоминаніяхъ, какимъ вниманіемъ пользуется у женщинъ, даже высшихъ классовъ, поэтъ Геспера и Титана. Онѣ благодарны ему за то, что онъ удостоиваетъ ихъ такого вниманія въ своихъ произведеніяхъ; въ особенности считаютъ себя обязанными ему женщины знатныя за то, что онъ изображаетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ онѣ есть въ дѣйствительности. Это объясняется тѣмъ, что когда онъ «впервые изображалъ женщинъ высшаго класса, то еще не зналъ близко ни одной такой женщины и давалъ свободу, въ отношеніи ихъ, своей богатой и благопріятной для нихъ фантазіи; тѣ

же изъ женщинъ этого класса, съ которыми онъ впослѣдствіи познакомился, употребили всѣ мѣры для того, чтобы поддержать въ немъ лестное для нихъ заблужденіе и казаться ему существами идеальными. Въ очарованномъ кругу Шарлотты фонъ-Кальбъ находился еще третій поэтъ, Гельдерлингъ, представленный ей Шиллеромъ и бывшій нѣкоторое время учителемъ ея дѣтей. Но не въ Вальтерсгаузенѣ, въ Тюрингенѣ, а во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, творецъ «Гисперіона» долженъ былъ найти свою судьбу. Какъ это случилось,—въ точности еще не разъяснено. Намъ извѣстно только, что бѣдный Гельдерлингъ, находясь гувернеромъ въ одномъ франкфуртскомъ семействѣ, страстно влюбился въ мать своего воспитанника (г-жу Гонтардъ); что эта страсть увлекла его во Францію, гдѣ извѣстіе о преждевременной смерти обожаемой женщины лишило его разсудка. Подъ греческимъ именемъ Діотимы, онъ прославлялъ свою возлюбленную въ самыхъ глубокихъ и потрясающихъ стихахъ, какіе только представляетъ германская лирическая поэзія.

Умныя женщины благотворно вліяли на романтическій періодъ нашей литературы и нельзя не пожа-

лѣть, напримѣръ, что отношенія Тика къ женщинамъ недостаточно разъяснены. Правда, что отношенія къ нимъ другихъ романтиковъ полезнѣе скрывать, чѣмъ разъяснять: вспомнимъ только, какъ Фридрихъ Шлегель женился на Доротеѣ Мендельсонъ, или какъ пытался жениться Августъ Вильгельмъ Шлегель на позорно-обманутой Каролинѣ Паулусъ. Тончайшій ароматъ «голубого цвѣтка» романтики вѣялъ въ любви Новалиса (Гарденберга) къ его невѣстѣ, Софіи К..., но она умерла спустя два дня послѣ того, какъ ей минуло 15 лѣтъ. Ея воздушный образъ, съ яркою краскою чахотки на щекахъ, былъ музою, вдохновлявшею поэта, когда онъ писалъ свои мелкія стихотворенія и гимны къ ночи. Но какую бездну отчаянія усматриваемъ мы въ отношеніяхъ геніальнѣйшаго изъ романтиковъ, Генриха фонъ-Клейстъ къ Адольфинѣ Фогель. Она была женою другого и во всякомъ случаѣ, при своемъ собственномъ внутреннемъ разладѣ, не могла бы успокоить демона, мутившаго душу поэта, который, подъ давленіемъ наполеоновскаго деспотизма, отчаявался въ себѣ и въ своей отчизнѣ. Исходомъ была катастрофа, превзо-

шедшая своею страшною дѣйствительностью вымыселъ вертеровской катастрофы. Въ одинъ роковой часъ, Клейстъ обѣщалъ своей подругѣ убить ее, какъ скоро жизнь станетъ для нея невыносимою, и сдержалъ свое слово. 21-го ноября 1811 г., поэтъ застрѣлилъ на Ванзее, близь Потсдама, сначала Адольфину, потомъ себя. За то какъ глубоко и возвышенно было чувство Теодора Кернера къ своей невѣстѣ, восхитительной актрисѣ, Тони Адамбергеръ. Помолвленный съ нею въ 1812 г., онъ писалъ изъ Вѣны къ своему отцу: «Не краснѣя могу сознаться, что безъ нея, я былъ бы увлеченъ въ бездну. Ты знаешь меня, знаешь мою горячую кровь, мою энергическую натуру и дикую фантазію; представь же себѣ этотъ бурный характеръ посреди сада жгучихъ наслажденій и опьяняющихъ радостей, и ты поймешь, что только любовь къ этому ангелу помогла мнѣ вырваться изъ толпы, сохранивъ право сказать себѣ: «вотъ кто сберегъ чистоту сердца». Тони и послѣ славной смерти Кернера осталась достойною этого пѣвца и героя, покоящагося подъ веббелинскимъ дубомъ: развратники, съѣхавшіеся на вѣнскій конгрессъ, прозвали эту нравственную женщину «дракономъ добродѣтели».

Двѣ женщины играли особенно видную роль въ эпоху романтики: Рахиль Левинъ-Робертъ, впослѣдствіи жена Варнгагена фонъ-Энзе (родившаяся въ 1771 и умершая въ 1833 г.), и Беттина Брентано, жена Ахима фонъ-Арнимъ (род. въ 1785, умершая въ 1859 г.). Рахиль не была писательницею, но ея личныя и письменныя сношенія со многими извѣстными людьми того времени имѣли на нихъ возбуждающее и нерѣдко рѣшительное вліяніе. Ея берлинская гостиная служила умственнымъ центромъ. Сама она обладала такимъ артистическимъ талантомъ къ общественной жизни—если я точно выражаюсь,—какой рѣдко встрѣчается. Вильгельмъ Гумбольдтъ замѣтилъ о ней, что отличительною чертою ея умственныхъ и нравственныхъ свойствъ была правдивость. Ей былъ въ высшей степени свойственъ, присущій женщинамъ инстинктъ прекраснаго и справедливаго. Прошедшая сквозь чистилище жгучихъ душевныхъ страданій, она умѣла съ удивительною тонкостью усматривать настоящую суть вещей и обращать найденное на пользу и выгоду другихъ. Она первая

вполнѣ поняла и оцѣнила мѣсто и значеніе Гете въ исторіи германской культуры, и рѣдко и не надолго могли омрачать ея свѣтлый умъ своимъ чадомъ ея друзья-романтики. Переписка г-жи Варнгагенъ, изданная ея мужемъ, служитъ вѣрнѣйшимъ отраженіемъ направленій, господствовавшихъ въ образованныхъ германскихъ кружкахъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтій. Ее справедливо и мѣтко называли «хоромъ лицъ въ великой драмѣ ея времени» Рахиль постоянно стремилась согласить идею съ дѣйствительностью, тогда какъ въ сочиненіяхъ Беттины это стремленіе облечено въ кудрявое и пестрое облако прихотливой фантазіи. Но надо понимать Беттину, эту «сивиллу романтизма», какъ она есть, — какъ воплощенный произволъ; это былъ вѣчный ребенокъ, болтавшій обо всемъ, что ни приходило ему въ голову. Вся ея «Переписка» съ Гете, съ г-жею Рашъ, съ Гюндероде, съ ея братомъ Клеменсомъ и другими, — переписка, дѣйствующая такъ увлекательно своею восхитительною болтливостью и неподражаемонаивнымъ разоблаченіемъ тайнъ тревожной женской души, есть ничто иное, какъ поэтическія произведенія

Беттины, въ которыхъ капли дѣйствительности теряются въ морѣ фантазіи. Беттина была Эльфъ, Аріель, призракъ.

При ея всесторонней воспріимчивости, изумительномъ пониманіи природы, неистощимыхъ сокровищахъ любви и благоговѣйно-пламенномъ участіи ко всему, что полезно человѣчеству, и что облагораживаетъ человѣка, она могла бы сдѣлаться величайшимъ поэтомъ всѣхъ временъ, если бы поняла одно — тайну формы.

Герои, поэты и женщины неразрывно связаны между собою. Однѣ женщины могутъ посвящать въ героевъ и въ поэтовъ. Карлъ Иммерманъ, высказавшій эту мысль въ такой прекрасной формѣ, зналъ это по собственному опыту. Тѣ изъ его произведеній, которыя даютъ ему право на славу въ потомствѣ, написаны имъ въ то время, когда онъ жилъ въ своемъ мирномъ загородномъ домѣ, въ Дерендорфѣ, съ бывшею женою геройскаго Люцова, съ Элизою фонъ-Алефельдтъ-Лауервицъ, въ лучшемъ смыслѣ германизированною датчанкою. Рука подруги обратила этотъ домъ въ самое уютное и поэтическое убѣжище. А развѣ женщина, вызвавшая изъ сердца Уланда

нѣсколько глубокихъ звуковъ, или та, которую Рюккертъ осыпалъ цвѣтами своей «Весны любви» не способствовали накопленію литературныхъ сокровищъ германской націи? Да, любовь и вѣрность женщинъ составляютъ въ Германіи единственную награду и утѣшеніе «рыцарей ума», обыкновенно достигающихъ, послѣ своего труднаго служенія свободѣ, человѣчеству и всему прекрасному, только одного неоспариваемаго блага—могилы. Эта любовь и вѣрность, даже ложно-направленныя, способны восторжествовать надъ самыми ужасами смерти Такъ было въ Берлинѣ, въ ночь съ 29 на 30 декабря 1834 г., когда жена генерала Штиглица, Шарлотта, съ безпримѣрною твердостью, спокойствіемъ и цѣломудреннымъ достоинствомъ, лишила себя жизни въ полномъ блескѣ молодости и красоты. Она сдѣлала это съ тѣмъ, чтобы отчаяніе, вызванное этою страшною жертвою, пробудило поэтическій геній ея мужа, въ который она вѣрила. Въ то время какъ здѣсь героизмъ, доведенный до болѣзненной крайности желаніемъ невозможнаго, разрушаетъ собственное существованіе вмѣстѣ съ существованіемъ любимаго мужа, въ Вѣнѣ нѣжная женская рука успокоительно ложится на пылающую голову Ленау. Въ

послѣднемъ случаѣ не было надобности будить генія: онъ и безъ того бодрствовалъ съ всепожирающею силою. Тщетно предостерегала Софья злополучнаго пѣвца Альбигойцевъ не давать идеалу такой демонической силы надъ жизнью. Разсудокъ его уже омрачился; онъ вырвался отъ предостерегавшей и къ крикомъ: «къ свободѣ!» бросился во мракъ безумія.

Исторія и поэзія обязаны своимъ существованіемъ не однимъ мужчинамъ; процессъ культуры, какъ и воспроизведеніе человѣческаго рода, требуютъ участія женщины.

Гете зналъ, что дѣлалъ, когда преобразилъ Фауста посредствомъ преображенной Гретхенъ. Что могло бы выйти изъ Граббе, если бы и въ его жизни участвовали женщины, какъ онѣ участвовали во всей жизни Гете? Гретхенъ или Анхенъ была и у Граббе, — эта его первая невѣста; но не было у него Фридерики, Лотты или Шарлотты; не было даже Христіаны Вульпіусъ. Его колоссальная поэзія потому такъ покинута граціями, что ни одна благородная женщина не вліяла на него магнетическою силою глубокаго сочувствія, красоты и нѣжности.

Съ какимъ отраднымъ чувствомъ переходишь отъ

мрачнаго дома Граббе въ Детмольдѣ къ свѣтлой картинѣ домашней жизни поэта, молившагося, по своему «Мирскому Требнику» среди зелени мирнаго парка въ Мускау! Здѣсь жили счастье, миръ и гармонія, которымъ Шеферъ поставилъ такой прекрасный памятникъ, посвятивъ собраніе своихъ твореній своей милой Фридерикѣ. Къ сожалѣнію, этому подарку суждено было обратиться въ приношеніе памяти покойницы.

Въ заключеніе назовемъ хотя и не послѣднюю въ ряду, жену Кинкеля, Маріанну, жившую съ мужемъ въ Лондонѣ, раздѣляя съ нимъ заботы и бѣдствія изгнанія. Она умерла скоропостижно отъ болѣзни сердца въ ноябрѣ 1858 года. Іоганна Кинкель доказала своею жизнью, что можно быть геніальною женщиною и въ тоже время заботливою матерью и благоразумною хозяйкою. Она можетъ съ честью стать рядомъ со всякою женщиною, которая не только переносила свою трудную долю съ благороднымъ достоинствомъ, но и активно боролась съ нею. Она вполнѣ заслужила, чтобы на ея могилѣ подъ Соррейскими холмами раздалась полная мужественныхъ звуковъ пѣсня Фрейлиграта. И Іоганна Кинкель также

была поборницею добраго стараго дѣла, вѣчно-юнаго, которое насчитываетъ уже столько тысячъ мучениковъ и еще долго будетъ считать ихъ.

На этомъ мѣстѣ надо положить перо.... но положить не потому, чтобы у насъ не доставало любопытныхъ матеріяловъ изъ жизни германскихъ женщинъ новѣйшаго времени, до той минуты, когда я кончаю свою книгу. Многое остается еще разсказать о направленіи, воззрѣніяхъ и людяхъ, чрезъ которыя прошли женщины въ послѣднія десятилѣтія. Можно бы разсказать, какъ послѣ войнъ за освобожденіе, изъ патріотическаго направленія романтизма возникло опьяненіе германизмомъ, «мистически-германское» тупоуміе и пошлость, страсть къ средневѣковому, превзошедшая всѣ границы смѣшного,—страсть, которой и женщины заплатили свою дань, мечтая о роли Туснельдъ или Шатлэнъ. Затѣмъ, можно бы разсказать, какія опустошенія и какой хаосъ произвела въ женскихъ умахъ литературная эпоха байронизма, и какіе отталкивающіе типы создала наступившая вслѣдъ за тѣмъ пресловутая «эманципація женщинъ», вызванная движеніемъ дурно-понятаго соціализма, а у насъ преувеличеннымъ поклоненіемъ Рахилямъ и Беттинамъ:

типы эмансипированныхъ дамъ, ведущихъ безцеремонную бесѣду за столами кофеенъ, въ костюмахъ блумеристокъ съ сигарою въ зубахъ, съ радостною вѣстью о равноправіи женщинъ, написанною виннымъ карминомъ на кончикѣ носа. Но съ другой стороны, можно указать на примѣры важнаго успѣха женщинъ въ области искуства, на Клару Шуманъ, въ музыкѣ; на Елисавету Кульманъ, Бетти Паоли и Анету фонъ-Дростъ — неоспоримо выдающихся германскихъ поэтовъ—въ лирической и эпической поэзіи; на Элизу Шмидтъ въ поэзіи драматической; на Августу Паальцовъ, Фанни Левальдъ, Иду фонъ-Дюрингсфельдъ и Юлію Буровъ въ поэзіи описательной; можно указать на графиню Иду Ганъ-Ганъ, которая, найдя въ Святой землѣ «праведниковъ», которыхъ она такъ долго искала въ своихъ пережитыхъ и сочиненныхъ романахъ, промѣняла лавры поэзіи на терновый вѣнецъ покаянія и, укрывшись въ монастырь, писала тамъ книги, раздаваемыя премій въ іезуитскихъ школахъ. Наконецъ слѣдуетъ указать на женщинъ, снискавшихъ извѣстность тѣмъ, что онѣ съ достоинствомъ и граціею служили представительницами современной цивилизаціи въ высшихъ сферахъ

общества, въ особенности на принцессу Елену Мекленбургскую, герцогиню Орлеанскую, внушившую уваженіе иностраннымъ націямъ къ германскому уму. Но всего этого и много другого еще недостаточно для образованія историческаго взгляда, потому что, если результаты политической исторіи должны быть выяснены временемъ для того, чтобы ихъ можно было привести въ органическую связь, то тѣмъ болѣе относится это къ результатамъ исторіи нравовъ и культуры.

Несомнѣнно одно, что германскія женщины честно и дѣятельно участвовали въ вѣковомъ трудѣ національнаго развитія, и такъ какъ прогрессъ Германіи въ области интеллигенціи, какъ и въ области нравственности, неоспоримо великъ, то мы должны питать глубокую признательность къ заслугамъ женщинъ. Правда, и въ новѣйшее время среди германскихъ женщинъ выказывалось ложное направленіе, — въ низшихъ классахъ, вслѣдствіе язвы ханжества, а въ высшихъ, вслѣдствіе нравственныхъ и физическихъ пороковъ закрытаго воспитанія. Но это отдѣльные случаи, и страна наша можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что женщины не имѣютъ понятія о неизмѣри-

момъ развратѣ, который разъѣдаетъ ихъ полъ, напр., въ Парижѣ и Нью-Іоркѣ. Германскія женщины обладаютъ совсѣмъ иными задатками нравственности, чѣмъ болѣе или менѣе важныя лоретки имперіялистскаго полусвѣта, или львицы Бродвэя, въ странѣ янковъ...

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій я сказалъ, что общее германское отечество—не пустая фраза, такъ какъ слово «Германія», изъ чисто «географическаго» понятія перешло, по мнѣнію всѣхъ мыслящихъ и чувствующихъ людей, въ понятіе нравственное. Пусть же и для женщинъ—для нихъ въ особенности—это нравственное понятіе объ отчизнѣ будетъ дѣломъ, близкимъ сердцу: пусть онѣ привьютъ его къ своимъ сыновьямъ, передадутъ дочерямъ, вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, и воспитаютъ въ тѣхъ и другихъ гражданъ и гражданокъ, готовыхъ совокупно трудиться для будущности нашего народа. Можно даже сказать, не фантазируя, что женщины, при ихъ болѣе идеальныхъ и глубокихъ чувствахъ, при ихъ самоотверженіи и преданности, призваны болѣе мужчинъ содѣйствовать построенію этой будущности. Г-жа Германія гораздо болѣе возвышенное существо, чѣмъ Михель Небельгеймеръ, свинцовая душа котораго покорно уступаетъ всякому давленію свыше, а вѣчные оглядки нерѣдко сильно напоминаютъ лакейскую предупредительность. Многочисленныя, измышленныя имъ философскія теоріи удачно дополнились новою теоріею трусости, или, какъ она у него называется: мужествомъ пассивнаго сопротивленія. Во всей новѣйшей исторіи германскаго мужчины, нѣтъ такого слова—и слова, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ дѣломъ—какое сказала въ 1849 г. вдова пастора въ Дитморзенѣ. Двое сыновей ея служили въ шлезвигъ-голштинской арміи, стоявшей подъ Фридрихсштатомъ. За нѣсколько дней до неудачнаго приступа Бонина къ датскому укрѣпленію, молодые люди писали къ матери, что въ виду вѣроятной смерти въ предстоящей битвѣ, ихъ сокрушаетъ одно, что они не могутъ отплатить матери за всю ея любовь къ нимъ. Мужественная женщина отвѣчала имъ: «Вы наградите меня за мою любовь, если будете первыми на приступѣ и послѣдними при отступленіи». Нужно быть матерью, чтобы понять, чего стоило материнскому сердцу написать эти слова.

Хвалить прошлое въ ущербъ настоящему,—безразсудно и противно исторіи. Но только легкомыслен-

ные оптимисты или люди съ преднамѣреннымъ желаніемъ прикрасить станутъ отрицать темное пятно, лежащее на нашемъ времени. Пятно это заключается въ томъ, что мы слишкомъ часто предпочитаемъ внѣшность сути, позолоченную грязь неполированной рудѣ, и скрываемъ свою несостоятельность подъ широкими складками громкихъ фразъ. Какъ янки говорятъ о «всесильномъ долларѣ», такъ мы, и еще съ большею справедливостью, можемъ говорить о «всесильной фразѣ». Она царитъ и въ женскомъ воспитаніи, какъ во всемъ остальномъ, и соображая ея результаты, нельзя не понять и не извинить, что наши молодые люди толпами переходятъ въ лагерь холостяковъ. Смѣшно было бы видѣть,—еслибы это не было такъ грустно, — какъ среднее сословіе, все болѣе и болѣе увлекаясь всесильною фразою, старается «образовать» изъ своихъ дочерей ненужныя свѣтскія игрушки. Какія же хозяйки и матери могутъ выйти изъ нихъ? Именемъ здраваго смысла, нравственности и родительскаго долга—гоните прочь фальшиваго краснобая; выбросьте вонъ непремѣнное фортепіано, превратившее каждый домъ въ настоящій адъ; выучите молодыхъ дѣвушекъ во

время узнавать цѣну труда и понимать, откуда дается хлѣбъ; пусть лучше пальцы ихъ работаютъ въ кухнѣ, въ кладовой, въ саду, чѣмъ на клавишахъ, безполезно отнимающихъ столько времени, притупляя вмѣстѣ съ тѣмъ способность мыслить. Внушите имъ, что истинное поприще женщины не на балѣ, не въ оперѣ, не въ концертѣ, а въ домѣ, около дѣтей. Выучите ихъ мыслить, ясно, логично мыслить, хоть по нѣсколько минутъ сряду; развейте въ нихъ вмѣсто фразы, вмѣсто желанія рисоваться и «блистать» желаніе быть чѣмъ нибудь получше модныхъ куколъ за стеклами магазиновъ; дайте за ними въ приданое вмѣсто мелочнаго фантазерства, благоразуміе, умѣренность и любовь къ труду и—клянусь всѣми богами!—мы снова увидимъ поколѣніе матерей, способныхъ не въ видѣ исключенія, а вообще, воспитывать здоровыхъ дѣтей, будущихъ людей, со всѣми данными къ тому, чтобы избавить насъ отъ владычества фразы!...

Въ настоящую минуту, будущность нашего отечества стоитъ передъ нами мрачная и неясная, возбуждая болѣе опасеній, чѣмъ надеждъ; наши слишкомъ основательныя заботы нельзя разсѣять увѣре-

ніями, что единство, свобода и величіе націи «будутъ выкованы подъ священными ударами нужды». Не случай, а мысль и трудъ создаютъ и образуютъ людей. Пожелаемъ же, чтобы германскія женщины проникались убѣжденіемъ, что ихъ лучшія и драгоцѣннѣйшія сокровища могутъ процвѣтать, какъ и наши, только въ нашемъ народѣ и съ народомъ; пожелаемъ, чтобы въ ихъ сердцахъ всегда нашелся громкій отголосокъ на прекрасныя слова нашего поэта:

«О! никакой громъ небесный, никакой звукъ земной, будь это звукъ, слетѣвшій съ прекрасныхъ, сладкихъ устъ, не сравняется въ могуществѣ съ словомъ: отчизна!»